

ВЛАДИМИР ДЕЛБА

*Между храмом,
стадионом и парком*

Новеллы

УДК 821.352.2

ББК 84(5Абх=Рус)6-44

Д 291

Делба В. М.

Д 291 Между храмом, стадионом и парком / В. М. Делба. – СПб.: Алетейя, 2024. – 320 с.

ISBN 978-5-00165-821-4

В новую книгу Владимира Делба, замечательного абхазского художника и писателя, пишущего на русском языке, лауреата Международной литературной премии им. Ф.А. Искандера, вошли произведения, написанные в разное время. Это самостоятельные новеллы, с разными героями и сюжетами, развивающимися в многочисленных географических координатах. Что их безусловно объединяет, это любовь автора к своей Родине – Абхазии и к русскому языку. «Описываемые события «застревают» в голове – настолько ярок и образен язык писателя. Его неспроста называют наследником Искандера», считает литературный критик Елена Киселёва.

УДК 821.352.2

ББК 84(5Абх=Рус)6-44

ISBN 978-5-00165-821-4

@biblioclub: Издание зарегистрировано ИД «Директ-Медиа» в российских и международных сервисах книгоиздательской продукции: РИНЦ, DataCite (DOI), Книжной палате РФ

© В. М. Делба, 2024

© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2024

Писатель должен обладать богатым воображением и фантазией. Но при этом, как правило, он избирает, хотя бы в качестве стартовой площадки своих произведений, реальные факты, которым был свидетель, либо полученные из источников, заслуживающих безусловного доверия.

Я часто и с удовольствием путешествую по собственной памяти в поисках достойных сюжетов, коих множество хранится там, в её «архивах».

Детство и юность, проведённые в благодатном краю, в солнечном интернациональном городе, столице Абхазии, не могли не стать естественными источниками формирования столь удивительной коллекции различных событий, часто забавных, озорных и очень смешных, порой драматичных и даже трагических. И огромного количества столь же уникальных, ни на кого не похожих персонажей. Настолько уникальных, что явно заслуживают стать героями книг. Причём судьбы некоторых из них сложились так неординарно, что порой и не нуждаются в литературной обработке, а лишь в простом их переносе на бумагу.

Новеллы, собранные в сборнике, как и другие мои произведения, посвящены любимому городу, моему беззаботному и счастливому детству и юности, насыщенной интереснейшими событиями и эмоциями.

Написаны они в разное время и, возможно, некоторые из них знакомы моим читателям, но какие-то будут для них открытием, я надеюсь.

С глубоким уважением и теплом!
Ваш автор

МЕЖДУ ХРАМОМ, СТАДИОНОМ И ПАРКОМ

Удар такой силы не оставил ему шансов. То ли карты легли именно так в тот трагический вечер, который, кстати, казался изначально фантастически весёлым и очень крутым. Или он сам выбрал карту из колоды своей судьбы, решив сыграть с ней, с судьбой, в орлянку. Или, скорее, в русскую рулетку.

Во всяком случае идея оставить вечеринку, танцы с девушками под медленную романтическую музыку, угнать автомобиль, отправиться на нём неизвестно куда в поисках приключений, принадлежала ему, Жорику. Именно он моментально отреагировал на информацию, что рядом, на улице одиноко стоит «УАЗ», грузовичок или «полбуханки», как его называли, ибо у машины был деревянный кузов, в отличие от «буханки», цельнометаллического фургона.

«УАЗ» принадлежал строительному тресту, водитель жил двумя домами выше по улице, ведущей к Сухумской горе, он, очевидно, в этот вечер поленился поставить его в гараж. Да и кто мог позариться ночью на грузовую машину в спокойном нашем городе?

Ещё двое слегка подвыпивших друзей-подростков выразили горячее желание поучаствовать в авантюре, стоило ему только озвучить свои мысли.

Открыть кабину перочинным ножом оказалось легко. Затем, толкая руками, автомобиль развернули в сторону спуска, «экипаж» занял места, и с незаведённым двигателем, с погашенными огнями машина бесшумно покатила вниз.

Зажигание включили при помощи того же ножика, уже отъехав на приличное расстояние, мотор запустился «с толкача» и радостно заурчал.

Чувства, овладевшие парнями, были сродни ощущениям какой-то безбрежной, неопишуемой свободы! Представьте автомобиль, летящий на предельной скорости по пустым улицам ночного города, покорный лишь воле и умению юного водителя! Свист ветра в приоткрытом окне, восторженные, слегка театральные возгласы на выражах, колкие реплики и громкий смех. Стопроцентный адреналин! И разве кто-то думал о такой мелочи, что внутри домов с погашенными окнами спят реальные люди, горожане, и что двигатель грузовика, даже такого небольшого, издаёт на больших оборотах звуки, сродни рёву крупного дикого животного.

План, пришедший Жорикю на ум, был опасным, это была авантюра чистой воды, но, пожалуй, в духе той самой русской рулетки.

Дело в том, что часть республиканского начальства проживала в доме на углу улиц Чавчавадзе и Фрунзе, выходящем фасадом на площадь имени Ленина. С целью оградить высоких чиновников и их семьи от шума проезжающих автомобилей, движение по площади по ночам запретили.

Замысел юных фрондёров как раз и заключался в желании «позлить медведя в берлоге», то есть

устроить гонки на площади именно под окнами «сильных мира сего». Смысл же сравнения грядущего действия с игрой в русскую рулетку заключался в том, что здание, о котором идёт речь, соседствовало с городским отделением милиции. Так что под медведем подразумевались, в большей степени, именно слуги закона.

Позлить, а вернее, разозлить жильцов элитного дома явно удалось, судя по большому количеству окон, в которых загорелся свет. И, спустя совсем короткое время, со стороны горотдела на площадь въехал на приличной скорости мотоцикл с коляской, на котором восседал милицейский офицер.

Решение, очевидно, единственно верное пришло моментально. Уйти на тихом ходу, по большому счёту, «УАЗике» от мощного «УРАЛа» на широких и гладких городских улицах было нереально, и Жорик, совершив прощальный круг вокруг площади, отсалютовав округе протяжным сигналом, направил грузовичок в сторону Сухумской горы. Милицейский мотоцикл упорно «сидел на хвосте», побаиваясь, видимо, идти на обгон.

На перекрестке, у подножия горы, рядом со старинной виллой Алоизи машина ушла правее. Там, на улице Ласуриа, метров через триста заканчивался асфальт, и дальше шла совершенно разбитая грунтовая дорога. Мотоцикл здесь становился бесполезным механизмом, в отличие от проходимого шустрого грузовичка.

Резво прыгая, как горный козёл с кочки на кочку, «УАЗ» быстро преодолел горизонтальный участок неосвещённой дороги и, почти не сбавляя скорос-

ти, резко провалился, как на американских горках, под восторженные возгласы любителей адреналина вниз. Крутой спуск вывел машину на асфальтированную улицу Чанба.

Здесь бы «экипажу» перестать испытывать судьбу, оставить автомобиль в тёмном месте и разойтись пешком по домам. Ну а как же тогда адреналин?!

Хоть игра и становилась рискованной, парни решили, образно говоря, сделать новые ставки и продолжить.

Улица Чанба уходила вправо, к небольшой площади у Красного моста, откуда можно было попасть в центр, однако возвращаться в город было крайне опасно, поэтому на ближайшем перекрёстке водитель свернул налево, переехал речку Беслетку по Белому мосту и выехал на Тбилисское шоссе, пустынное ночью.

Асфальт шуршал под колёсами, мотор ровно и довольно гудел, будто радуясь свободе, автомобиль мягко и достаточно быстро летел внутри тёмного тоннеля, образованного кронами деревьев, проскакивая иногда пятачки неяркого света редких уличных фонарей. И адреналина пока, образно говоря, у «экипажа» хватало.

Свет фар быстро приближающегося автомобиля Жорик увидел в зеркале заднего вида. То, что это милиция, сомнений не было. И что преимущество было у легковушки, догнавшей «УАЗ», тоже было ясно.

Справа от шоссе находилась площадь перед железнодорожной станцией Келасури. Она была ниже уровня шоссе, от тротуара вниз спускалась широкая лестница.

Проехав её, Жорик немного сбросил скорость, резко свернул направо и выехал на площадь уже в обратном направлении. В самом конце площади, на небольшом островке между станцией и шоссе стояло одноэтажное здание продуктового магазина, к которому с задней стороны были пристроены складские помещения.

Притормозив у магазинчика, Жорик крикнул своим пассажирам:

– Прыгайте!

Подростки буквально выкатились из кабины автомобиля в спасительную тень пристройки. «УАЗик» же, набирая скорость, вновь выскочил на шоссе, пытаясь уйти от погони. Но милицейская «Волга» уже шла на обгон.

Пистолетный выстрел показался негромким хлопком из-за рёва автомобильных моторов. Другим из убежища было хорошо видно, будто на экране кинотеатра, как на приличной скорости грузовичок неожиданно вильнул, накренился и вылетел на тротуар. Ударившись о бордюр, машина будто взмыла в воздух, как птица в замедленной съёмке, грациозно пролетела над лестницей и ещё на лету врезалась в массивное чугунное основание фонаря. Удар такой силы, как я уже говорил, не оставил Жорика никаких шансов...

Не знаю, почему воспоминания мои начались со столь трагического эпизода. Наверное, потому что именно тогда я, подросток, впервые напрямую столкнулся со смертью, ибо был участником описываемого события, одним из «пассажиров». И всё произошло на моих глазах, что само по себе явилось

страшным шоком. Ведь одно, когда уходили из жизни чьи-то бабушки или дедушки, люди почтенного возраста. Это было как бы естественным атрибутом повседневной жизни, ведь похороны и поминки – грустная, но привычная, рутинная её часть.

И совсем другое – потеря ровесника, близкого друга, с которым ты был связан огромным количеством незримых дружеских нитей, человека из плоти и крови, с которым всего несколько минут назад мы, смеясь, вместе испытывали судьбу.

Я допускаю: это память подсказывает мне, что жизнь наша сложна и многообразна, в ней есть место и для радости, и для печали, а вернее, грустное и весёлое всегда идут по жизни рука об руку. Потому, путешествуя во времени, стоит избегать соблазна одинаково идеализировать всё, что случилось с нами когда-то. Образно говоря, если мы усыпаем дорогу в прошлое виртуальными розами, не стоит забывать и о шипах!

Хотя, должен признать – лично мои детство и юность были, в большей степени, радостными, весёлыми и интересными. Солнечными, можно сказать, как и сам город, в котором я родился и вырос и в который я постоянно возвращаюсь, стоит только закрыть глаза.

* * *

В 1954-м году, после окончания двух классов русской школы №2 меня перевели в школу №3, где только что открылся абхазский сектор.

По сухумским меркам, до школы было достаточно далеко, примерно двадцать минут ходьбы. Рядом

Между храмом, стадионом и парком

находился городской кафедральный православный храм, чуть дальше – живописный парк, называемый «Пионерским», а в нескольких десятках метров от школы располагался городской стадион. Да и само здание школы дореволюционной постройки, из тёмного кирпича, с арочными окнами, белыми колоннами, двумя большими террасами на фасадной части, обрамлёнными каменными перилами с балясинами, и с открытой парадной лестницей было красивым и внушительным

Поговаривали, что в этом здании обучался до революции Лаврентий Берия, вошедший в историю как душитель и палач и одновременно как выдающийся организатор оборонной промышленности СССР.

Я быстро подружился с одноклассниками, но, к великому сожалению, плохо знал родной язык и вынужден был перейти в параллельный класс русского сектора, в котором и проучился восемь лет, вплоть до окончания десятилетки в 1962-м году.

Классы абхазского сектора вскоре переехали в здание 10-й школы, в центр города. Но тёплые дружеские отношения никуда не делись. Хотя жизнь и разбросала многих одноклассников, как говорится, по городам и весям, мы, оставшиеся, и сейчас, спустя десятилетия, с радостью общаемся при малейшей возможности. Я и мои одноклассники – Астамур Дзидзария, Валерик Касландзия, Даур Сарсания.

В новом коллективе меня приняли хорошо. Собственно, новым он являлся номинально, ибо все мы, ученики одной школы, прекрасно знали друг друга. Но, как обычно бывает, с кем-то в классе устанавли-

ваются более тесные связи, перерастающие в настоящую дружбу. И я благодарен судьбе за то, что она подарила мне такую дружбу и таких друзей!

Каждый из них заслуживает отдельного, обстоятельного и долгого рассказа.

Но я считаю, что не стоит утомлять читателя описанием событий и деталей, сродни летописи, представляющей интерес для узкого круга причастных, посему постараюсь «выдёргивать» из архива памяти наиболее яркие, забавные, порой уникальные истории своего школьного детства без соблюдения хронологического порядка.

* * *

Итак, стадион был совсем рядом. Мы, мальчишки, часто ходили туда после занятий или срываясь иногда с уроков. Стадион в те годы выглядел достаточно удручающе: обшарпанные стены, ржавые ворота без замков, искривлённые доски трибун с облезлой краской.

На территории стоял маленький домик, в котором жила семья тренера детской футбольной секции, грека по имени Тула. Он ещё присматривал по возможности за полем, ибо, помимо тренировок спортсменов, здесь проходили и матчи профессиональных команд.

Для нас, школяров, стадион был символом свободы, абсолютной вольницы. Можно было вволю погонять мяч, громко обсуждать любые темы, курить, ни от кого не таясь.

Ну, и конечно, сам футбол, не только как красивый, зрелищный и азартный спорт, но и как некое

мировоззрение, как жизненная философия большинства южан, стал для многих наших учеников не просто забавой или временным увлечением, но делом всей жизни или, по крайней мере, важной её частью.

Центром же общественной жизни города, местом неформального общения горожан было открытое в конце пятидесятых кафе, получившее неофициальное название – «телевизор», поскольку три из четырёх стен были стеклянные. Располагалось оно в стратегически безупречном, всегда людном месте, в ста метрах от набережной, вблизи гостиницы «Абхазия» и ресторана «Амра»!

Небольшую открытую площадку перед стеклянным кубиком очистили, обрамили газоном, засыпали гравием и установили высокие столики без стульев. Именно здесь, на этом пяточке и зародилось уникальное явление, названное позже – «Брехаловка», без которого потом уже невозможно было представить наш город.

Совершенно нетипичное для лексики горожан слово, как ни странно – прижилось! Именно здесь, за чашкой ароматного кофе можно было узнать все новости: мировые, городские, дворовые и т.д. Причём вся будто бы фактическая информация сопровождалась эмоциональными, остроумными, порой саркастическими комментариями.

Люди собирались самые разные, поэтому дискуссии, переходящие иногда в словесные перепалки, могли напоминать соревновательную форму научно-философских олимпиад либо являть собой образчики виртуозных фраз на типично сухумском

«сленге» с применением, как правило тактичном, элегантно, характерной «сухумской» ненормативной лексики.

И темы обсуждались самые разные, но чаще и более всего говорили, конечно, о футболе. Эмоционально, как правило, но часто объективно, со знанием дела. И всегда интересно!

Словом, если сказать, что футбол был популярен в народе, значит – не сказать ничего. Им попросту «болела» большая часть мужского населения города.

Я не входил в эту самую большую часть, поэтому могу быть неточным в оценках, но думаю, что можно смело назвать отношение к футболу в те годы – романтическим. В самой игре ценились игроки, владеющие, в первую очередь, виртуозной техникой, а уже потом атлетизмом, скоростью, мощным ударом. Не сходили с языка имена Пеле, Эйсебио и других кумиров мирового уровня! Да и советский футбол дал миру много славных имён.

Любимой, самой главной, «своей», выступавшей в Высшей лиге была для горожан, конечно, команда тбилисского «Динамо»! И в ней играли высококлассные «технари»! Стоит только назвать Михаила Месхи, Георгия Сичинава, Шоту Яманидзе, Владимира (Сёму) Баркая!

В те годы добрыми были и отношения между болельщиками и спортсменами различных команд. Возможно, время моего детства просто было добрым и романтическим!

Вот и моих школьных друзей футбольный «вирус» не обошёл стороной. Многие были записаны в детскую футбольную секцию. Я уже как-то расска-

зывал о своих одноклассниках, ставших профессиональными известными футболистами. Это – Константин Янулиди, Арчил Еркомаишвили, Алексей Илиади.

Алексея, Алика, «Альдоса», как мы его обычно называли, вообще не могу вспомнить или представить без мяча. Такое впечатление, что футбольный мяч был вручён ему при рождении как обязательный атрибут жизни. И появлялся Альдос каждое утро в школе с мячом на носке ботинка, умудряясь обвести каждого, кто попадался на пути, будто игроков на поле, не теряя, как правило, мяча. Не обращая никакого внимания ни на возгласы, ни на шутки, отпускаемые мальчишками, ни на восхищённые взгляды школьниц.

* * *

Школьницы! Девочки!

Конечно, невозможно обойти эту волнующую тему. Тем более, что она обширна, разнообразна, ибо включает в себя, как сложное музыкальное произведение, огромное количество оттенков и нюансов, характерных для конкретного городского уклада жизни в те времена.

Маленький наш интернациональный город, переплавив, как в горниле, идеологию марксизма-ленинизма, нормы поведения и традиции, религиозную философию живущих в нём народов, сохраняя глубокое к ним уважение, получил некий сплав, кодекс поведения, устраивающий всех. Понятия о чести и достоинстве, мужество, справедливость, уважение к старшим и высокие моральные принципы

семьи, предусмотренные этим «сводом законов», были ясны и близки всем жителям.

Правда, строгость этого негласного кодекса в части моральных принципов «разбавлял» некий средиземноморский «флёр», типичный для южных курортных городов. С одной стороны, он развивал такие качества, как деловитость, предприимчивость, коммуникабельность, с другой же стороны, плодил сибаритов, «профессиональных» курортных сердце-едов, любителей импровизаций и приколов, густо замешанных на специфическом тонком местном юморе!

Что же касается темы наших рассуждений, ситуация была простой и понятной, хотя порой двоякой. И вот почему.

Девочек воспитывали строго, посему и наши мальчишеские симпатии, и предпочтения рассматривались с обязательным учётом сего факта. Конечно, мы увлекались, влюблялись в наших сверстниц и часто не без взаимности. Но каждый факт «дружбы» конкретного мальчика с конкретной девочкой моментально становился «достоянием широкой общественности» и протекал обычно под строгим контролем родителей, родственников, близких и дальних, соседей, сослуживцев родителей и так далее.

Танцы на школьных «вечерах», вечерние прогулки по оживлённой набережной, редкие походы в кино – вот и, пожалуй, весь набор вариантов общения.

Робкие, как бы случайные соприкосновения рук заставляли сердце биться с удвоенной силой,

а «добытые» иногда невинные поцелуи «в щёчку» становились волнующим событием, не дававшим потом уснуть всю ночь. Ни о чём большем по отношению наших сверстниц мы даже и не мечтали.

Двоякость ситуации, о которой я вёл речь выше, в том-то и заключалась, что мы, мальчишки, на самом деле не были монахами. Наоборот, юноши-южане созревают рано, и, конечно, тема любви, романтических отношений с женщинами очень даже волновала. Ведь этот самый «флёр», о котором я говорил, не обходил нас стороной.

Вспоминаю забавную историю. Как-то раз, будучи в классе пятом-шестом, я обнаружил дома в книжном шкафу, мамины учебники по акушерству и гинекологии, тексты в которых сопровождались большим количеством очень подробных и наглядных рисунков. Естественно, первое, что я сделал, так это «потасил» книги в школу, где на большой перемене предъявил рисунки одноклассникам.

Картинки вызвали огромный интерес у мужской части класса, тут же возникла стихийная конференция на заданную тему с детальным обсуждением материала, с соответствующими репликами и комментариями. Мы так увлеклись, что ослабили бдительность, так что всех застукали на месте преступления, как говорится.

В результате виновник, «закопёрщик», то есть я, был препровождён с вещественными доказательствами в кабинет директора школы!

Вера Константиновна, наша директриса, была добрейшим человеком, к тому же бывшей студент-

кой моего отца, которого она глубоко уважала, а посему часто прощала мне мои «художества». Но сегодняшний проступок выходил за рамки привычных школьных происшествий, ни с чем подобным здесь ещё не сталкивались, и, конечно, сама директриса и завуч находились в смятении, да и в некотором смущении, учитывая щепетильность темы.

Я же, интуитивно уловив это самое смущение, решил, согласно классической поговорке, использовать в качестве обороны нападение.

– Вера Константиновна! – возмущённым тоном выдал я моментально возникшую в голове достаточно длинную, но не лишённую логики тираду:

– Не могу понять, что вызвало такую реакцию классного руководителя. Вы прекрасно знаете, что у нас в плане стоит сочинение на тему: «Кем ты хочешь стать?»! Я уже решил – врачом, причём, как и моя мама, хочу стать гинекологом. Я поделился своими мыслями с одноклассниками, но многие ребята не поняли, что же я имею в виду. Так вот, чтобы не объяснять на пальцах, чем гинеколог-акушер отличается, скажем, от врача ухо-горло-нос, я и принёс ребятам эти учебники. Теперь они разобрались принципиально и одобрили мой выбор! А тут меня, как преступника на аутодафе, ведут под охраной в Ваш кабинет! Пожалуйста, распорядитесь, чтобы мне вернули книги.

Говорят – наглость берёт города! Дело в том, что мой монолог явился ещё и «спасательным кругом» для директора школы!

– Вот, Вы же видите, – обращаясь к завучу, уверенно произнесла она – мальчик ничего плохого не

замышлял. Просто он ещё не очень хорошо понимает, о чём можно открыто говорить со сверстниками, а о чём нежелательно. Проводите его домой и там у дома верните книги!

– А ты, я надеюсь, сделаешь правильный вывод! – Эта фраза уже предназначалась мне.

Мужское население города, вынужденное жить зимой по строгим законам «гор», очень даже «оттягивалось» летом, когда начинался курортный сезон, и город заполняли отдыхающие, «курортники», среди которых, так уж повелось, было огромное количество женщин, красивых, свободных, не имеющих ничего против мимолётных курортных романов.

Но это не значит, что и не в «сезон» все без исключения горожане придерживались пуританского образа жизни. В эпоху моей юности, например, минимум две особы женского пола, известные всем, Машка и Марго, открыто торговали телом. Правда местные мужчины редко пользовались их услугами, боясь подхватить какую-нибудь «нехорошую» болезнь. Так что дамы работали обычно на железнодорожном вокзале, находя клиентов среди одиноких приезжих мужчин. Но и среди внешне благопристойных женщин и девушек находились такие, о которых говорят: «исключение из правила, правило подтверждающее»!

В первый раз меня совратила в пятнадцать лет разбитная и шумная Сусанна, из старшего класса. Девочка была явной акселераткой, довольно рано сформировалась физически, в силу чего восьмиклассницей была выдана замуж за дальнего род-

ственника, недавно демобилизованного из армии. В регистрации брака сельсовет отказал, так что расписались молодые только после рождения ребёнка, которого девица уже носила, как говорится, под сердцем.

Но спустя три месяца неукротимая Сусанна «наставила рога» новоиспечённому супругу с офицером ближайшей воинской части, была застукана на месте грехопадения, в служебном военном «Козлике» и с позором изгнана из семьи свёкра. Родителям пришлось взять воспитание внука на себя, а распутницу отправить из родного села в город, к тётке, которая и определила девицу-переростка в ближайшую среднюю школу, то есть – в нашу.

Конечно, никто в школе не знал о приключениях сельской Кармен. По крайней мере, на первых порах.

На школьном «вечере» во время танца Сусанна вдруг шепнула мне:

– Знаешь, а я тебя полностью оккупирую сегодня. Ты мой и только мой. Договорились?

Меня совершенно не смутили слова девушки, произнесённые с улыбкой. В конце концов, почему и не пофлиртовать, в шутку?

– Договорились, – так же шёпотом ответил я.

Я даже, по неопытности, не придал значения тому, как порывисто вдруг прижалась ко мне Сусанна. Как бы случайно, на секунду, всем телом.

Танцы в школах были традицией. До этого я танцевал со многими девушками, но не помнил ничего подобного. Неожиданный импульс, похожий на несильный электрический разряд, пронизавший всё тело, прилив жара, дрожь в руках и лёгкое голово-

Между храмом, стадионом и парком

кружение. Отчего вдруг? Я догадывался – отчего, но времени на анализ не было.

– Мне нужно домой, к тётё, проводи меня, – дыша мне прямо в ухо, попросила девушка.

И опять от неожиданного жара запылали щёки и лоб.

Вечер был тёплым. Смеркалось, но было достаточно светло. Чтобы сократить путь, решили идти через Пионерский парк. Парк располагался недалеко от школы, на отшибе. По вечерам он был, как правило, безлюден.

Здесь, в Пионерском парке, в зарослях густого кустарника всё и произошло.

Честно говоря, я не мог себе даже представить подобного натиска, пылкого, агрессивного и уверенного.

Да, я и раньше целовал сверстниц, но это были невинные, робкие, иногда обманом сорванные мгновенные прикосновения губами к девичьим щекам.

Как целуются взасос я, к своему стыду, знал только по фильмам. Сегодня же мне предстояло пройти «ускоренный курс» возмужания, причём по всем дисциплинам сразу.

Всё было впервые. И взрослые поцелуи, и возможность ласкать упругое и податливое девичье тело.

Меня смутило, когда Сусанна ловким движением стянула с себя платье и сорвала лифчик. Конечно, как любой подросток, я знал, как устроена женщина. Но одно дело фотографии сомнительного качества, которые продавали глухонемые в электричках и цыгане у Центрального рынка, или рисунки из маминих медицинских книг, и совсем другое дело, когда

рядом с тобой доступная, манящая тёплая плоть, наполненная энергией страсти и желания.

Я долго не осмеливался дотронуться до груди девушки и так и не заставил себя смотреть на её тело, когда она сняла оставшееся бельё.

В конце концов, инициативу полностью взяла на себя Сусанна. От начала и до конца.

Ночью я не мог заснуть. Память постоянно возвращала в Пионерский парк. Я пытался, уняв эмоции, вспомнить все детали, все тонкости своего любовного приключения и оценить его объективно.

С одной стороны, я вроде бы купался в лучах славы. Ну как же! Вот и я стал настоящим мужчиной, мачо, опытным сердцеедом и состоявшимся любовником. И теперь мог с пониманием и даже с некоторой высоты внимать восторженным рассказам своих друзей-сверстников об их похождениях. С пониманием – потому-то уже знал предмет, а с высоты – потому что большинство историй были моими друзьями просто выдуманы.

С другой стороны, меня смущало многое из того, что произошло вчера. К примеру, полная неожиданность происшедшего, к которой я оказался не готовым. Безумный темп действий, заданный партнёршей, её натиск, не дававший возможности приспособиться, понять и принять правила игры. В результате сознание моё, мои эмоции оказались психологически заблокированы.

И если физиология всё же взяла своё, и «дама сердца», как мне показалось, осталась довольной, сам я явно доволен не был. Впечатления мои были

далеки от тех романтических встреч и страстных любовных свиданий, что виделась мне во снах, о которых я часто читал и, чего греха таить, тайно мечтал.

Сегодня же в памяти всплывали только стыд, неудобство поз, раздражающий запах чужого пота, неестественные и слишком громкие стоны девицы. И страх, что в любой момент раздвинутся ветви кустарника, и мы, двое обнажённых подростков, окажемся в центре гогочущей толпы.

К рассвету я окончательно решил, что ни при каких обстоятельствах с Сусанной больше дел иметь не буду. И тут же уснул, будто сняв с души тяжкий груз.

Засыпая, почему-то вспомнил фразу из газетного объявления о гражданской панихиде усопшего горожанина. В тексте обозначался час окончания ритуала и было написано: «Доступ к телу прекращается».

Конечно, какое-то время я вспоминал о своём приключении, потом оно постепенно выветрилось из памяти вместе с образом искусительницы, которую из школы куда-то забрали родственники.

Жизнь на школьной территории между храмом, стадионом и парком продолжалась, суля новые знания, опыт, приключения, открытия.

* * *

Мне с детства нравилось зарисовывать всё интересное, что привлекало внимание, или придумывать сюжеты, ложившиеся потом на бумагу.

В конце концов, родители отвели меня в городскую художественную школу. Директором в те времена был Николай Онуфриевич Табукашвили.

Прекрасный живописец, он обладал даром устанавливать добрые, доверительные отношения с учениками, умел распознавать скрытые в детских душах таланты и тонко, ненавязчиво «подталкивал» каждого в нужном направлении. И с чувством юмора у него было всё в порядке.

После просмотра моих рисунков и дружеского собеседования я был принят. Как выяснилось позже, решение о зачислении предопределило мою дальнейшую судьбу.

Школьный интернациональный коллектив оказался дружным и весёлым. Классов как таковых не было, так что мы, ученики, занимались вместе по одной программе независимо от разницы в возрасте.

Несмотря на характерное для подростков озорство, а порой и разгильдяйство, Николаю Онуфриевичу удалось самое, пожалуй, важное – он привил нам любовь к тому, чем мы занимались, и огромный интерес к жизни, воспринимаемой опять же через призму искусства.

И ещё он научил нас относиться с юмором ко всем жизненным ситуациям.

С улыбкой вспоминаю забавные случаи, происходившие в стенах школы.

Как говорится, «материальная часть» заведения была очень скромной. Директору приходилось периодически покупать на рынке из скудной своей зарплаты фрукты и овощи для учебных натюрмортов.

Здесь надо пояснить, что школа располагалась на первом этаже двухэтажного дома, на втором же находилось общежитие для наших иногородних

учеников и студентов музыкального училища. Учтивая, что двери первого этажа были хлипкими, а аппетит жителей второго этажа как раз очень даже не «хлипким», наутро из предметов, составлявших вчерашний натюрморт, оставались только несъедобные: драпировки, керамические кувшины или вазы, ну и огрызки былой рыночной флоры.

Однажды, закончив постановку новой композиции, Николай Онуфриевич, хитро улыбаясь, поставил рядом с натюрмортом картонную табличку. На ней крупными буквами было написано: «Кушать фрукты не рекомендую, они облиты керосином, можно отравиться».

От натюрморта действительно исходил характерный знакомый запах, различимый даже здесь, в классе, в воздухе которого постоянно витал «букет» ароматов красок, растворителей, лаков. Директор довольно потирал руки. Ну вот, найден способ борьбы с ночными едоками. Вряд ли теперь даже самый голодный подросток решится употребить в пищу керосин.

Какой же наивностью оказалось предположить нечто подобное.

На следующий день на столике рядом с драпировками сиротливо лежала лишь виноградная кисточка. Без ягод, естественно.

Николай Онуфриевич не сдавался. Вернувшись, в очередной раз с рынка, поставив натюрморт, он демонстративно достал бутылку керосина, медицинский шприц и терпеливо, методически, «поставил укол» каждой ягоде принесённого винограда и каждому фрукту в отдельности. Теперь-то всё! «Против

лома нет приёма»! Конечно! «Окромя другого лома»! Я понятно намекаю?

Когда «троглодиты» сожрали и эту «снедь», директор опустил руки. Позвонил своим друзьям в Тбилиси, и нам прислали из Академии художеств несколько наборов овощей и фруктов, выполненных из стеарина. Муляжи выглядели настолько правдоподобно, что директор на всякий случай заготовил новую табличку, где предлагал едокам избрать и делегировать одного доверенного «эксперта», который попробовал бы стеариновые изделия, как говорится, «на зуб», и выдал авторитетное заключение о несъедобности реквизита. На этот раз вопрос был закрыт!

Моему другу Павлу захотелось попробовать себя в лепке. Группу скульптуры в школе вёл Юрий Чкадуа, недавний выпускник Тбилисской Академии художеств. Для занятий ему выделили небольшую отдельную комнату, стеллаж, два стола, а также несколько гипсовых голов и фигур в придачу. Замка на двери комнаты не было.

Юрий показал Паше несколько обязательных начальных навыков, необходимых для работы с глиной, предложил выбрать любую из гипсовых голов и попытаться вылепить её копию. А уже потом продолжить обучение, используя хоть и небольшой, но наработанный учеником личный опыт.

Ученик так и поступил, выбрал одну из женских голов и приступил к работе. Так сложилось, что приходил он обычно в аудиторию в неурочное время и «творил» в одиночестве. Сначала ничего не получалось, но будущий скульптор был юношей с харак-

тером, к жизни и творчеству относился философски, а любые трудности считал временными.

– Знаешь, Вова, – рассказывал он мне потом – несколько дней я реально мучился, но дело, в конце концов, пошло, с каждым днём мне работалось всё легче и всё интересней, а спустя время я с ужасом осознал, что влюбляюсь в женщину, чей портрет я усердно копировал. Она стала приходить каждую ночь в мои сны, печально глядела на меня, покачивала головой, ничего не говоря. Глаза скульптуры были прикрыты, а ночью, во сне я не мог разглядеть их цвет, рот её застыл в скорбной гримасе, и вообще лицо женщины несло на себе печать горя. Меня терзала мысль, что я не знаю причин этого горя, не могу ничем помочь своей любимой, и сознание своей беспомощности мучило меня всерьёз.

Прошло время, Павел закончил работу, и решил показать её своему наставнику.

Я хорошо помню этот день, ибо и я находился в школе. Юрий пригласил всех в аудиторию.

В окна широкими тёплыми, радостными потоками текли солнечные лучи, в непривычно светлой комнате на столе рядом стояли две головы, гипсовая и глиняная, точная её копия, а рядом со столом, скромно опустив голову, стоял автор копии.

– Дорогие друзья, – торжественно произнёс преподаватель, обращаясь к нам, ученикам, – я собрал всех, чтобы в вашем присутствии похвалить и поздравить нашего коллегу Павла с успешным завершением первого, но очень сложного задания! Собственно, сложность задания «на совести» самого Павла, ибо именно он выбрал, пожалуй, самый слож-

ный для копирования объект. Ведь мне не надо напоминать вам, что это фрагмент скульптуры великого Микеланджело. Оригинал её находится в Париже, в Лувре, называется она – «Умиравший раб»!

Надо было видеть лицо моего друга в тот момент! Через некоторое время он расскажет, как тяжело перенёс сей удар судьбы и как радовался, что никто, кроме меня, не знал о его любви к печальной «незнакомке»!

Много лет спустя, встретив Павла, я пошутил:

– Павлуша, какое счастье, что ты не Пигмалион, а то оживил бы любимую свою Галатею, всю, целиком, а тут вдруг такой облом в нижней части тела!

Часто встают перед глазами лица друзей моих по художественной школе: Валерия Гамгия, Венеры Гагулия, Темура Дидишвили, Володи Войцеховского, Василия Мхонджиа, Виталика Лакрба, Гурама Гетия...

Многие, к сожалению, уже ушли за грань, разделяющую жизнь на «сейчас» и «потом»! Иных судьба разбросала по разным странам и континентам.

Годы пролетели, «просвистели, как пули у виска», но память продолжает цепко удерживать эти живые, чёткие, как карандашные наброски, картинки из моего детства.

* * *

В эпоху моей юности имели хождение многочисленные анекдоты, в том числе с местной спецификой, так сказать, с региональным ароматом.

Вот, к примеру, – призывают в Советскую армию парня из горного села. Отправляют его в строительный батальон, в окрестности озера Байкал. Тёплые казармы, непривычная и невкусная, но обильная еда, в общем, жить можно, да вот неувязка – солдат по-русски не «бум-бум». Командует старшина – «принести лопату», показывая знаками, для чего лопата служит, и вроде всё понятно, и головой новобранец кивает, а сам умудряется не начальству инструмент шанцевый доставить, а самому плац перекопать, да и землю вёдрами за территорию части вынести.

Видит командир художества сии, ну и старшина «впаивает». А старшина, понятно, новобранцу: «Дурак ты, ... твою мать», ну и нарядов несколько в придачу, сортиры солдатские чистить.

Однако усваивает потихоньку новобранец, чего нужно бывает начальству, слова русские запоминает. Вот и притаскивает с радостью лопату, когда снова её требуют. «Молодец, – хвалит старшина, – спасибо, солдат!»

По прошествии полугода пишет сын письмо матери в горное село на родном языке. Так, мол, и так, мама, службу нормально, хоть здесь и мороз, но одежда тёплая, да и кормят хорошо, три раза в день. Начальство доброе, только один, старшина называется, строгий, а так ничего. За полгода службы я получил 167 «... твою мать» и 43 «спасибо».

Отвечает сыну мама, ну и дела, а правда ведь, что эта Красная армия наша воистину народная, ведь когда твой дядя Артём служил у меньшевиков, так их кормили один раз в неделю, а сапог выдава-

ли одну пару на двоих солдат, да и эти потом назад забирала.

В общем, сынок, ты там присмотрен благодаря родному нашему Советскому правительству, а здесь, в горах, совсем нас колхоз задушил, ты ведь знаешь. Поэтому, прислал бы ты своей любимой маме тех, которых у тебя 167, ну тех, что тебе дали в награду, а оставшихся 43-х штук, тебе хватит, я думаю, если их разумно расходовать.

К чему это я анекдот вспомнил? Поясню чуть позже.

В школьных программах в советские времена значился предмет – «военное дело». Предназначен он был мальчикам. Девочки же в это время изучали что-то типа домоводства отдельно в другом помещении.

В моей школе преподавателем или, как мы его называли, военруком был пожилой, но неплохо сохранившийся отставной майор. Небольшого роста, щуплого телосложения, с тихим, совершенно не «командирским» голосом, он скорее походил на учителя истории, литературы или географии, но никак не на бывшего военного, специалиста по грозному «военному делу». Да и характером он обладал мирным, был мягким и сговорчивым.

Мы, школьники, относились к нему с нежностью и теплотой и, как могли, опекали. Был он для нас кем-то вроде «сына полка», только наоборот. Уроков военного дела мы, как правило, ждали с нетерпением, ибо...

Были у нашего учителя два секрета Полишинеля, известных всей школе.

Во-первых, майор любил «тайно» прикладываться к стаканчику. Перед уроком, как правило. Нормой была одна стограммовая ёмкость, к которой полагался кусочек лаваша и блюдечко с квашеной капустой «по-гурийски».

Почему слово – «тайно» – в кавычках? Да потому, что военрук принимал горячительное в будочке мелкой розницы, стоящей в тридцати метрах от входа в школу, где дядя Ражден, продавец, похожий, как две капли воды, на товарища Сталина, носивший такую же рубашку цвета хаки с нагрудными карманами, как и Отец народов, приторговывал домашней чачей и щедро делился со всей округой информацией о своих клиентах.

Все знали о «тайной» привычке военрука, но школьное начальство закрывало глаза. И действительно, не могли же отразиться на профессиональной деятельности отставного майора какие-то жалкие сто граммов чачи.

Во-вторых, военрук был, очевидно, человеком... как бы это сказать, «озабоченным», ну, по женской части. Ибо каждый, обычно сдвоенный урок военного дела, превращался в увлекательное и, как правило, смешное, но весьма познавательное путешествие с майором в военные годы. Почему смешное? Потому что преподаватель плохо владел русским языком, говорил с чудовищными ошибками и сильным акцентом, порой забавно выстраивая свою речь, коверкая слова так, что нам, школьникам, приходилось с трудом скрывать смех.

Но главное то, что военные истории майора обязательно включали в себя сюжеты, наставления и

даже инструкции по поведению в ситуациях, когда речь шла о физиологии, конкретно в плоскости отношений между мужчиной и женщиной.

Вот, к примеру, образчик такой инструкции (с попыткой сохранения стиля и лексики оригинала):

– Прежде чем вступить с женщиной в палевый снашения, необходимо пайти на аптека и купить имеющийся там предохранитель, – с серьёзным видом напутствовал военрук нас, учеников старших классов, уже прекрасно знающих, хотя бы в теории, многое из того, о чём он вёл речь. Но, конечно, мы слушали майора с якобы преувеличенным вниманием, делая вид, что он открывает нам глаза на то, с чем нам ещё только-только придётся столкнуться. Когда-нибудь.

А анекдот о нерадивом новобранце из горного села, 167-ми «...твою мать» и 43-х «спасибо, солдат», я вспомнил вот к чему.

И нашего будущего военрука призвали в Красную армию тоже из затерянного в горах села, в аккурат, когда началась так называемая «Финская кампания» 1939-го года, и попал он сразу на фронт. При этом, как и герой анекдота, ни «бум-бум» по-русски.

Но, как и в анекдоте, методом проб и ошибок постигал понемногу боец премудрости «великого» и «могучего» во всём, можно сказать, его богатстве.

И жить (служить), в общем, было можно, только холодно вот очень, спать-то приходилось в палатках, а днём мёрзли ноги в тонких сапогах. Хорошо хоть уши в тепле, ибо их защищал плотный суконный шлем на ватной подкладке.

А тем временем вроде война идёт, но странная; где-то, по слухам бои, но где и с кем конкретно – непонятно, стоит часть уже вторую неделю в лесу, недалеко от дороги-зимника, по которой иногда проезжают грузовики, и проходят с надрывным воем двигателей небольшие колонны танков. Ну, и самолёты, конечно, в небе летают, но изредка.

Однажды рано утром вызывают героя нашего к командиру части. И командир лично сообщает бойцу, что решил доверить ему очень-очень важное задание.

– Необходимо, товарищ красноармеец, – медленно, с расстановкой говорит командир, зная, что новобранец владеет русским, скажем так, не очень уверенно, – добраться до наших танкистов и вручить командиру вот этот пакет. Понимаешь?

– Да! – отвечает боец, стоя по стойке «смирно». И, перепутав всё на свете, радостно и торжественно добавляет: – Служу Савецки Саюза!

– Ладно! – улыбается командир. – Вот тебе пакет, пойдёшь направо, но не по дороге, а рядом с ней, параллельно, понимаешь? Там наши уже ходили, есть тропинка, понимаешь? А по дороге нельзя, там на деревьях «кукушки» сидят, снайперы финские, понимаешь? Ты, правда, понимаешь? А то всё головой киваешь да киваешь. Ну ладно, раз так. Идёшь, значит, по тропинке, всё время прямо, никуда не сворачивая, восемь километров, это часа два примерно, и выходишь прямо на часть. Часовому скажешь, что пакет у тебя для командира, и передашь. И он, возможно, передаст что-либо для меня. Сразу же назад. Ты понял, боец? Отлично, раз понял. Выполнять!

Выдали нашему герою «сухой паёк», валенки с шерстяными носками вместо сапог и белый маскировочный халат с капюшоном.

И ступил он, как и было приказано, на узкую лесную тропинку в нужном направлении.

Стоял светлый, солнечный, в меру морозный день. Мороз, кстати, почти не ощущался, к тому же было безветренно. Да и для нашего героя, горца, холод не был экзотикой! Зимой в горах Кавказа морозные дни, а особенно ночи – дело привычное.

Воздух был чистым, прозрачным и сухим, дышалось легко. Он даже пьянил немного, этот непривычный финский воздух, будто настоящий на хвое величественных, очень высоких сосен, между которыми петляла в нужном направлении почти незаметная тропинка.

В тени деревьев снег светился загадочным голубоватым светом, на кронах же сосен и на части ветвей вспыхивал неожиданно под яркими солнечными лучами розовым или оранжевым.

В лесу царили мир, покой и торжественная тишина, не верилось, что где-то совсем недалеко, на опушках среди деревьев люди в военной форме прячут железных монстров, готовых извергать из своих орудий смертоносное пламя, а на стволах высоченных корабельных сосен, спрятавшись в хвое, тайно сидят другие люди, снайперы, которых называют «кукушками», а в руках у них винтовки с оптическими прицелами.

В воздухе, выше верхушек деревьев послышался негромкий звук, напоминающий тархтенье бензинового насоса. Боец остановился, машинально

поднял голову. Звук всё усиливался, затем в стороне, над заснеженными кронами сосен промелькнула какая-то тень.

– Самолёт, – догадался наш герой.

Через несколько секунд в небе опять затарахтело, уже громче, и вскоре появился второй аэроплан. Он пролетел совсем низко, почти над тропинкой, на нижних плоскостях крыльев были хорошо видны красные звёзды.

– Наш! – обрадовался боец. Нахлынула гордость за родную Красную Армию, за Советский Союз, за великого и мудрого земляка, руководившего огромной страной из Кремля!

Он широко улыбнулся и ускорил шаг.

Попетляв меж сосен, тропинка неожиданно оборвалась, уткнувшись в широкую просеку. Дорога выглядела безлюдной, однако тщательно укатанный снег со следами автомобильных шин и танковых гусениц указывал, что ею активно пользовались. И, вероятно, совсем недавно.

Оглядевшись, боец пересёк зимник, но продолжения тропинки на противоположной стороне не обнаружил. Этот факт смутил его. Вставал вопрос – куда же дальше? И что делать с пакетом, надёжно спрятанным под шинелью и маскхалатом? Принимать решение нужно было незамедлительно. Почему-то, направление влево на уровне интуиции, показалось более предпочтительным.

И вскоре наш герой, облегчённо вздохнув, обнаружил за поворотом, чуть в стороне от дороги два больших дома, сложенных из бруса. Территория вокруг была обнесена массивным забором, за которым

виднелись несколько грузовых машин и три танка, окрашенных белой краской. У ворот дежурили двое часовых в таких же белых маскхалатах с капюшонами, только вместо привычных винтовок за плечами на груди у каждого висели коротенькие, будто игрушечные, ружья с круглыми, как консервные банки, приспособлениями под стволами.

Боец вспомнил, что такие же он видел издалека у солдат, сопровождавших приезжавшего неделю назад в часть большого военного начальника.

– Интересно, – произнёс он негромко, – а дома здесь и раньше были или танкисты сами их побыстрому построили?

Но времени на поиск ответа не было.

Растеряв от радости почти весь запас русских слов, подойдя к часовому, просто предъявил тому пакет и указал рукой на здания; мол, начальство же ваше там, скорее всего. Вот туда мне и нужно, передать послание.

Часовой всё понял, но вестового в калитку не впустил, чётким, волевым движением отобрал пакет, махнул рукой второму часовому, подзывая к калитке, сам же, не дав опомниться нашему герою, быстрым шагом направился к ближайшему дому.

– Покормят меня здесь? Если нет, надо съесть «сухой паёк» и тут же назад, – рассуждал боец в ожидании ответа от командира танковой части.

Где-то вдали опять затарахтел невидимый пока самолёт.

Через несколько минут дверь дома отворилась. На пороге показался часовой в компании с высоким военным, одетым в незнакомую серую форму, оче-

видно, танкистскую. Ружьё часового уже не висело на груди, он держал его в руках.

Звук авиационного мотора становился нестерпимо громким, затем машина появилась над зимником, и к характерному шуму двигателя прибавился нарастающий свист.

Внезапно будто ударила по глазам яркая вспышка света, на миг ослепив, затем раздался ужасающий грохот. Неведомая сила оторвала тело бойца от земли, отбросив на добрый десяток метров от калитки. Теряя сознание, успел он увидеть, как крышу одного из домов подняло в воздух, она развалилась на части, и огромные горящие куски кровли, вместе со стропилами рухнувшие на землю, накрыли стоящие грузовики и две человеческие фигурки, спешившие к калитке.

Сколько пролежал без чувств, определить было трудно, но, в конце концов, медленно стал приходить в себя, не понимая, правда, где он и что с ним произошло. Звуки воспринимались неестественными, искажёнными, и только правым ухом, второе же не слышало совсем, сукно красноармейского шлема под капюшоном слева оказалось влажным и липким.

Да и со зрением далеко не всё было в порядке, глаза воспринимали окружающую картинку нечёткой, будто наблюдаемой через мокрое стекло. К тому же в голове гудело, будто находилась она внутри старого церковного колокола. Он помнил медный этот гул с детства, когда забрался как-то на колокольню заброшенной церкви в соседнем селе и спрятался внутри колокола.

Зрение постепенно восстанавливалось, а вместе с ним и способность хоть как-то оценивать происходящее.

Он лежал в сугробе рядом с порушенным забором, во дворе же догорали бесформенные остатки домов и остовы грузовиков. Танки, недавно буквально сиявшие девственной белизной, сейчас были сплошь покрыты чёрной копотью.

В памяти возник военный в непривычной серой шинели, низко летящий самолёт, рёв двигателя и резкий, закладывающий уши, свист.

«А потом? Что случилось потом? Слепящий свет, грохот, удар! Землетрясение? Да нет же! – осенило вдруг, – он же сбросил бомбу, значит, оказался вражеским, этот самолёт. Вот ведь в чём дело».

Боец попробовал подняться, но левую сторону тела пронизала острая боль, и он снова потерял сознание.

Очнувшись, услышал шум моторов. Из-за поворота медленно выползли один за другим несколько танков и грузовых автомобилей с тентами. Бронированные машины на этот раз были привычного серо-зелёного цвета.

Колонна остановилась невдалеке, рядом с остатками ворот. Из первого танка выбрались двое мужчин в чёрных комбинезонах и танковых шлемах. Знаки отличия на одежде отсутствовали, но один из них, крупного телосложения, явно был командиром.

Из грузовых автомобилей высыпали бойцы, часть из них по знаку командира отправилась на пепелище, остальные построились, ожидая, видимо, дальнейшего приказа.

Опять загудели вдали двигатели, теперь с другой стороны дороги показалась автомобильная колонна, впереди которой двигался броневик с красной звездой на боку. Наш герой узнал машину, она была приписана к его части. И действительно, на ней, как оказалось, прибыл командир, вручивший, в своё время тот самый злополучный пакет, судьба которого стала загадкой.

Боец, собравшись с силами, снова попытался встать, но смог всего лишь сесть в сугробе. К нему устремились с винтовками наперевес несколько красноармейцев.

– Финна живого нашли! – громко кричал один из них, держа нашего бойца на мушке, – руки подними, гад. – Эта фраза предназначалась уже самому «финну»!

– Деда ватирэ!»! (Мать твою). Какая я тэбэ фина! Грузин я, грузин! Советски я! – в сердцах произнёс наш герой, но руки на всякий случай поднял.

– Грузин?! – опешил красноармеец. – Но откуда?!

– Специальни задания имел! – поважничал боец, опуская руки, – там мая начальник стоит, пазави эму сюда!

Командир подошёл в компании с танкистом.

– Тебя как сюда занесло? – удивлённо спросил он. – И где пакет?

– Ваша приказа выполнил! – бодро, как ему казалось, доложил боец. – Пакета вручил!

– Вручил? – этот вопрос был адресован уже танкисту.

– Пакет? Какой пакет? Я твоего вестового вообще первый раз в жизни вижу. – Пришла очередь танкиста удивляться.

И когда сбивчиво, путая слова, включая язык жестов, кое-как объяснил боец, что же произошло, между командирами, отошедшими с сторонку, состоялся примерно такой разговор:

– И что теперь с этим мудаком делать, который секретный пакет врагу добровольно, сознательно отдал? Расстрелять на месте или под трибунал отдать, а, Васильич?

– Да, ладно, чего это ты таким кровожадным вдруг стал. Новобранец же! Неопытный. Старался ведь! Задание и вправду выполнил. Ну, перепутал слегка. Бывает. Финны ведь тоже в маскхалатах, пойдди там разбери. А тут и наступление наше кстати пришлось! Базу неприятеля уничтожили. Пакет к тому же сгорел, нет его больше. Да и ценности в нём, как теперь оказалось, нет. Никто ведь не знал, что командующий примет такое решение. И что новый приказ мы получим оперативно.

Теперь у нас на всех направлениях полная победа! А ты – расстрелять на месте! А парень, ко всему, ещё и грузин. Соображай! Так что отправляй ты его в госпиталь, а фамилию укажи в наградном списке, мол, внёс товарищ весомый вклад в победу над врагом!

Вот так, волею судьбы, получил будущий наш военрук первую свою боевую награду. В дальнейшем отправили орденосца, героя, можно сказать, на артиллерийские курсы, по окончании которых получил он «ромбики» младшего командира. Потом –

Великая Отечественная... В общем, демобилизовался в конце сороковых в звании майора.

Кстати, эту историю наш герой сам рассказал лично мне, по секрету, когда, спустя годы, мы случайно встретились на набережной. Я позволил себе пригласить бывшего наставника в кафе, выпить по рюмочке. Военрук приглашение, к моей радости, принял!

Я задумываюсь порой, как же непредсказуемо и загадочно складываются судьбы тех или иных людей. Возможно, благополучное завершение истории с пакетом было задумано в небесной канцелярии, но, на мой взгляд, здесь сыграли свою роль и объективные факторы.

Во-первых, напоминаю – всё произошло во время «финской кампании», то есть когда ситуация складывалась далеко не столь трагично, как в грядущей страшной войне, не существовало приказа – «Ни шагу назад», не зверствовали пока фронтовые особы.

В стране царила определённая эйфория по поводу победы над финнами, а у советского вождя, Верховного главнокомандующего, грузина Иосифа Сталина, в то время действительно был непререкаемый авторитет!

Заканчиваю рассказ, а в ушах продолжает звучать негромкий голос военрука, с радостью и ответственностью наставляющего нас, школяров: «Прежде чем вступить с женщином в палевой снашения...»

Пролетели годы, растворились в тумане времени многие события и факты из моих детства и юности, весёлые и грустные. Жизнь вплотную приблизилась к тому периоду, который называют финишной прямой.

Но при этом память продолжает удерживать со всеми малейшими деталями, в цвете, в качестве, как сейчас модно говорить –3D, реалистические картинки того, что происходило когда-то, в том числе на благословенном «пяточке» между храмом, стадионом и парком, в сухумской средней школе №3.

Ну и, конечно же, стоит опустить веки, как передо мной возникают лица моих школьных друзей. Разные путеводные звёзды, разные предназначения в жизни, разные судьбы... Но смело могу утверждать, все они – Личности! Каждый по-своему уникален, а истории жизней некоторых – готовые сюжеты для увлекательных толстых романов!

За написание романа я взяться не рискнул, но рассказать об одном из друзей решился! О человеке, в определённом смысле гениальном, в котором врождённые способности, философский склад ума, трудолюбие и тяга к знаниям причудливым образом переплелись с авантюризмом, криминальным талантом и неуёмным азартом.

ИГРОК

Я артист, я игрок. Игрок в каждой мелочи, в каждой сцене реальной жизни. Без игры – я труп. Деньги для меня вторичны, главное – перманентное творчество. Non stop. Двадцать четыре часа в сутки – игра.

Александр Потёмкин

Известие настигло меня уже в Москве, на третий или четвёртый день после возвращения. Шёл привычный, рутинный процесс акклиматизации, я только-только начал приходить в форму.

Долго не мог сообразить, о чём или о ком ведёт речь незнакомый мне человек, звонивший на рассвете с другого континента, а может, вообще с другой планеты, говоривший негромким хриплым голосом с сильным акцентом.

– Что? Плохо слышу Вас. Кто, кто умер? Нет, простите, я не расслышал имя. А кому Вы вообще звоните? Да, это действительно я. Как Вы говорите – какой сеньор? О да, конечно, теперь ясно, о ком речь. Но Вы ошибаетесь, уважаемый, он жив и здоров, мы виделись всего несколько дней назад. Да, да, именно там. Да, в ресторане. Тромб, Вы говорите? Скоропостижно? Действительно умер?

Разговор давно закончился, но я продолжал машинально держать у уха телефонную трубку, из которой доносились короткие беспокойные гудки.

Наконец до меня дошло, я осознал смысл произошедшего. Вспомнилось, как в юности один знаковый острослов произнёс с умным видом фразу: «Существует расстояние между ушами и серым веществом внутри черепа. Чтобы это расстояние преодолеть, организму нужно время на дорогу». Произнёс, когда компания друзей встретила гробовым молчанием рассказанный им анекдот. Наградой, спустя мгновение, был дружный хохот и аплодисменты.

Видимо, в конце концов, и мой организм справился, одолев тот самый путь от ушей. Но серое вещество продолжало отчаянно сопротивляться, не желая принимать услышанное мною как факт.

Он что, вправду умер?! Но ведь немислимо было даже представить такое сочетание слов: он и смерть! Смерть и он! Постойте, а может, это хохма? Очередная мистификация? Ведь по части приколов и розыгрышей именно он был специалистом высочайшего класса. Магистр, профессор, нобелевский лауреат, образно говоря. И сейчас, скорее всего, хохочет где-то над нами!

Из-под опущенных век предательски выкатилась капля тёплой влаги, стекла по щеке и затерялась где-то под скулой. Перед глазами возникла вдруг чёткая цветная, но почему-то беззвучная картинка: яркая скатерть, старинные гравюры в тёмных рамках на стене, огромный пирог цвета солнца на белом блюде, и он, Эдуард, Эдо, со стаканчиком граппы в руке, весёлый, сам какой-то солнечный, с сияющими глазами, смеющийся и жестикулирующий, очевидно произносящий тост...

Картинка исчезла. Почему-то я представил, как он, обнажённый, лежит на чёрном дубовом столе, беззащитный, холодный. Ведь ночи там, где он жил последние годы, бывают очень даже морозными...

Меня самого словно бы поместили в некий замкнутый и холодный объём, в неудобное пространство волнения и печали. В голове моей, казалось, кто-то щёлкал пультом управления, выдергивая из памяти, как видеоролики, фрагменты сюжетов из прошлой жизни, связанные так или иначе с другом моего детства по имени Эдуард. Картинки возникали беспорядочно, вне какой-либо системы или хронологии.

В какой-то миг я вдруг увидел циферблат настенных часов, стрелки на которых двигались с огромной скоростью, вопреки правилам в обратном направлении. «А время-то раскручивается назад», – подумалось мне.

Гигантским тёмно-коричневым ковром уходили за горизонт вспаханные поля. Недалеко от просёлочной дороги, в тени серого от пыли трактора отдыхал в компании местного почтальона тракторист. Велосипед его собеседника, такой же пыльный, был аккуратно прислонён к гусенице «Беларуси».

Неторопливую беседу нарушил лихо подкативший «Козлик» со снятым тентом и военными номерами. Из остановившегося неподалеку автомобиля вышли, потягиваясь, разминая мышцы, трое молодых людей, один из которых был в военной форме, с капитанскими погонами. Разложив на капоте вездехода большой лист бумаги – то ли карту, то ли

чертёж – мужчины склонились над ним. Водитель, совсем юный солдат, извлёк тем временем из-под сложенного брезента треногу, установил её на обочине дороги и стал прикручивать к ней прибор, издав издали напоминающий бинокль.

Тракторист и его собеседник с удивлением переглянулись, затем почтальон встал, натянул, видимо, по привычке, кепку и направился к военной машине. Однако офицер, не отрываясь от дел, предупредительно поднял руку. Жест означал только одно: приближаться нельзя!

Парламентёр немного потоптался на месте, пожал плечами, оседлал свой двухколёсный транспорт и, оставляя за собой пыльный шлейф, укатил по просёлку.

Примерно через полчаса вдали, в той же стороне, куда ранее уехал почтальон, на дороге возник шар серого цвета, который быстро приближался, увеличиваясь в размере. Впереди этого шара из пыли, опережая его, нёсся на приличной скорости такой же «ГАЗ-69», ласково называемый в народе «Козликом», какой уже стоял у обочины. Скрипнув тормозами, автомобиль остановился в двух десятках метров.

Человек, сидевший рядом с водителем, резко откинул металлическую дверцу, уверенно ступил на пыльный просёлок и быстро зашагал в сторону незнакомцев. Седой мужчина высокого роста, пожилой, но с тренированным телом и прямой спиной, производил впечатление решительного человека. В левой части его серого пиджака, на груди, отражая золотыми своими гранями солнечные лучи, сверкала звезда Героя.

Увидев гостя, капитан поправил фуражку и пошёл навстречу.

– Я председатель здешнего колхоза, разрешите узнать, что происходит? Вы находитесь на нашей земле!

– Представитель Генерального штаба, капитан Доренко, – офицер взял под козырёк. – Я знаю, кто Вы, Кондрат Антонович. Могу только сказать, что выполняю секретный приказ, не подлежащий оглашению!

– Я понимаю, сам в прошлом офицер Советской Армии, Герой Советского Союза! Хотя намекните мне, капитан, в чём дело! И почему меня никто не предупредил о вашем визите? Что, местные власти не в курсе?

– Я говорил, что задание секретное, думаю, что не только местные власти, но и руководство края никто в известность не ставил. Я рискую попасть под трибунал, Кондрат Антонович, – офицер понизил голос, – мой отец тоже воевал... вопрос стоит о строительстве военного полигона, и, к сожалению, земли именно вашего колхоза идеально подходят для этой цели.

– И о какой территории идёт речь? – с дрожью в голосе произнёс председатель.

– Порядка пятисот гектаров, – после паузы очень тихо ответил капитан.

Председатель побледнел.

– Это ведь больше половины пахотных земель! Это – катастрофа! Колхозу просто не выжить!

Постояв некоторое время молча, обречённо махнул рукой и направился к своему автомобилю.

Но, не доходя, остановился, потёр лоб и вернулся к капитану.

– А как тебя зовут, сынок? Владимиром? Так вот, Володя! Что случилось, то случилось! Работу свою вы закончили, а здесь, на Юге России, у нас особое отношение к гостям. Сейчас вы поедете следом за мной, тут совсем недалеко до центральной усадьбы, пообедаем вместе, немного отдохнёте, помоете машину и спокойно отправитесь дальше. И не возражать! В конце концов, я ведь подполковник, хоть и в отставке, так что считайте это приказом!

Стол, накрытый в кабинете председателя на скорую руку со словами: «Чем богаты, тем и рады» – воистину радовал! Чего тут только не было: зернистая икра в хрустальной вазочке, консервированные крабы с надписью «СНАТКА» на металлической банке, сырокопчёная «Московская» колбаса. Загадочным янтарём светился в косых лучах проникающего сквозь окно солнца ростовский рыбец, соседствуя с огромным свиным окороком, тускло поблёскивали глянцевыми боками крупные аппетитные помидоры, дразнили запахами специй домашние соленья, споря с ароматами свежей зелени.

Когда же умывшиеся и немного отдохнувшие в тени веранды гости уселись за стол, в кабинет внесли большой каравай свежеиспечённого тёплого хлеба и огромную сковороду с жареной на шкварках картошкой.

Кондрат Антонович как радушный хозяин следил, чтобы тарелки молодых людей не оставались незаполненными, сам с удовольствием подкладывал им разную снедь, рассказывая при этом, что многое

приготовлено из своих колхозных продуктов по старинным местным рецептам.

Когда председатель распечатал бутылку армянского коньяка «Двин», капитан, улыбнувшись, накрыл ладонью свой бокал.

– Мне, Кондрат Антонович, только минералку, а коллеги мои – люди гражданские, им я не указ!

– Извините, товарищ капитан, Вы сейчас не при исполнении, а у нас есть несколько обязательных для всех тостов, не заставляйте меня, – председатель улыбнулся, – снова применить полномочия старшего по званию, соблюдайте субординацию. Хороший коньяк в небольших дозах никому ещё не вредил. А в качестве первого тоста предлагаю поднять бокалы за мир!

Потом пили за родителей, за советскую власть, за родную Партию, её ленинский Центральный Комитет, за светлое коммунистическое будущее! Выпили, как полагается в мужской компании, за женщин, за любовь и процветание. Потом пили за что-то ещё...

Солнце тем временем давно перевалило зенит, небо за окном, напоминавшее серо-голубое марлевое покрывало, будто напиталось синей краской, тени от деревьев стали длиннее. Пора было собираться в дорогу.

Солдат-водитель, пивший, естественно, только лимонад, отправился за машиной в колхозный гараж, где её уже помыли, и на всякий случай осмотрели слесари.

Гости же шумно и тепло прощались с гостеприимным хозяином. Провожая ребят к двери, пред-

седатель придержал капитана за локоть, взглядом попросив того остаться.

Усадив офицера в своё служебное кресло, Кондрат Антонович вынул из сейфа и положил на стол пистолет ТТ в коричневой кобуре и небольшой металлический ящик.

– Послушай, Володя, сынок. То, что я тебе скажу, не достойно коммуниста, но выбора у меня нет. Это оружие наградное, из пистолета никогда не стреляли, и сейчас от нас с тобой зависит, сохраним мы его благородную девственность или нет. Ты же знаешь, и по нашим местам прокатилась война. Видел бы ты, какое печальное зрелище представляло хозяйство, когда я принял его в 1947 году. Я вложил в колхоз всю свою жизнь, опыт, упорство, нервы, здоровье, наконец. Сейчас – это колхоз-миллионер, один из лучших в Российской Федерации, и главное наше достояние – пахотные земли. Ты понимаешь меня, сынок? Если земли заберут, я пушу себе пулю в лоб! Другого выхода я не вижу, ибо в дальнейшей жизни мне места не будет, и смысла жить не будет!

Слушай меня внимательно – в ящике сорок восемь тысяч рублей, это всё, что было в кассе. Деньги большие, но колхоз справится, будь уверен. Вот смотри, я перекладываю купюры в сумку. Я не знаю, что ты скажешь ребятам и как ты решишь эту проблему. Просьба моя проста – одна строчка в рапорте: эти земли не годятся под полигон! Итак, у нас две чаши весов: на одних моя жизнь, на вторых эта самая фраза! – дрожащим голосом произнёс председатель.

Капитан сидел, опустив голову. Когда он поднял её, в глазах стояли слёзы.

– Товарищ председатель, Кондрат Антонович! – голос военного стал внезапно хриплым. – Я, я... – только и смог выдавить он из себя. Порывисто встал, не глядя на председателя, поднял за обе ручки сумку с деньгами и быстро вышел из комнаты.

Через пять дней команду «маркшейдеров» можно было наблюдать в ресторане ялтинской гостиницы «Ореанда-Интурист». Одетые по последней моде молодые люди удобно устроились на мягких стульях за роскошно сервированным столом в углу зала.

Лёгкий ветерок теребил шторы на окнах, принося извне пряные запахи цветов и морской соли, смешивавшихся внутри помещения с ароматами женских духов и виргинского табака.

Потягивая из узких высоких бокалов коллекционное шампанское «Новый свет», друзья неспешно переговаривались друг с другом, не забывая при этом разглядывать красивых, стильных девушек, коих достаточно много собралось в этот летний вечер в престижном заведении популярного курорта, весёлых, кокетливых, готовых к романтическим курортным приключениям.

Самый младший член группы Даур, в недавнем прошлом «водитель-солдат», восхищенно произнёс, обращаясь к «капитану»:

– Да ты гений, Эдик! До сих пор не понимаю, как тебе удалось всё придумать, просчитать и организовать? Ну, с «Козликом» ладно уже, хозяин, я понимаю, мужик надёжный, не проговорится, надеюсь! Да и найти эту лайбу нелегко будет. Но форма, ксивы, теодолит. Откуда? А главное, как уверенно

и убедительно ты себя вёл. Чего не скажу о себе. Всё время бздел, а вдруг мусора останоят или, что ещё хуже, военная инспекция. Тогда прощай, любимый институт, и, как поётся в популярной песне: «По тундре, по железной дороге, где мчится ско-о-рый “Воркута-Ленинград”».

– Ой, пацаны, сколько же у нас бабок? Не верится даже. Куплю себе белую «Волгу», экспортный вариант, с никелированными молдингами, чувихи в очередь выстроятся, трусиками голосовать будут. Вот покайфую! – сияя, произнёс Виктор, рыжеватый крепыш, которого все ласково называли Витюлей. – Тост за Эдуарда! Эдо, пьём за тебя. Ты чего грустный сидишь, или уснул? Нам всем, кстати, интересно, как тебе в голову пришла такая фантастическая, но, если подумать, блестящая идея?

– А как думаешь ты, Ованес? – повернулся Витюля ко второму «гражданскому специалисту».

– Чуваки, я, как и все. За Эдика! – с радостью отозвался тот.

Эдуард, действительно сидевший с отсутствующим видом, погружённый в свои мысли, потёр виски, возвращаясь в реальность.

– Спасибо, ребята. А я пью за вас! Складывается, я думаю, прекрасная команда, уверен, у нас прекрасное будущее. За нас, за наши успехи! А на вопросы постараюсь ответить тремя цитатами древнеримского философа Квинтилиана: «Честолюбие само по себе, может быть, и порок, но оно часто является источником достоинства», «Надо развивать ум, читая много, а не многих авторов», «Учиться никогда не поздно».

Это как раз про меня. Я честолюбив, это точно, и стараюсь всегда использовать честолюбие как достоинство. Я вправду много читаю и анализирую именно те книги, которые реально нужны и полезны для дела. И делаю это, то есть учусь, постоянно.

А что касается моего грустного, как сказал Ви-тюля, вида, так оказалось, что ещё я – совестливый. Не могу забыть, как обманул достойного человека, фронтовика. Ведь отец мой, Алмасхан, тоже достойно воевал. И вот получается, что я его, по сути, предал. Так что мне трудновато сейчас, но, ребята, даю слово – я справлюсь.

Видеопросмотр в личном домашнем кинотеатре моего сознания завершился, но никто, образно говоря, не включил свет. Опять щёлкнул пульт, и снова засветился, замерцал виртуальный экран моей памяти. Некто извлек из неё, и запустил очередной ролик.

Скорый поезд «Сухуми – Москва» прибыл на Курский вокзал столицы СССР, как и положено, по расписанию, ранним утром. Проводники тепло прощались с благодарными пассажирами, вагоны быстро пустели, когда на перроне появились трое хорошо одетых молодых людей. Разделившись у поезда, они заходили в вагоны и просили у проводников никому не нужные уже билеты.

Я и сейчас хорошо помню небольшие эти прямо-угольники из жёлтовато-серого плотного картона, на которых были просечены и читались на просвет все данные: номера поезда и вагона, место в купе, и дата отправления. Проводники отбирали их у пассажи-

ров и складывали в специальные холщовые сумки с ячейками. По окончании рейса билеты возвращали тем, кому они были нужны для отчёта, а остальные, я думаю, просто выбрасывали.

Если у отдельных проводников возникал в тот день из чувства любопытства вопрос к кому-то из необычных визитёров, а зачем тому нужны недействительные уже билеты, да ещё и в большом количестве, хорошо воспитанный юноша с удовольствием объяснял, что он, мол, представитель футбольной команды «Токтогула», которая проводила в Абхазии серию товарищеских матчей. Так сложилось, что спортсменов привезли в Москву на автобусах, но для отчета требуются именно железнодорожные проездные документы. Это, по сути, пустая формальность, но её нужно соблюсти.

Проводниками в те далёкие годы служили в основном мужчины, а футбол являлся самым уважаемым и обсуждаемым в республике видом спорта, посему спросить, что это за Токтогула такая, было равноценно признанию в своей полной футбольной некомпетентности, что грозило в перспективе издевательствами и приколами земляков. Проводники уважительно ахали: ну конечно, «Токтогула», кто же не знает, – и с радостью отдавали билеты.

Через несколько минут тройка «токтогульцев» – Даур, Ованес и Витюля, а это были именно они, покинули территорию вокзала с чувством выполненного долга.

Спустя месяц, в последние дни августа, то есть в конце большого курортного сезона, когда южные приморские города массово покидают отдыхающие,

связанные так или иначе с началом учебного года, а таких набиралось большинство, разгорались нештучные страсти вокруг простого, казалось, вопроса: «А как, собственно, уехать домой?»

Ведь в те времена билеты «туда-обратно» не продавали, так что те, обратные, курортникам-дикарям приходилось добывать самым любыми праведными и неправедными путями.

В тот день, как и в предыдущие, толпа жаждущих заполучить заветный картонный прямоугольник осаждала городские железнодорожные кассы столицы Абхазии.

Изнывающие от жары люди терпеливо ждали, когда подойдёт их очередь, хотя общение с кассиром совершенно не гарантировало наличие билетов на нужный поезд, а вернее, на любой поезд в нужном направлении.

И вот тут-то на сцене вновь появились «токтогульцы». Благожелательные молодые люди объяснили стоящим в очереди, что в связи с изменением графика футбольных матчей неожиданно стали не нужны купейные билеты на поезд «Сухуми – Москва» на следующий день. И что они, сотрудники администрации футбольного клуба, уполномочены реализовать данные проездные документы по цене их номинала.

Билетов было много, так что когда до измученных жарой, жаждой и стрессом людей дошёл смысл предложения, они ринулись к спасителям, забыв об очереди и заодно о правилах приличия, оттесняя и отталкивая друг друга. Билеты разлетелись, как горячие пирожки.

Позже стало известно, что подобные события, один в один, произошли у железнодорожных касс в Новом Афоне, Гудауте и Гагре.

Обладатели заветных картонных прямоугольников, которым неожиданно повезло, спешили, не веря своему счастью, обрадовать домочадцев,

Они и предположить не могли, какой сюрприз ожидает их на следующий день.

А на следующий день, приехав на вокзал, счастливые пассажиры обнаружили, что их места в вагонах поезда заняты другими, не менее счастливыми людьми, у которых были такие же (ну, или очень похожие) билеты.

Разгорелся невиданный ранее скандал. В конечном итоге на место происшествия прибыли руководители Автономной республики, в том числе все силовики.

Чтобы разрешить сложившуюся драматическую ситуацию, пришлось срочно сформировать дополнительный состав, и вывезти всех обманутых граждан за счёт Министерства путей сообщения СССР.

Расследование ни к чему не привело, хотя к нему был привлечён внушительный десант следователей Генеральной прокуратуры и КГБ. Мошенников так и не нашли, единственное, что было точно установлено экспертами-криминалистами, – на всех билетах после римской цифры VII, что соответствовало июлю, была просечена, при помощи неустановленного устройства, но очень качественно, ещё одна вертикальная полоса, превращавшая VII в VIII, то есть июль в август.

Гениальная в своей простоте идея, я думаю, правда, если не говорить о нравственной стороне операции. Ещё я думаю, что и в ней без труда угадывается авторство известного нам поклонника философа Квинтилиана!

Я сидел в полной тишине, с закрытыми глазами, ожидая следующего сюжета. Но никто не спешил нажимать на кнопки виртуального пульта. Выждав какое-то время, я перехватил инициативу у невидимого режиссёра. Теперь я сам решал, какие именно воспоминания извлекать из архивов памяти и в каком порядке.

Эдика я помню с тех пор, как он появился в нашей школе. Учился я тогда в девятом классе, его же перевели в восьмой, ибо он был младше именно на год. На нового ученика невозможно было не обратить внимания

Было нечто притягивающее, харизматичное в этом подростке. Рослый, на голову выше многих одноклассников, да и старшеклассников тоже, был он спортивного телосложения, хотя спортом не занимался, прекрасно воспитанный, начитанный и доброжелательный. Обладающий недюжинным чувством юмора. Волевое лицо, светлые волосы с необычным медово-рыжеватым отливом и ярко-голубые глаза. Прямо викинг из древнескандинавского эпоса.

Помню, как часто покрывались румянцем щёки учениц старших классов при случайных встречах с Эдуардом на школьном дворе, в спортзале или

в буфете. Квинтилиана тогда он ещё не цитировал, а вот Ильфа с Петровым, О. Генри и Ходжу Насредина – часто и всегда к месту.

Я считаю совершенно естественным то, что мы достаточно быстро подружились.

Школа наша № 3 находилась рядом с городским стадионом.

На стадионе в те годы довольно часто собирались любители поиграть в карты, как говорится, «на интерес». Не профессиональные игроки, каталы, а состоявшиеся, независимые в финансовом плане, взрослые азартные мужчины, получавшие от игры дополнительный адреналин.

Играли в «Буру», «Очко», «Терц». Но наиболее популярной была «Сека». По-разному называли её на просторах огромной страны: «Три карты», «Трилистник», даже экзотически – «Лябляби», но чаще всё же – «Сека».

Нехитрая, казалось бы, игра, немного напоминающая «Покер», зависящая от случайного, механического набора комбинаций всего трёх карт, тем не менее требовавшая от игроков умения, опыта, самообладания, знания психологии. Ведь, помимо везения, важнейшими факторами, сопутствующими победе, являлись именно поведение игрока, умение сохранять внешнее спокойствие, способность блефовать, то есть уверенно играть при высоких ставках со слабой картой, вызывая у противника сомнение или страх, вынуждая того проявлять слабость, уступать напору и сдаваться, пасовать.

«Стадионные картёжники», как мы, мальчишки, между собой называли игроков, являлись на свой турнир два-три раза в неделю, около часа дня и, как правило, в одном и том же составе, хотя, конечно, бывало, что кто-то не приходил или появлялись новые, незнакомые нам персонажи.

Конечно, они представляли для нас интерес, эти самые – интернациональная команда людей, разных по возрасту и профессиям, по мировосприятию и эмоциям. Во время игры эта разница ощущалась особенно ярко. И было очень увлекательно отслеживать поведение каждого игрока, его реакцию, самообладание или, наоборот, повышенную эмоциональность, пытаться анализировать и предугадывать ход событий.

Нам, школьникам, позволялось наблюдать за происходящим вблизи, правда, с тремя жёсткими условиями: в карты не заглядывать, вопросов не задавать и вообще сидеть тихо, будто нас здесь и нет вовсе. Что мы и делали: сидели тихо и наблюдали за поведением игроков и за ходом самой игры.

Поскольку, как уже говорилось, картёжники собирались на стадионе не столько ради денег, сколько в поисках острых ощущений, то особо высоких ставок, как правило, не наблюдалось. Возможность их повышения ограничивалась, по специальной договорённости, перед каждой игрой. Это позволяло избегать ситуаций, когда один из игроков мог задавить других непомерно высокой ставкой, которая оказывалась неподъёмной для партнёров и вынуждала их сдаваться, сбрасывая сильные карты.

Итак, игроки сражались, мы наблюдали, в общем, ситуация становилась привычной, даже рутинной, во всяком случае, какой-то необычный всплеск эмоций не предвиделся.

Однажды на стадионе появился человек, которого раньше здесь никто не видел. В нашем небольшом городе многие знали друг друга, хотя бы в лицо. Но новичок никому не был знаком. Относительно молодой, но с седыми висками, щуплого телосложения, хорошо воспитанный и доброжелательный. Приятные черты лица, застенчивая улыбка, очки в круглой металлической оправе делали его похожим на школьного учителя.

Единственное, что могло вызвать вопросы, так это следы татуировок на руках, на фалангах тонких, аристократических пальцев незнакомца. В те годы никто не увлекался татуировками просто так, баловства ради либо из неких эстетических соображений, как сейчас. Изредка наносили себе специфические рисунки, в виде морских символов, якорей, как правило, бывшие моряки, в память о службе на флоте.

Сомнительной же привилегией наносить наколки на тела пользовалась «зона». Тюрьма или лагерь – вот откуда возвращались бывшие заключённые с рисунками или надписями на коже, выполненными с помощью иголки и туши. Причём сами изображения, их символика несли конкретный смысл и могли подробно рассказать о человеке языком, понятным каждому прошедшему через места не столь отдалённые.

Качество рисунков, как правило, было низким, но иногда на телах зэков наблюдались, можно сказать, шедевры графического искусства.

Думаю, никто на стадионе не знал, что могли означать татуировки на пальцах «школьного учителя», которые к тому же хозяин практически свёл. А то, что осталось, не давало даже представления об изначальном изображении.

Приходил он почти во все игровые дни, садился рядом с картёжниками и с интересом следил за игрой, иногда после её окончания расспрашивая о правилах и нюансах. У меня же возникало смутное чувство, что я уже видел этого человека раньше, но никак не мог вспомнить, где и когда.

Спустя какое-то время новичок, немного смущаясь, попросил принять его в игру. Получил согласие, обрадовался и сел в круг. С тех пор периодически играл, скоро освоился, стал своим в небольшом коллективе «стадионных картёжников». Был нерешительным, чаще проигрывал, чем выигрывал, но всегда небольшие суммы.

Я хорошо помню день, когда Эдуард, подойдя на переменке, произнёс вполголоса мне на ухо:

– Старичок, завтра, после четвёртого урока валим на стадион. Лады? Ованеса и остальных я уже предупредил.

– Валим, так валим. Лады! – в тон собеседнику бодро отрапортовал я, отметив для себя, что вообще-то мы редко планировали что-либо заранее, даже на день вперёд, чаще программа определялась спонтанно. Но предложение друга проигнорировать было нельзя.

Мы ещё играли в футбол одолженным у Тулы мячом, когда стали собираться любители карточного адреналина. Игроки устроились в тени, под импро-

визированным навесом, мы, как обычно, – рядом. Игра текла в несколько вялом темпе, лишь изредка возникали ситуации, провоцировавшие игроков на всплески эмоций. Наиболее шумно проявлял их, как всегда, таксист по прозвищу Джага.

В те годы в народе были очень популярны индийские фильмы, с участием культового актёра Раджа Капура, в особенности фильм «Бродяга». Эта сентиментальная мелодрама прекрасно встраивалась в южный менталитет местного населения, её многократно пересматривали, растаскивали на цитаты. Так вот, этот самый Джага, имя которого приклеили местному таксисту, был в фильме отрицательным героем, бандитом, главой местных уголовников. Наш земляк-таксист немного напоминал его внешне, но главной причиной, так сказать, обоснованием выбора прозвища, думаю, являлись черты характера: грубость, порой граничащая с хамством, невоспитанность, жадность. Да и внешние его данные не вызывали симпатии: огромная непропорциональная голова, сплошь покрытая иссиня-чёрными кудряшками, не знавшими расчёски, волосатые руки и грудь. Полный рот золотых коронок. Плюс сиплый, низкий, но мощный голос.

Итак, игра продолжалась. Теперь необходимо вернуться к её правилам, смыслу. Комбинацией наивысшего уровня являлся набор из трёх тузов. Ниже шли, по общепринятым канонам, наборы из трёх «картинок»: короли, дамы, валеты. Ну а дальше – остальные карты по ранжиру их достоинства. Некоторые комбинации, к примеру, две или три карты одного достоинства и одной масти, то есть

одинакового значения, могли оказаться одновременно у нескольких игроков. Тогда возникала ситуация, называемая секой. В этом случае деньги на кону оставались в игре, карты раздавались заново, остальные игроки, пожелавшие продолжить игру, обязаны были поставить на кон заново. Причём сека могла возникать подряд, что увеличивало сумму на кону и, конечно, разогревала эмоции игроков.

Вот и сейчас сека выпадала пятый раз подряд. На кону скопилась непривычно большая для «стадионных картёжников» сумма денег. Один из игроков неожиданно предложил:

– Такого ещё не было, в смысле бабок на кону и в смысле секи, прёт и прёт. А давайте для фарта поменяем колоду карт на новую. А то эти уже скользкими стали от наших потных рук. Вот попросим пацанву сбегать в магазин «Канцтовары» да и сами чуток передохнём.

Не успел он закончить фразу, как вскочил Эдуард:
– Дядя, я сбегаяю, не вопрос.

Получив деньги, исчез со скоростью, не давшей возможности нам, его друзьям, даже предложить сбегать за компанию.

Вернулся запыхавшийся гонец минут через десять, прижимая к груди новую, запечатанную колоду игральных карт в нарядной, блестящей красно-белой упаковке.

Очередь сдавать карты пришлась на «школьного учителя». Он долго перемешивал, неумело тасовал карты, дал «срезать» рядом сидящему игроку, а им оказался Джага, глубоко вдохнул воздух, и приступил к обязанности метчика. На лбу выступил пот,

пока он медленно и аккуратно раскладывал карты по кругу перед игроками.

Наконец, все получили свои заветные три листа. Некоторое время ушло на ознакомление с ними. Игроки, пряча, кто как мог, свою нервозность и волнение, долго-долго раздвигали одну за одной игральные карты, эти своеобразные символы Судьбы в бело-красных, элегантных «рубашках».

Теперь все взгляды были устремлены на Джагу, первое слово было за ним. Насупившись и пыхтя, таксист всё ещё не решался посмотреть третью карту. Пот стекал по его потемневшему лицу, на рубашке расплывались пятна влаги. Наконец, он открыл все три карты, долго смотрел, не мигая, затем, сдвинув, аккуратно положил перед собой, прижав для гарантии камнем. Запустил руку в карман брюк, выудив полную пригоршню мятых купюр. Дензнаки в основном были фиолетового цвета. Двадцатипятирублёвки, или, как их называли с уважением, четвертаки. Очень даже большая по тем временам сумма, если не забывать и о немалых деньгах, уже лежавших на кону.

Кто-то попробовал робко возразить, что, мол, давить ставками нельзя... В ответ раздалось рычание Джаги:

– Сегодня договорённости не б-было! (И, как ни странно, на самом деле именно в этот день не было).

Игроки, один за другим с неудовольствием, ворча, сбрасывали карты. Пока очередь не дошла до «учителя». Побледневший человек в круглых очках долго сидел молча, держа двумя руками на уровне груди магические листочки тонкого глянцевого картона.

– Братуха, проснись! Или ты перепутал карты с шахматами? Играешь? А может, и не надо рисковать. Зачем? – просипел неожиданно Джага со злорадством в голосе.

Его партнёр сбросил оцепенение, испуганно посмотрел на волосатого бузотёра, вынул бумажник, пересчитал его содержимое, затем снял с руки часы и выложил вместе с деньгами на кон. Джага отрицательно покачал головой. Тогда его визави перекрестился, снял с шеи массивный золотой крест на толстой, итальянской вязки цепи и присоединил его к ставке. Таксист, немного подумав, махнул рукой, что означало, что он согласен и можно открываться.

Сам же откинул камень, картинно вскинул руку с картами, а затем не без театральности положил все три рядом, лицом вверх. А уже потом, выждав паузу, явно наслаждаясь эффектом, снисходительно произнёс:

– Братишка, я не злой человек! Я же тебе советовал не рисковать! Но ты не послушался.

А эффект на всех присутствующих его карты, безусловно, произвели. Три короля!

Комбинация почти всегда выигрышная! Ибо перебивается только тремя тузами! Но подобное случается в игре крайне-крайне редко.

Джага протянул, было, руку к достаточно внушительной кучке дензнаков различного достоинства. Кучка была увенчана ручными часами и бликующим на солнце крестом. Под аккомпанемент ахов, охов и эмоциональных комментариев игроков и зрителей дрожащими руками рядом с картами таксиста выложил свои карты «школьный учитель», о котором

ошарашенная публика на несколько секунд как бы забыла.

Полная тишина будто опустилась... да что там опустилась – обрушилась внезапно на стадион, на весь город, а может, и на всю планету! Как каменные изваяния, застыли все участники и свидетели происходящего. Думаю, если представить, что в тот момент на футбольное поле приземлился бы инопланетный космический корабль, вряд ли бы его сразу заметили!

Все, как загипнотизированные, устремили немигающие взгляды свои в одну точку, именно туда, на карты человека со следами татуировки на пальцах.

Ибо это были ТРИ ТУЗА!!! (Я даже запомнил – два чёрных: пики и крести, и один красный – червовый).

Почему-то первое, что пришло на ум, так это морская волна. В детстве мы были безрассудны и дерзки. Купаться в шторм было делом привычным. Я хорошо помню удивительное состояние моря в момент, когда вода после мощного удара, после штурма откатывается назад. Теперь ей необходимо время, чтобы накопить силы. Совсем недолго вода кажется материей почти статичной, медлительной, но внутри этой живой исполинской массы идут мощнейшие, скрытые от глаз процессы. Вода медленно поднимается, формируя новую волну, всё выше и выше. Вот уже виден её шипящий пенный гребень. Ещё доля секунды... и очередной водяной вал со страшной силой обрушивается на берег, круша и перемалывая всё на своём пути!

Вывел нас из ступора неожиданный протяжный паровозный гудок. Понадобилось несколько секунд, чтобы понять, что звуки эти доносятся не со стороны железнодорожной эстакады, что было бы объяснимо, а исторгнуты ртом (или чревом) таксиста Джаги. Удивительно, как удалось ему добраться своим сиплым низким голосом до высокого регистра, почти до фальцета?

Спустя мгновение тот же рот исторг, но уже в привычной звуковой тональности поток отборного мата.

– Суки! Падлы! – таксист орал, как обезумевший, грозно размахивая волосатыми, мокрыми от пота руками. – Шулеры, мать вашу! Подстроили! Порезу всех, порву на части! Фраера, что ли, безродного нашли? Проклянете день, когда вас мама родила!

Истерику эту остановил один из игроков, пожилой мясник. Я не знал его имени, ибо все обращались к нему по отчеству, подчёркнуто уважительно: «Ингиштерович». Он действительно пользовался большим уважением в городе: спокойный, доброжелательный, умудрённый жизненным опытом, справедливый человек.

– Поберегись, Джага! Не давай волю языку своему, – негромко, но жёстко произнес старик. – А то как бы не пришлось ответить за свои слова, если они вылетят за пределы стадиона. За это ведь с тебя могут строго спросить. Чем ты недоволен? Заменить колоду предложил я, пацан принёс новую, запечатанную, из магазина. Сдавал, как и положено было, человек, научившийся играть в карты всего пару недель назад, срезал ты сам. Так кого ты обвиняешь в шулерстве?!

Таксист обвёл всех присутствующих мутным взглядом, повернулся и молча направился к воротам, понуро опустив плечи.

– Вас же, ребята, убедительно прошу не выносить эту историю за территорию. А лучше вообще её позабыть! – эти слова Ингиштеровича были обращены, по сути, ко всем присутствующим, но, произнося их, он смотрел на нас, школьников.

Конечно, чего греха таить, первое время нелегко было удержать внутри себя эмоции, которые рвались наружу, и не проболтаться об увиденном и услышанном на стадионе. Но мы оказались на высоте, так что даже в микроскопических дозах информация наружу, в окружающий мир, так и не просочилась!

С Эдуардом в школе мы общались каждый день, но и между собой тема происшествия на стадионе не обсуждалась, ибо находилась под негласным табу.

Спустя примерно неделю он спросил вдруг о моих планах на воскресенье. Узнав, что я свободен, неожиданно пригласил на хачапури.

– Встречаемся в два часа у Горсовета. Хлеб-соль отвечаю я.

На встрече Эдо явился в компании Ованеса и Виктора, своего друга из другой школы, и, как говорится, при полном параде: в новеньких джинсах, клетчатой американской ковбойке, из нагрудного кармана которой выглядывала пачка сигарет «Кэмел», в модных солнцезащитных очках.

В те годы в городе проживало приличное количество репатриантов. Они регулярно получали посылки от родственников из-за рубежа, ну, и не-

много приторговывали дефицитом. Правда, цены у них кусались, но это, извините, уже другая тема.

Остановив властным жестом такси, Эдуард командовал водителю: «В Новый Афон!» Добравшись до места назначения, мы расположились под навесом на открытой площадке ресторана в самом центре большого пруда. День выдался нежаркий – весна ведь ещё не закончилась, со стороны моря дул лёгкий бриз, вокруг, словно парусные каравеллы, не спеша скользили по глади пруда гордые белоснежные лебеди... Идиллия, да и только!

Со стороны, без портфелей в руках мы смотрелись вполне себе взрослыми молодыми людьми! А этот рослый викинг в фирменных очках легко сошёл бы за студента старших курсов. Поэтому, когда помимо различной снеди он заказал две бутылки шампанского, у официантки, я думаю, не возникло и тени сомнений по поводу нашего возраста.

Пока Виктор с Ованесом ненадолго отлучились, я не смог отказать себе в удовольствии полюбопытствовать:

– Эдо, братишка! – вкрадчиво начал я свой допрос. – Ведь сегодня не день твоего рождения? И, к примеру, о помолвке твоей я тоже ничего не слыхал! Может, твой канадский дед оставил тебе наследство? Что именно мы отмечаем?

– Всё может случиться в жизни, – в момент мой друг подхватил заданный смешливый формат разговора, – но ни канадский, ни американский, а вернее, ни один из моих дедов – ни сухумский, ни гудаутский наследства мне не отписывал. Это дядька мой двоюродный подогрел слегка, отслюнил, так сказать,

немного бабок от щедрот своих. А что отмечаем? Да так, небольшое удачно завершённое мероприятие. Если честно, я ограбил банк! Ты же видишь мою ковбойскую одежду? Помнишь бессмертную фразу бандита Калверы: «Банки в Техасе могут грабить только техасцы». Вот я и купил подходящие шмотки, смотался в Техас и ограбил банк! Такие вот дела, Сотеро, мой лучший друг!» – закончил Эдик свой монолог очередной цитатой из популярного фильма «Великолепная семёрка».

Хорошо, подумал я, иметь такого дядь..., но произнесённое слово вдруг застряло в горле, мешая дышать, я машинально вскинул руки, и именно это помогло мне вдохнуть воздух. Всё длилось, наверное, пару секунд, Эдик занимался распечатыванием бутылки шипучего напитка и ничего не заметил.

Какие-то путанные мысли, бывлые попытки анализа тех или иных событий и ничего не значивших вроде бы слов и фраз, обрывки неясных воспоминаний покоились в недрах моей черепной коробки. Как вдруг всё это – бессистемный и бессвязный набор непонятно чего – пришло в движение.

Меня будто осенило. И как кусочки цветной смальты, выложенные умелой рукой художника, превращаются в чёткие изображения на мозаичных панно, так и передо мной отчётливо возникла картина, выложенная из мелких фрагментов моей памяти. И многое встало на свои места!

Дядька!!! Ну конечно – дядька! Как же я сразу не вспомнил?! Ведь «школьного учителя» я видел на фото в доме Эдуарда пару лет назад. Он стоял там в компании нескольких мужчин, одетый, как и поч-

ти все остальные, в блестящую, видимо, шёлковую, полосатую пижаму, без очков, в кепке-«аэродром».

Увидев, что я смотрю на фотографию, Эдик тогда сказал:

– Это лагерное фото, там мой дяхоз, второй слева, его называют «Золотые ручки», ибо творит он своими руками невероятные чудеса с игральными картами, нет ему равных в этом деле.

И сотворить очередное карточное, банальное в общем, чудо, не составило для Мастера особого труда. Тем более что – а сейчас это было ясно как дважды два – операция «Сека» готовилась заранее и была разыграна по нотам, хотя теоретически что-то могло бы пойти и не так.

Стало понятным поведение Эдуарда, изначально проявившего повышенный интерес к стадионным «турнирам», его неожиданная активность в доставке новой колоды карт (кто теперь знает, откуда он её принёс?). И самое главное – сокрытие родственной связи со «школьным учителем».

Связав все нити своих размышлений в один узел, я предположил, что предыстория карточного развода могла выглядеть примерно так: племянник рассказывает недавно освободившемуся дяде о карточных баталиях на стадионе, и дядя предлагает план по отъёму чужих денег проверенным способом. Очень даже правдоподобно и логично!

Лишь спустя много-много лет я случайно узнал правду! И правда эта меня, взрослого, достаточно опытного человека, шокировала даже тогда, когда, казалось бы, я научился принимать жизнь в самых разных её проявлениях достаточно сдержанно.

Так вот, та самая операция «Сека» была задумана, подготовлена, просчитана во всех мелочах и нюансах моим школьным другом Эдуардом. И именно он, как опытный режиссёр, распределял роли, где главная, естественно, досталась родственнику, но не по зову крови, а исключительно из-за уникального таланта дяди!

В детстве и юности время течёт медленно, по крайней мере, так казалось нам. Но и остановить его невозможно. Вот остался позади прекрасный, весёлый и романтический выпускной школьный вечер, разъехались повзрослевшие юноши и девушки по городам и весям поступать в вузы. И я укатил в Москву, успешно сдал экзамены и был принят в Московский технологический институт.

Эдуарду же предстояло проучиться ещё один год в школе.

Когда же через год я приехал домой на первые студенческие каникулы, с Эдиком мы разминулись, ибо теперь поступать уехал он. Увиделись мы только в самом конце лета, когда он вернулся из Тбилиси со справкой о зачислении на физико-математический факультет Тбилисского университета. В тот год в разные вузы Тбилиси поступили Ованес и Виктор.

Студенты обычно на каникулах собираются под сенью родительского крова в благодатном нашем курортном городе, но в студенческие годы летом я почти не встречал ни Эдуарда, ни его друзей. Это было немного странно, но тогда популярным у молодёжи делом было участие в студенческих строительных отрядах. Записывались в них обычно в поисках романтики, ребят привлекали новые края, жизнь

в палатках, песни под гитару у костра, да и день-ги, достаточно приличные, можно было заработать на стройках где-нибудь в Сибири или на Байкале. И в конечном итоге я предположил, что и триоцу моих друзей увлекла жажда перемен, волнующих открытий, тяга к приключениям.

Так сложилось, что пути наши разошлись на-долго.

За стенами аэропорта творилось нечто нево-образимое. Уже несколько часов подряд сильный дождь, почти ливень неиссякаемым монолитным потоком низвергался с небес и, судя по всему, не думал прекращаться, периодически атакуя крыши домов некрупным, к счастью, градом. Там, наверху, в невидимых небесах, что-то ворчало и стучало в огромный барабан, время от времени здания со-трясались от мощных раскатов, сопровождаемых яркими вспышками, будто поблизости была круп-нокалиберная артиллерия.

Улететь из КавМинВод в ближайшие часы было делом совершенно нереальным. И факт этот пред-ставлялся мне крайне печальным. Командировка в Кисловодск завершилась, мы с моим шефом Михаи-лом сидели в аэропорту с утра в лёгком похмелье после вчерашних проводов, устроенных принима-ющей стороной, без денег, если не брать в расчёт мелочь на метро в наших карманах (в те годы авиа-пассажиров бесплатно возили на автобусах от мо-сковских аэродромов до городского аэровокзала).

А тут ещё этот нескончаемый ливень, полное отсутствие информации, переполненный пассажи-

рами гудящий зал ожидания, острое чувство голода, да ещё и «сушняк» во рту. Людей спасал буфет, у предусмотрительных был при себе сухой паёк, все вокруг что-то жевали и чем-то запивали, для нас же ситуация складывалась почти по Высоцкому: «Мимо носа носят чачу, мимо рта алычу».

Дождь начал стихать только к полуночи, прекратилась и небесная канонада, но это ничего не значило, ибо аэропорт всё ещё был закрыт, следовательно, наши мучения продолжались.

Я пытался, сидя в жёстком металлическом кресле, принять мало-мальски удобную позу, отгоняя назойливые видения тарелок и блюд с разнообразной едой, возникающих с пугающей реальностью, стоило только опустить веки. У меня это почти получилось, я засыпал, когда уши мои уловили чей-то негромкий разговор.

Не могу сказать точно, что именно привлекло моё внимание, но ведь что-то заставило меня широко раскрыть глаза и прислушаться к диалогу двух мужчин, ловя каждое произнесённое слово или фразу. Собственно, сейчас я слышал уже монолог. Изначальная тема разговора была мне не ясна, тот, кто говорил, скорее всего объяснял что-то своему собеседнику, а возможно, и наставлял того, цитируя, очевидно, для большего эффекта мыслителей древности.

– Видишь ли, – звучал хорошо поставленный бархатный голос, – «Величайшее из достижений оратора – не только сказать то, что нужно, но и не сказать того, что не нужно». Ты просто обязан всегда это помнить. И ещё: «Главное в ораторском

искусстве состоит в том, чтобы не дать приметить искусства!» Ты, правда, не оратор, но в остальном эти слова словно для тебя были написаны.

Отточенные фразы плыли над затихшим залом ожидания, как запущенные из лука стрелы, только как будто в замедленной киносъёмке, и исчезали, растворяясь в воздухе.

Автора первой цитаты я не знал, но вторая точно принадлежала Квинтилиану.

Собеседники стояли в нескольких метрах от нас, тот, кто сейчас говорил, – спиной ко мне. Высокий, широкоплечий, светловолосый. Лица его я не видел, но стоило мне посмотреть в его сторону, он словно почувствовал затылком мой взгляд и резко обернулся.

О, Небеса!!! Это же – Эдуард, Эдо!!!

Миша, мой внезапно проснувшийся от шума начальник, с удивлением глядел осоловевшими глазами, не понимая, с какой такой радости меня тискают в объятьях незнакомый блондин.

Собеседник Эдуарда куда-то исчез, нас же с шефом, спустя несколько мгновений, мой школьный друг, чудеснейшим образом встреченный в аэропорту Кавказских Минеральных Вод, обняв за плечи, увлёк на второй этаж зала ожидания.

Сказать, что очередь в буфет была длинной, значит не сказать ничего.

Эдуард, решительно отодвинув мешавшую подойти к стойке даму в соломенной шляпе, не обращая внимания на обречённо стоявших шеренгой измученных ожиданием авиапассажиров, начальственным тоном, каким обычно отдают приказы подчинённым, отчеканил буфетчице:

– Татьяна, у меня гости.

Удивительно, но никто в очереди не возмутился, не высказал обид или претензий.

Через несколько минут стоячий столик, за которым устроилась наша троица, был заставлен изысканной едой. Чего тут только не было: нежнейшая ветчина, салат «Оливье», чёрная и красная икра на половинках яиц, рыбное ассорти, в котором желтоватый маслянистый осетровый балык живописно соседствовал с малосольной розовой сёмгой, ростбиф, печёные пирожки с мясом... Плюс три запотевшие бутылки «Советского шампанского». Честно говоря, такого ассортимента яств не могло нарисовать даже моё подстёгиваемое голодом воображение, посылавшее мне совсем недавно одну виртуальную кулинарную картинку за другой.

Глядя на моего начальника, легко было предположить, что тот ещё до конца не понял – всё происходит во сне или наяву? А если наяву, то что именно происходит? Он беспокойно переводил взгляд с меня на Эдуарда, с моего друга на блюда с едой, то принюхиваясь, то неловко шевеля пальцами, будто намереваясь пощупать Эдика, дабы убедиться, что перед ним человек во плоти, либо ущипнуть самого себя, проверив, не продолжает ли он всё ещё спать!

Но сейчас, честно говоря, мне было не до моего славного шефа! Я молча выложил на тарелку гору разнообразных закусок, слегка хлопнул его по плечу и шепнул:

– Ешь, пожалуйста!

Долго упрашивать Михаила не пришлось. А большой фужер холодного шипучего напитка, выпии-

тый за встречу, а именно таким был тост Эдуарда, я думаю, навёл моего начальника на мысль, что в принципе-то жизнь, порой, совсем неплохая штука.

И я тоже ещё не полностью принимал реальность происходящего. Огромное количество вопросов крутилось в возбуждённом моём сознании, требуя озвучки, расталкивая и оттесняя друг друга на пути к языку.

– Эдо, сколько же лет мы не виделись? Лет восемь, не меньше! Почти никакой информации о тебе? Где ты? Чем занимаешься? Как поживают ребята, Витюля и Ованес, видите ли вы? И что делаешь здесь ты?

Эдуард с улыбкой слушал меня, одновременно разливая по бокалам шампанское.

– Целый ворох вопросов, однако. Постараюсь ответить. Да, именно восемь лет прошло с момента последней нашей встречи. За это время я с отличием окончил университет, ты ведь знаешь – я физик. Вот физикой этой самой и занимаюсь. Здесь в командировке. Пока ещё не женат, в отличие от тебя, о тебе я всё же, как видишь, кое-что знаю. Ребята тоже успели получить, как мы иногда шутим, «верхнее» образование. Также ещё не женаты. Вижусь ли с ними? Да, и достаточно регулярно, даже принимаем участие в некоторых совместных проектах, несмотря на разные профессии! И очень успешно, надо сказать, ибо относимся к работе очень серьёзно! «Только глупые отдают всё время порокам, сну и ссорам, мудрые же – наукам, знаниям и заботам о здоровье». При этом и мудрым не чужды обычные человеческие радости!

Ну, вот и тост очередной родился! За друзей!

– За друзей! А чью цитату ты привёл сейчас?

Опять древние римляне?

– О нет, Володя. Это Восток! Мы же с тобой люди восточные.

После второго бокала жизнь и мне показалась совершенно прекрасной. Я упивался радостью общения с дорогим мне, удивительным человеком: красивым, умным, добрым и весёлым! Другом далёкого уже детства!

Причём, в комфортной для себя обстановке.

Отъехали, как в театре, куда-то в сторону декорации, изображавшие переполненный зал ожидания аэропорта, стих характерный гул голосов пассажиров, всё будто погрузилось в полумрак, только выделенное для нас троих пространство подсветили ярким светом софита. Здесь нам никто не мог помешать! (Правда, пару раз из полумрака возникали незнакомые мне персонажи, просили извинения, что-то шептали на ухо Эдуарду и моментально исчезали в том же полумраке).

Мы же, казалось, полностью растворились в нашем детстве, в восторженных эмоциях, разбуженных воспоминаниями, и, как люди, долго испытывавшие жажду, никак не могут напиться, получив, наконец, доступ к воде, так и мы с Эдуардом не могли наговориться, утолить потребность во всё новых и новых погружениях в прошлое!

Не знаю, прислушивался ли к нашим разговорам Михаил, думаю, он был счастлив по-своему, возможно так же, как и мы, приятно блуждая по закоулкам собственной памяти, улыбаясь при этом слегка за-

гадочной улыбкой человека, полностью довольного жизнью, по крайней мере, сейчас, на конкретном отрезке времени и в конкретном месте.

Неожиданно заработал молчавший несколько часов громкоговоритель, сообщивший, что аэропорт открыли и начинается регистрация на рейс, вылетающий в Москву.

– Ваш? – спросил меня Эдик.

– Нет, – покачал я головой, – наш, думаю, совсем нескоро. Даже не знаю, прилетел ли из Москвы тот самолёт, который должен увезти нас? Но хорошо, что процесс пошёл.

– Хотите улететь сейчас, ближайшим рейсом?

– Эдик, ты шутишь? Смотри, сколько застрявших пассажиров, а самолёт пока всего один. Не удивлюсь, если в салоне установят приставные кресла, как в театре. Шутка, естественно. Ладно, мы потерпим ещё, если, конечно, не надоели тебе, – видимо, произнёс я эти слова грустным тоном, ибо Эдик решительно протянул ко мне руку.

– Срочно давайте ваши билеты. Багаж весь при вас? Отлично. Мне-то вы не надоели, я готов терпеть сколько угодно, но ведь на вас смотреть страшно! А насчёт мест – не беспокойся, существует специальная бронь на все рейсы.

Эдик вернулся минут через пятнадцать, помахал издалека рукой, подзывая нас. Мы спустились вниз, прошли мимо стойки регистрации, окружённой шумящей толпой усталых и раздражённых пассажиров, и подошли к стеклянному коридору, ведущему на лётное поле. Там две девушки в синей аэрофлотовской форме проверяли билеты. Провожающих даль-

ше не пускали, но милицейский капитан, стоявший у входа, увидев Эдуарда, широко улыбнулся и приглашающим жестом указал на дверь.

Уже перед трапом, вручив нам билеты, мой друг пожал руку Михаилу и крепко обнял меня.

– Наверху я вам не нужен, самолёт есть кому вести! – по привычке пошутил он. – Ты не представляешь, какое для меня счастье, что мы встретились! А тебя я обязательно найду в Москве, как только туда доберусь!

Стюардесса усадила нас в первом ряду кресел, развёрнутых лицом к салону. Самолёт, естественно, был заполнен, только напротив нас одно кресло оставалось свободным. Несколько минут спустя в проходе появился командир корабля, за ним вплотную следовал человек, лица которого мне не было видно. Лётчик остановился рядом с нами и почтительно указал на свободное место невысокому, молодому ещё мужчине в тёмном костюме. Открывая дверь кабины, пилот неожиданно подмигнул мне, незаметно указывая головой в сторону пришедшего с ним нового пассажира. Я украдкой перевёл взгляд на своего визави.

День чудесных встреч и открытий, видимо, продолжался!

Напротив нас сидел, пристёгивая кресельный ремень, кумир миллионов людей не только в СССР, но, пожалуй, на всей планете. Один из героев-космонавтов, освоивших космос после Юрия Гагарина, но навечно вошедший в историю как «Один из Первых»!

Я толкнул коленом своего клевавшего носом начальника, тот от неожиданности широко раскрыл

глаза и... на некоторое время застыл, ничего не понимая. Но главное, а именно этого я добивался, он увидел лицо человека напротив и узнал его! Хорошо, что у Михаила всё же хватило соображения проявить тактичность и опустить глаза.

– Это что, тоже твой друг посадил напротив нас космонавта? Кто он на самом деле? Загадочная какая-то личность. Какая у физика может быть командировка в Минеральные Воды. И почему он ведёт себя в аэропорту, как директор, или, по меньшей мере, его зам? Да-а, личность загадочная, но крайне обаятельная! – заплетаящимся языком прошептал мой шеф, приблизив губы к моему уху.

Почему-то я ощутил непреодолимое желание поёрничать.

– Послушай, Миша, хоть и не имею права, но раскрываю тебе как другу великую тайну! (Михаил был всего на два года старше меня, мы дружили и вне работы обращались друг к другу на – ты.) Я сам узнал совершенно случайно. Дело в том, что Эдуард – чекист, майор КГБ, и он далеко не простой офицер, коих, очевидно, там полно, нет, он служит в каком-то очень секретном, важном подразделении.

Ходят слухи, что в ближайшее время Леонид Ильич встретится с президентом Доминиканской республики, генералиссимусом Трухильо Молина, причём тайно. Уж что они будут обсуждать, даже страшно подумать! Может, как у Ильфа и Петрова, вооружат бедуинов и объявят войну странам НАТО?! (Вряд ли мой шеф знал, что диктатор Трухильо уже более десяти лет назад ушёл из жизни).

Кавказ – идеальное место для такой встречи. Вот я и предполагаю, что миссия моего школьного друга как раз и заключается в подготовке столь важного мероприятия. И учти, проговоришься кому-нибудь, особенно жене, такое случается по ночам, нам с тобой – конец. У чекистов длинные руки! Потом выловят два хладных трупа в Язуе, к примеру. А сейчас, Мишенька, делай выводы, и, главное, молчи, молчи.

Не дожидаясь реакции собеседника, я уронил голову на подголовник кресла и моментально погрузился в сон.

Спустя недели две после командировки земляки пригласили меня на очередную грузино-абхазскую свадьбу. В те годы это происходило довольно часто, у многих жителей Абхазии дети учились в столичных вузах, влюблялись, женились и свадьбы играли в Москве (это случается и сейчас, несмотря на то, что свежа память о войне).

За столом я оказался рядом с Русланом, моим ровесником, которого хорошо знал. Дом его родителей в пригороде, в Каштаке, находился по соседству с домом Эдуарда, они были друзьями.

Естественно, я тут же рассказал о своей недавней, неожиданной и фантастической, встрече с Эдиком в аэропорту Кавказских Минеральных Вод со всеми подробностями и нюансами, о своеобразном стрессе, испытанным моим начальником, о вопросах, заданных мне уже в самолёте.

– Знаешь, Русик, изначально шеф решил, что Эдо работает в аэропорту, причём большим начальником, да и я, откровенно говоря, далеко не во всём

разобрался, сделал вид, что принял на веру версию моего школьного друга о командировке.

– Да-а, Вова, ты действительно поотстал от жизни, я смотрю, – глядя на меня удивлённо, с улыбкой произнёс земляк. – Придётся тебе рассказать. С чего же начать? Ну, к примеру, со студенческой поры Эдика.

Так вот, тебе хорошо известно с детства, что Эдик всегда был неординарным человеком. Не по годам образованный, начитанный, сообразительный, обладавший прекрасной интуицией и, надо сказать, феноменальной реакцией на любые нестандартные жизненные ситуации. Талантливый от природы, он всегда стремился покорять, образно говоря, вершины знаний, которые считал важными для себя! И почти всегда покорял!

Вова, извини меня за слишком торжественный стиль моего рассказа, наверное, тамада меня немного этим заразил! Да и тема такая, уникально-пафосная можно сказать!

Ну, продолжаю. Наверное, Эдик мог бы стать выдающимся учёным, неважно, в области физики, математики, или, к примеру, философии. Но проблема в том, что пытливым ум нашего с тобой друга с детства искал применения совсем в других «научных» областях. Я не знаю многого об этих «изысканиях», о чём-то могу только догадываться, но, поверь, иногда просто поражаюсь масштабу и уникальности придуманных и осуществлённых Эдикиных проектов!

Понимаю, немного достал тебя намёками и всякими вводными фразами. Ну уж, прости.

Возможно, ты помнишь, что и я получал высшее образование в Тбилиси, в другом только вузе, и поступил я на год позже Эдуарда. Сказать, что мы постоянно общались, будет неправдой, но, конечно, иногда виделись. Он всегда плотно дружил только с Ованесом и Витюлей. Позже появился ещё и Даур, его я раньше не знал, учился он в каком-то крутом техническом институте.

Проучившись год, закрыв первый курс, приехал я на летние каникулы. На следующий же день пошёл к Эдуарду. И честно, говоря, удивился, когда пахан его, Алмасхан, сказал, что у сына производственная практика где-то за Уралом, в профильном научном учреждении и что летом он вряд ли появится. Странно, обычно после первого и второго курсов студентов на такую практику не посылали, тем более на всё лето. Может, в университете другие правила, подумалось мне.

Встретились мы уже в сентябре в Тбилиси. Я жил у родственников, там был телефон. Эдо позвонил неожиданно, назначил в воскресенье встречу. В назначенный час на площади Ленина рядом со мной, скрипнув тормозами, остановилась белая «Волга». За рулём сидел Витюля, на пассажирском месте восседал Эдуард. Я устроился на заднем сидении рядом с Ованесом.

В автомобиле вкусно пахло дымом фирменных сигарет, из динамиков по периметру салона буквально струилась, обволакивая нас, негромкая музыка, короче, сказка, не иначе! Японские съёмные автомагнитолы, а именно такая была установлена в машине, были очень редки и стоили кучу денег,

да и сигареты «Мальборо» были удовольствием недешёвым. По соседству со мной жили два брата, грузинские евреи из Кулаши, они приторговывали импортными лекарствами и сигаретами. Так вот, у них блок «Мальборо» стоил от пятидесяти до семидесяти рублей. Ползарплаты инженера.

Да и сами пацаны одеты были, как говорится, «по фирме».

Но разговоры наши, естественно, этих тем не касались. Не мог же я, на самом деле, спросить: ребята, бабки-то откуда? Нам было о чём поговорить и без того. Единственное, что я понял, – друзья все вместе ездили куда-то на подработку, то ли в Сибирь, то ли на Дальний Восток. Но чем конкретно они там занимались, спрашивать я тоже не стал.

Опускаю не очень важные для нас с тобой подробности Эдикиного житья-бытья. Спустя время узнаю – и вот тут начинается самое интересное, – что он, с командой естественно, увлёкся азартными играми, ты же понимаешь, что означает слово «увлечение» – применительно к талантам нашего друга-гения.

Первое, что они сконструировали, так это прибор, дающий возможность гарантированного выигрыша при игре в «зари».

(Не все читатели знают, но игра эта была очень популярна в наших краях в описываемое время. Зари – это игральные кости, неотъемлемая часть восточных нард, хорошо известных и на Кавказе. Принцип игры прост: два партнёра попеременно метают зари, то есть равносторонние кубики из слоновой кости, на каждой стороне которых точками обозначено

достоинство конкретной грани от единицы до шестёрки. Выигрывает тот, кто набирает в сумме большее количество точек, то есть очков. Очень заразительная, азартная, несмотря на простоту, игра).

Устройство было небольшим, чуть больше пачки папирос «Казбек». Основой его, как я понял, было электромагнитное поле, возникавшее по команде в нужное время из-за подачи радиосигнала на расстоянии. В сами же кости вживлялись под определённым углом тончайшие, совершенно незаметные стальные стерженьки, реагирующие надлежащим образом на магнит. Такие «заряженные» зари в комплекте с приборчиком и были инструментом для отъёма денег у несведущих лохов, ибо выдавали по сигналу в соответствующий момент максимальную комбинацию точек – две шестёрки, к примеру.

Конечно, возникали сложности при организации турниров, но разве это останавливало наших виртуозов. Я слышал, они разрабатывали хитроумные сценарии, разыгрывали спектакли высочайшего класса, и в нужный момент нужные клиенты обязательно оказывались в нужном месте.

А прибор можно было вмонтировать в столешницу или просто зарыть в землю, там, где нужно, например, в парке, в укромном месте, подходящем для игры. Так что Эдуард со товарищи «подняли» на своём приборе красивые бабки, я думаю.

Дальше – больше! Очередная покорённая вершина явилась, по сути, очень серьёзным техническим, даже, можно сказать, научным шагом в криминальном творчестве наших друзей. Вряд ли смогу изложить внятно суть, принцип очередной

разработки, но это была уже очень сложная система: карты помечались чем-то вроде радиоактивных изотопов, которые можно было считывать, причём на расстоянии, специальным устройством. Была продумана, просчитана и реально задействована программа оповещения, то есть передачи информации о достоинстве карт своим людям во время игры.

Это выводило Эдика с ребятами совсем на другой уровень игорного общения, общения с очень, очень серьёзными людьми, в чей круг было совсем не просто попасть, но, попав, нужно было вести себя крайне осмотрительно и осторожно. Ибо там крутились огромные деньги и не прощались никакие необдуманые, неправильные действия, а уж обманы наказывались самым радикальным образом

Наверное, организация карточных ристалищ, с учётом технических моментов, являлась не менее сложным делом, нежели их технология. Ведь профессиональные игроки собирались обычно в проверенных местах, полностью приспособленных для подобных встреч, в так называемых катранах. Уж как Эдику удавалось решать там свои вопросы, мне неизвестно, знаю, что и здесь наш друг преуспел.

Но, увы, Вова, иногда причиной драмы может стать какая-то мелочь, которую невозможно предусмотреть. Не знаю, что именно стало причиной сбоя, но, как говорится, тайное стало явным, афера Эдуарда случайно была раскрыта. А если учесть, что шла речь об обмане вора в законе, причём очень авторитетного, за жизнь ребят вряд ли можно было поручиться. Да, именно так: на кону стояли их жизни!

Детали неизвестны, по-моему, кто-то очень ходайствовал за Эдика и его друзей, во всяком случае жизнь им сохранили, но «оштрафовали» на такие бабки, что и представить невозможно!

Подобные истории невозможно сохранить в тайне, об этой скоро узнали в криминальных кругах, и, что естественно, фамилии ребят засветились в соответствующих картотеках соответствующих организаций.

Однако и Эдику, и друзьям дали закончить вузы, так что у Эдуарда действительно диплом физика, причём «красный».

А теперь подходим, Вова, плавно к вашей встрече в аэропорту. Диплом дипломом, но реально, сфера интересов нашего друга – карты, вернее, азартные игры. Он – известный катала, один из сильнейших в стране, их целая команда, а территория деятельности – вокзалы и аэропорты. Так что твой шеф практически угадал, Эдик «работал» там, в аэропорту. А что касается внимания к нему, в частности милиции, так и здесь всё очень просто: именно менты их, игроков, и крышуют, получая свою, кстати, очень приличную долю!

Итак, попал Эдик в поле зрения силовиков, правда, выловить его и чего-нибудь предъявить ну никак у тех не получалось, хотя попытки были.

Расскажу тебе забавную историю. Приезжаю уже после института летом домой в отпуск. Добрался до своих, мама накрыла стол на веранде, соседский парень зашёл поприветствовать, сидим с ним и с братом младшим моим. Июль, жара стоит несусветная.

Брат вдруг говорит, перейдя на шёпот:

– Хохму сейчас покажу, только смотрите аккуратно. Видите, на углу машина стоит «Москвич», а в ней три человека. Менты это, стоят с утра, как там они в такую жару не сварились? Эдика «пасут». Уже третий день. Видели? Это ещё не всё: вон старый каштан, который рядом с Алмасхановым двором растёт. Втихаря, но внимательно посмотрите наверх, там в кроне мужика видите? Правее немного, приглядитесь. Видно? Так это и там мент сидит, тоже по Эдикину душу, с утра. Прямо детектив бесплатный!

Пока мы прыскаем по-тихому, прикрывая рты руками, события, Вова, принимают вдруг неожиданный оборот: из калитки выплывает Алмасхан, отец Эдика, подгребает к дереву, поднимает голову, и начинает орать:

– Эй ты, там, наверху! Да, да, ти! Сидишь, уара (обращение к мужчине), как райский птичка, делаешь виду, что тебя там нет, а про тебя уже весь город знает! Ви что там решили – мая фамилия опазорить савсем? Если ты оттуда пи@данёшься – это твой личный дело, а вдруг, уара, хуже случится, организма подведёт, живот прихватит, что – обосрёшься тогда??? Сверху, с дерева? Да мне повеситься останется. Весь город тогда скажет – милиционер, уголовни розыск, обосрался на каштану рядом с домом Алмасхана! Пазор на мой седой голова! Я твой начальнику звонил, сказал – нет мой сыну в городе, на Казахстану он, на Казахстану, зачем, гаварю, зря люди мучаеш. Так что, уара, как брату тебя прошу, спускайся оттудова, и этих, что в машине, тоже забери!

Не знаю, то ли Алмасхан на ментов жути нагнал, то ли до них чего-то дошло, короче, вскоре приполз-

ли буквально двое из машины к каштану, «кукушку» свою забирать, а их секретный агент сам слезть с дерева не может! В машине, видимо, рация была, минут через пятнадцать приехала из города пожарка, подняли лестницу, сняли бедолагу, и «Москвич» этот из Каштака умотал.

Ну что, Вова, позабавил тебя хоть немного? – с лукавой улыбкой произнёс Руслан.

Вот так, от одного воспоминания к другому пробирался я сквозь череду лет, приближаясь потихоньку к недавним фантастическим, можно сказать, событиям!

Солнце светило прямо в глаза. Я не видел тропинки, по которой шёл, но был уверен, что ступаю именно туда, куда надо. Возможно, я переоценивал себя. (Хотя вряд ли подходили тогда для моей ситуации привычные мнения и оценки.) Ведь до того, как солнце стало слепить, и всё вокруг превратилось в оранжевое, яркое, но, к счастью, не обжигающее пламя, я видел, что тропинка на самом деле узка и извилиста. Но главным было не это: она, тропинка, пролегла по узкому гребню горы, а вернее, скалы, так что в двадцати-тридцати сантиметрах, что вправо, что влево, был обрыв, резкий, крутой и невероятно глубокий. А внизу, и это я тоже знал точно, опять же с двух сторон находилось то, что обычно называют пропастью. Удивительно, но, идя по невидимой тропе, я чувствовал себя очень комфортно, да и горный воздух оказался неожиданно свежим, успокаивающим и одновременно тонизирующим. Дышалось легко.

В общем, я смело шагал по безопасной, как мне казалось, тропе. Куда, зачем? И почему это я вдруг оказался в горах? Странно, но эти вопросы совершенно меня не волновали. Меня ничего в этот момент не волновало.

Всё изменилось, когда приличный кусок скальной породы неожиданно отвалился, словно не выдержав веса моего тела. Земля, как говорится, ушла из-под ног, я покачнулся (а может, и не покачнулся, не помню точно) и полетел вниз.

Странно, но не было страха. В голове только роились разные мысли и слова, сложившиеся во фразу, вернее, в дурацкий вопрос: «Что сначала обычно происходит в свободном полёте – отключается сознание или останавливается сердце?» Как будто не всё равно...

Необычным счёл я, что в ушах вместо предполагаемого в подобной ситуации свиста ветра стоял странный гвалт, какофония какая-то. Это меня удивило. Откуда вдруг взялись эти посторонние звуки, ведь летел я в пропасть совершенно один, без какой-либо компании.

Шум нарастал, становился невыносимым, и я... проснулся.

Пристёгнутый ремнями к креслу, обнаружил себя в салоне самолёта, заполненного кричащими от ужаса пассажирами. Воздух давил на барабанные перепонки, внутри меня, по пищеводу к горлу как будто поднимался тугий ком, не дающий мне дышать. А вокруг – расширенные от страха глаза людей, паника, крики и мольбы о спасении.

Самолёт падал. И это уже не было сном. Причём огромный лайнер не входил в пике или в штопор. У него работали все двигатели, он просто проваливался, как иногда случается в полётах, в воздушную яму, продолжая при этом движение вперёд.

– Но ведь не бывает таких гигантских воздушных ям! – подумалось мне.

И тут же, будто произнесённые мною слова явились неким паролем, падение прекратилось. Причём, без резкого толчка, характерного при внезапном прекращении движения. Самолёт теперь просто летел вперёд, как ему и было положено, двигатели деловито и ровно жужжали, в салоне работали кондиционеры, привычно и уютно рассеивали свет потолочные плафоны.

В наступившей полной, если не брать в расчёт гудение моторов, тишине, тонкий детский голос, с надрывом, произнёс по-испански:

– Мамуля, очень хочу какать.

Моментально кто-то отозвался из соседнего ряда:

– Деточка, думаю, что минуту назад здесь очень многим хотелось какать!

Моего скромного словарного запаса хватило, чтобы понять смысл услышанных фраз. Дружный смех стал реакцией пассажиров на забавный этот диалог. Юмор на самом деле – великая сила! О напряжённой тишине можно было позабыть. Улыбки, непринуждённое общение, будто и не было никогда ужаса, заставшего меня врасплох при пробуждении.

Итак, «Боинг-737» авиакомпании «AVIANCA», рейс AV87, вылетевший из аэропорта «Эльдорадо»

столицы Колумбии, продолжал свой полёт по маршруту Богота – Буэнос-Айрес. Лететь, по моим расчётам, оставалось чуть больше двух часов.

В динамиках раздался щелчок, и приятный мужской голос по-испански поделился с пассажирами информацией. Кое-как я понял, что самолёт, находясь в границах мощнейшего атмосферного фронта, попал в зону аномальной турбулентности, но сейчас опасность позади, и нашему полёту ничего не помешает, что у микрофона командир корабля, и он приносит пассажирам свои извинения по поводу доставленных неудобств. Затем пилот повторил то же самое, но уже по-английски.

– Ну и ну, – подумалось мне, – ничего себе! Часть пассажиров едва не обкакалась, другая же, по сути, простилась с жизнью, а он, видишь ли, за неудобства извиняется. Шутник, однако.

Многих моих друзей по несчастью пережитый недавно стресс, очевидно, обесточил энергетически, лишил сил, ибо почти все в салоне самолёта уже спали. Ко мне же сон не шёл, я приподнял опущенную шторку иллюминатора и прильнул к стеклу. Взгляду моему открылась картина, от которой захватывало дух.

Воздушное наше судно, как небесная каравелла, величественно плыло над бескрайней, казалось, снежной пустыней, освещённой ярким, загадочным голубоватым светом невидимой мне луны, спрятавшейся где-то в вышине. Саму пустыню кто-то будто накрыл огромным колпаком, рассыпав изнутри по его иссиня-чёрной ткани мириады звёзд, крупных, уютно подмигивающих с высоты, и совсем мелких,

мерцающих, как бриллиантовая пыль. Воздух же был будто слеплен из крохотных оптических линз, делающих его удивительно прозрачным, позволяющих чётко и объёмно различать малейшие детали фантастического этого пейзажа на огромном отдалении.

Поверхность облаков могла показаться статичной и безжизненной лишь на первый взгляд. На самом деле загадочная материя эта, искрящаяся под лунным светом, находилась в движении, перемещаясь, меняя конфигурацию снежных торосов и сугробов.

Что-то явно происходило и внутри неё, заставившее меня вспомнить древнегреческий миф о битве гигантов с небожителями, метаящих друг в друга молнии, ибо в разных точках под слоем облаков то тут, то там видны были всполохи разной силы и разных цветов – от голубовато-зеленоватых до оранжево-жёлтых. Зрелище завораживало, вызывая одновременно чувства страха и восторга.

Динамик снова щёлкнул, но заговорил на этот раз женским голосом. Авиакомпания сообщала, что в связи с погодными условиями закрыт аэропорт Буэнос-Айреса, да и почти все крупные воздушные ворота в регионе. Принять авиалайнер готов лишь Ла-Пас, столица Боливии. Мы совершим посадку там примерно через полтора часа. Компания снова приносит извинения и информирует, что гостиница и трансфер пассажиров оплачены.

Вот так, забегая вперёд, скажу, что совершенно неожиданно судьба занесла меня в Боливию!

Посадку я помню плохо, ибо именно тогда меня стал догонять сон. Когда самолёт вырвался из слоя

облаков, стал виден, несмотря на сильный дождь, уютно раскинувшийся внизу в окружении гор, залитый светом современный город. Боливия считается одной из самых бедных стран мира, вспомнил я, и на мгновение пришла мысль: может быть, мы всё-таки сели в другом городе, в другой стране. Но нет! Лайнер уже катился по лётному полю, а на фасаде аэровокзала чётко просматривались неоновые буквы «AEROPUERTO ITERNACIONAL EL ALTO. LA PAZ».

Смутно помню автобус с запотевшими стёклами, недолгую поездку по хорошо освещённым улицам, мрачноватый каменный фасад небольшого отеля, огромную кровать в тесноватом, но достаточно уютном номере.

Дождь негромко и ритмично барабанил по стёклам закрытого высокого окна, струи воды рисовали на них мудрёные узоры, тут же стекающие вниз. С непривычки было немного тяжело дышать, но шум дождя успокаивал, и я моментально провалился в глубокий сон.

Когда проснулся, было светло. Дождь закончился, только на стёклах всё еще поблескивала щедрая россыпь крупных капель. Я распахнул створки окна, и тут же в комнату ворвался сырой, неожиданно холодный воздух вместе с городским шумом. Конечно, вспомнил я, закрывая окно, ведь в этих широтах сейчас ранняя весна, да и город расположен на приличной высоте над уровнем моря, как принято говорить.

Быстро умывшись, натянул водолазку, куртку-ветровку, водрузил на голову кепи и, выйдя из номера, спустился в лобби. Есть не хотелось, я отказался от предложенного завтрака, узнал, что информация

о вылете поступит не раньше трёх часов дня, что сейчас только десять по местному времени и что отель наш расположен в центре, в старой части города.

Прошёл сквозь внушительные, явно старинные, цвета морёного дуба двери с витражными вставками и, выйдя наружу, задержался на широком крыльце, с которого вела вниз достаточно крутая лестница с мраморными ступенями.

Прямо перед гостиницей лежала небольшая площадь, выложенная большими, мокрыми ещё плитами природного камня. В одной её части просматривалась продолговатая цветочница с декоративным кустарником, несколькими скамейками и фонтаном. Противоположной частью площадь упиралась в торговые ряды, возможно, небольшой рынок. Площадь была безлюдной, кроме как раз того самого рынка, привлекавшего издали внимание людским муравейником, яркими красками и звуками музыки.

За пределами площади в обе стороны по широкой улице, разделённой зелёным газоном, деловито текли автомобильные потоки. Противоположная сторона улицы была застроена, если судить по архитектурному стилю, ещё в начале двадцатого столетия невысокими двух- и трёхэтажными домами. Похожие дома легко обнаружить в Вене, Берлине, Хельсинки. Да и в Москве их немало. Здания были нарядны, отреставрированы, радовали взгляд свежевыкрашенными фасадами, зеркальными стёклами витрин и разноцветными вывесками заведений на первых этажах.

Диссонансом смотрелся примыкающий к ним католический собор внушительных размеров. Его конструкция и декор явно указывали на эпоху испанского присутствия в Латинской Америке, внешним видом он очень напоминал соборы, виденные когда-то в Мексике. Вероятно, строили его долго и неоднократно перестраивали, ибо возведённые позднее объёмы отличались и стилем, и цветом камня.

Вдалеке, за массивной серовато-жёлтоватой колокольней собора, терракотовыми кубиками домов лепились к чёрно-коричневым предгорьям окраинные городские кварталы, взбираясь высоко-высоко. Ещё выше виднелась внушительная громада горной вершины, увенчанной снежной шапкой. Она завершала зрительно, как на живописном полотне, композицию.

Слева же и справа от меня, сразу за крышами старых зданий, обступивших площадь, в небо рвались разноцветные вертикали современных жилых высоток. Раскрашенные в мягкие, но достаточно яркие цвета, они создавали настроение праздника даже при пасмурном, хмуром, как сегодня, небе.

Где-то, на приличном расстоянии от центра просматривались очень высокие опоры подвесной канатной дороги с жёлтыми кабинками, напоминающими подвешенные к облакам крохотные плоды лимона.

– А город-то красивый! – произнёс я вслух, адресуя эту фразу самому себе. – Надо бы обследовать его тщательно. Как думаете, сеньор? – Sí, Señor, estoy totalmente de acuerdo. (Да, сеньор, полностью с Вами согласен)! – завершил я ответом на вопрос внутрен-

ний свой диалог, правда, без уверенности в правильности испанской его части.

Торговые ряды действительно оказались не-большим рынком. Импровизированным, я думаю, ибо производил он впечатление даже не временного рынка, а скорее своеобразной ярмарки. Под разноцветными тканевыми навесами в два ряда, вплотную здесь были установлены холодильники вперемежку со стеллажами с товаром и столами, на которых громоздились кофемашины и различное оборудование для приготовления пищи.

В этих самых мангалах, электросковородах, кастрюлях, огромных, как на солдатских кухнях, и совсем крохотных что-то урчало, скворчало, шипело, жарилось, варилось, распространяя над территорией рынка волны крайне соблазнительных запахов.

Рот моментально заполнился слюной. Сначала я пожалел, что отказался от завтрака в отеле, потом решил, что это как раз и здорово, ибо, скорее всего, гостиничная еда была бы стандартной, привычной, ну а здесь – раздолье для гурмана... Тут же вспомнил, что денег-то у меня нет, имея в виду местные деньги. Но внутренний голос напомнил: «Старичок, у тебя же доллары, а доллар, как известно, – он и в Афри... простите, и в Латинской Америке – доллар».

Мысли о еде лишь на мгновение отвлекли меня, вывели из состояния нарастающего восторга, глубинную причину которого я ещё не конца осознавал, ибо всё, что происходило сейчас вокруг меня, не походило на обычные базарные житейские сцены, свойственные многим рынкам, где довелось побывать.

Скорее происходящее можно было назвать этно-фольклорным фестивалем, костюмированным представлением, красочным спектаклем. Ведь основная масса присутствующих здесь как продавцов, так и посетителей, одета была в национальные костюмы и платья. Но начинать анализ моих эмоций стоит, думаю, не с этого.

Я знал, что Боливия – одна из немногих стран Латинской Америки, где основное население – индейцы. Но как же местные индейцы внешне отличались, к примеру, от индейцев Перу или Мексики, виденных раньше: строением черепа, разрезом глаз, цветом кожи, выражением лиц, наконец! У большинства местных тоже смуглая кожа, но иного оттенка, если так можно выразиться, в основном крупные черты лица, будто вырезанные резцом скульптора из коричневого камня, с удивительным выражением спокойствия и чувства достоинства.

Это самое чувство собственного достоинства явно выразалось в поведении: плавность движений, отсутствие спешки, подчёркнутая деликатность. И естественная, ненамеренная театральность удивительного сего действия только усиливала убеждение, что я наблюдал необычный спектакль, вернее – красочное шоу.

Красочное – ещё и потому, что при рассуждении об одежде, о национальных костюмах боливийских индейцев определение это прекрасно вписывалось в контекст, ибо эмоции мои зашкаливали от феерических цветовых композиций, собранных в немыслимые по сочетанию цветов букеты орнаментов и декора. Если говорить о красочности одеяний тео-

ретически, сразу приходит на ум слово «кич», так как, опять же теоретически, нельзя, невозможно объединить такие разные, яркие цвета. Но здесь, в одежде индейцев они прекрасно соседствуют, не только уживаясь между собой, но создавая особый, впечатляющий, утончённый, я бы сказал, цветовой мир!

Всё это касалось, конечно, женских одеяний, ибо мужчин одетых в основном в привычную городскую одежду на рынке было немного, так что представители местного сильного пола просто терялись на фоне своих соотечественниц.

Чего стоили сложного, мудрёного кроя объёмные, многослойные юбки, собранные складками либо украшенные оборками и рюшами из блестящих ярких тканей: жёлтых, оранжевых, зелёных, небесно-голубых, украшенных иногда мелким орнаментом. Верхняя же часть одежды выглядела спокойней, в большинстве случаев это были большие платки с бахромой и неяркой вышивкой, используемые как накидки сероватых либо коричневатых тонов.

И, наконец, головы индианок венчали шляпки, я бы сказал, оригинальной конструкции. По крайней мере, я такие женские головные уборы точно никогда не видел.

В основном это были фетровые шляпы, чёрные, тёмно-серые, коричневые. По форме они чем-то напоминали одновременно мужские цилиндры и шляпы-котелки с узкими полями, а необычность их заключалась, на мой взгляд, в том, что они покрывали только макушки женских голов и производили впечатление изделий меньших размеров,

чем требовалось. Как держались они на головах, для меня было загадкой, но держались на самом деле безо всяких проблем для их владельцев.

Смотреть на необычную красоту происходящего можно было вечно, но и желание исследовать Ла-Пас никуда не исчезло. И прежде чем покинуть удивительное это место, я решил, что стоит попробовать что-либо на вкус, в прямом смысле слова.

Подойдя поближе, задержался у столика, где на огромном подносе высилась буквально гора то ли булочек, то ли пирожков, источающих даже на расстоянии ароматы, возбуждающие аппетит. Да и вид этих самых то ли булочек, то ли пирожков был крайне аппетитен. Коричневатое, местами золотистое, судя по всему, хорошо пропечённое тесто в форме лодочки, поверхность которой украшала тёмно-коричневая косичка из того же теста.

Индианка в чёрной шляпке, хозяйка, смотрела на меня доброжелательно-индифферентно-терпеливо, не улыбаясь и не пытаясь завести со мной разговор.

– *Es carne? Por favor!* (Это с мясом? Пожалуйста!) – напряг я свой хилый испанский. Женщина медленно опустила голову в знак согласия и произнесла слово, которое я не понял. Я достал свою мелкую наличность, протянул её на ладони, показывая два пальца на другой руке. Индианка аккуратно отделила купюру в один доллар, убрала деньги куда-то под накидку, оторвала бумажную салфетку от рулона, но, прежде чем завернуть пирожки, почему-то демонстративно подержала их вертикально, показывая мне.

Поблагодарив, забрал я свой тёплый, ароматный кулёк и двинулся дальше, к столам с напитками. Увидел на одном бутылки, напоминающие пивные, но с незнакомой этикеткой, спросил уже почти уверенно:

– Es una cerveza, Señora? (Это пиво, сеньора)?

Бутылка местного пива «Paseña» обошлась мне ещё в один североамериканский доллар.

Уже уютно устроившись на скамейке в безлюдной части площади, рядом с фонтаном, откупорив с помощью брелока бутылку, вспомнил вдруг о манипуляции с пирожками женщины-продавца, придал одному вертикальную позицию и аккуратно откусил кончик. Так вот в чём был фокус! Ароматная мясная начинка буквально плавала то ли в бульоне, то ли в соусе, как в чебуреках. И, следовательно, если бы я начал есть, как обычно мы едим пирожки, моя куртка оказалась бы тут же залитой жирным мясным соусом. Ай да сеньора, благодетельница ты моя! Спасибо тебе! (Теперь-то, кстати, я знаю, что пирожки эти называются – «салтеньяс». Именно это слово, произнесённое индианкой на рынке в момент покупки, я не понял.)

Утолив голод, перебрался на противоположную сторону улицы, чтобы вблизи разглядеть монументальный фасад собора. Прошёлся по небольшой площади перед зданием, прикоснулся к холодному, сырому камню, постоял, задрал голову, перед массивной колокольней и медленно, смешавшись с толпой, побрёл дальше по идеально чистому тротуару.

Через квартал, направо по ходу моего движения, вверх уходила улица, мощёная камнем. Когда-то, в детстве, я застал мощёные улицы моего родного

города. Потом их, к сожалению, покрыли асфальтом. То ли вспомнив былое их очарование, то ли повинаясь внутреннему навигатору, я свернул направо.

Улица, по которой я теперь шёл, была застроенная двух-трёхэтажными зданиями, и оказалась по своему уютной, живописной даже, за счёт бесчисленных разнокалиберных витрин и разноцветных вывесок, создающих особый архитектурный ритм, радующий взгляд.

Сначала я прочитывал, как и было положено, вывески полностью, не вникая, правда, в смысл незнакомых названий. «LAYDA», «GALERIA CHITO ART», «LAYO»... Позже от вывески к вывеске латинские буквы стали сливаться, выстраиваться в некую сложную, но забавную линию: OPTICAFOTCOPIAS NOSTALCACORAKHACHAPURI...

Стоп!!! Ну ка, давай назад! Что это ещё за – KHACHAPURI? Игра слов? Влияние разреженного воздуха или пива «Paseña»? Или что-то ещё? Ибо если медленно и внятно прочесть эту, уже конкретную вывеску, прикреплённую чуть выше красивой резной деревянной двери на первом этаже трёхэтажного белого дома в колониальном стиле, получалось – ХАЧАПУРИ! Я прочёл ещё раз. Ничего не изменилось. Ниже этого загадочного слова более мелким шрифтом было написано *restaurante*. Я покрутил указательным пальцем у собственного виска и машинально толкнул створку двери.

Внутри я обнаружил достаточно уютный зал, занимавший большую часть первого этажа. Дизайн помещения соответствовал архитектурному стилю дома: белые оштукатуренные стены, обшитый тём-

ными досками потолок, мощные балки перекрытия из того же морёного дерева, полы, выложенные каменными плитами. На окнах – коричневые тяжёлые гардины, раздвинутые полностью, не мешающие дневному свету проникать внутрь помещения.

Уют и своеобразный шарм залу придавали яркие, возможно, ручной работы, тканые скатерти на столах, ковры, со вкусом подобранные, продуманно, но якобы случайно разбросанные по полу. На стенах – большое количество старых фотографий, дагерротипов и гравюр в деревянных рамках, оттенявших белую штукатурку.

Звучала негромкая музыка, два или три столика были заняты, в воздухе плавали ароматы еды и незнакомых специй, проникающие из кухни.

У арки, ведущей куда-то во внутренние помещения, задрапированной такими же, как и на окнах, гардинами, беседовали два молодых официанта, одетые в белоснежные рубашки с воротниками жабо, чёрные брюки, в достаточно длинных тёмно-красных фартуках-передниках. Светлокожие, черноволосые и черноглазые, парни эти отличались внешне от индейцев, коих было большинство на рынке, откуда я пришёл.

Увидев посетителя, один из них, широко улыбаясь, направился в мою сторону.

– Buenos Dias! Que quiere el Señor? (Добрый день, что желает сеньор)?

Вопрос застал меня врасплох, ибо я и сам не вполне понимал, чего я хочу и зачем пришёл? Вернее, я знал, чего именно я хочу, что заставило меня войти, но не был готов объяснить это внятно симпа-

тичному молодому человеку в стильной форменной одежде. Я замялся, забыв от волнения те крохи испанского, какие знал. Образовалась пауза...

И вот тогда произошло нечто, казалось бы, немыслимое: второй официант, оставшийся у арки, вдруг позвал «моего» по имени:

– Армен! – и добавил по-грузински: – Гахсовс чеми тховна (Помнишь мою просьбу)?

О какой просьбе шла речь, я не знаю, но, представьте себе на минутку: ресторан в центре города Ла-Пас, столице затерянной в горах Южной Америки страны Боливии. И вот в этой самой Боливии, где государственным языком является испанский, где большинство жителей – индейцы, один официант разговаривает с другим, у которого армянское имя, на грузинском языке!!!

Шок – это самое простое и безобидное слово, пришедшее в голову! Может быть, разрежённый воздух и вправду вызвал с непривычки «глюки»?! Не знаю, какое у меня в тот момент было выражение лица, но выражение лица официанта явно изменилось, улыбка сменилась тревожным удивлением.

– Que Pasa, Señor (Что с Вами, сеньор)? – медленно произнёс юноша.

Видимо, не до конца ещё вернувшись в реальность, я, неплохо владея грузинским, ответил вопросом на вопрос, по-русски:

– Вы действительно готовите хачапури? – и добавил по-армянски: – ахпер-джан (друг)!

Вряд ли можно было придумать что-либо более глупое и несуразное! Тем более, далеко не факт, что мой визави знал русский.

Теперь пришёл черёд официанта удивляться, но парень быстро справился, снова широко улыбнулся и ответил по-русски, но с акцентом:

– Ну конечно, дядя, и не только хачапури, а ещё сациви и долму, к примеру! Присаживайтесь, пожалуйста! За любой столик!

Акцент оказался специфическим, мне он был знаком – так говорят армяне, живущие в Грузии.

Я опустился на стул у ближайшего столика и показал официанту рукой на соседний стул, приглашая сесть и его. За всем происходящим с интересом и восторженно наблюдал второй официант. «Мой» же, попросив знаком коллегу взять на себя заботу о клиентах в зале, аккуратно присел на край сиденья.

– Хачапури и прочие кулинарные шедевры кавказской кухни подождут! Я оказался здесь, в городе, совсем случайно и сегодня же улетаю, времени в обрез. Так что, генацвале, рассказывай! Что именно? Да всё рассказывай! – попросил я, увидев вопрос в глазах Армена, – сначала, подробно, но коротко!

– Алик, тот, второй, мой сосед и друг детства, мы жили рядом в Авлабаре, в Тбилиси. Я – армянин, он – айсор. Наши отцы дружили. Когда в Тбилиси в 1992-м году начались бои между войсками президента Гамсахурдия и гвардейцами Китовани, обе наши семьи покинули Грузию, – тщательно выговаривая русские слова, начал своё повествование Армен.

– Сначала мы пошли в Польшу, но так и не встали на ноги там, хотя мой и его отцы вкалывали в автосервисе – они хорошие мастера по жестянке. Потом моего отца разыскал двоюродный брат, он жил уже тогда в Колумбии и предложил поехать в

Боготу. Аликины родители не рискнули, остались в Польше, но Алик поехал с нами в Латинскую Америку. Моя родня имела немного накопленных денег, и потом, привыкнув к новому месту, с дядиной помощью они открыли небольшое кафе-мороженое на улице. Потихоньку дело пошло. Позже удалось взять в аренду ещё и зал, где сделали уже ресторанчик. Родители – в кухне, мы с Аликом – в зале, официанты. И всё неплохо, но там, в пригороде столицы не было спокойно – то грабили, то рэкет, да и полиция тоже наезжала. Конечно, маленький наш бизнес кормил семью, но особой перспективы на будущее мы не видели. Привычная работа, привычные люди-посетители. Так и уходило время, медленно и одинаково.

До того момента, пока как-то раз в зале ни появился незнакомый человек!

Он оказался наш земляк, из Сухуми, хорошо говорил по-грузински. Приехал по делам, кого-то навестить. Ему очень понравилось, как моя мама готовит, и он сказал, что живёт сейчас в Боливии, имеет там небольшую гостиницу в столице и хочет открывать кавказский ресторан. Он взял наш адрес, спросил, не хотели бы мы работать у него, давал гарантию, попросил подумать.

Через две или три недели мы получили пакет с фотографиями его гостиницы и помещения для ресторана, а также конкретно насчёт зарплаты и жилья в городе Ла-Пас. Этот человек вызывал доверие, мы посоветовались и рискнули. И не жалеем!

Сейчас Вы как раз находитесь в этом ресторане нашего босса!

– Так он из Абхазии? Армен-джан – я тоже! И я сухумчанин! Как его зовут, сколько ему лет? – с волнением спрашивал я официанта.

– Ну, ему примерно, столько лет, что и Вам, а зовут его – сеньор Эдуардо Веласкес, только фамилия эта не родная, конечно, он сам шутит, что присвоил себе фамилию великого художника, а настоящую его фамилию я не знаю.

– Армен, а где он сейчас? – нетерпеливо перебил я парня.

– Здесь, у себя в кабинете или наверху, в отеле.

От волнения меня охватила дрожь, шутка ли, встретить в Боливии, у чёрта на куличках земляка – это историческое событие, даже если мы и не знаем друг друга!

– Армен, дорогой, мне надо увидеть его! Думаю, и для него наша встреча станет сюрпризом! Только давай придумаем в шутку маленькую интригу, не говори ему, в чём дело! Скажи, например, что попался клиент кляузный, чем-то недоволен, требует в зал хозяина, иначе обещает скандал! Ну, или что-либо в этом духе, придумай сам! Давай, действуй! Мале цади, цаватанем (Иди побыстрее, дорогой)! – завершил я свою просьбу фразой из двух грузинских и одного армянского слова.

Отправив официанта со специальным, можно сказать, заданием, сам пересел за дальний столик спиной к арке, раскрыл объёмистое меню в кожаной папке и уткнулся в него, слегка прикрыв папкой лицо. На всякий случай, а вдруг?!

Ждать пришлось недолго. В проходе за гардинами послышались шаги, затем, уже в зале, я расслы-

шал негромкий вопрос на грузинском, обращённый, по-видимому, к Армену:

– Ромели? Эс арис (Который? Этот)?

Кто-то, кого я не видел, подошёл к моему столику.

– Hola, Señor. Soy el amo. Querías verme (Здравствуйте, сеньор! Владелец – это я! Вы хотели видеть меня)?

Не открывая лица, я постарался придать своему голосу грозную, задиристую интонацию и буквально прошипел по-русски:

– Не только увидеть, но и поскандалить малость, пативцемULO батону патрони (уважаемый господин хозяин)!

И только вставив в конец якобы гневной тирады грузинскую фразу, я опустил папку с меню и, повернувшись к своему визави, взглянул на него снизу вверх.

А сверху на меня внимательно смотрел, не мигая, высокий, слегка грузный мужчина, показавшийся мне гигантом не только благодаря росту, но из-за ракурса.

Правильные черты лица, короткие рыжеватые волосы на висках и пронзительный, какой-то удивительно знакомый взгляд ярко-голубых глаз.

Что-то непонятное творилось внутри меня, перехватило дыхание, в ушах появился противный шум, сердце заколотилось почему-то не в груди, а в горле... Я будто снова услышал слова, уже произнесённые незнакомцем, и, о Боже, узнал голос!!! Голос, который я не мог спутать ни с каким другим, несмотря на пролетевшие десятилетия! Голос друга моего детства – Эдуарда! Эдика! Эдо!

Я попытался улыбнуться, но вместо этого из глаз моих брызнули слёзы, я совсем по-детски, неловко попытался обнять гиганта, прижался к нему головой и разрыдался.

Лица его в тот момент я, естественно, не видел, но уверен, что плакал и он. Плакал и молча гладил мою голову, как в детстве гладят провинившихся и прощённых затем детей.

Мне казалось, что я сплю или смотрю очень крутой современный фильм с эффектом присутствия, какой-нибудь 4D, или 6D, или не знаю, что там бывает ещё круче!

В зале стояла полная тишина. Вытерев слёзы, я увидел обращённые к нам лица посетителей, удивлённых, не понимающих, что именно происходит на их глазах, но сочувственно улыбающихся. Да и оба слегка обалдевших официанта смотрели на нас с восторгом!

И дальше всё происходило, как во сне, в прекрасном, сказочном цветном сне, какие порой снятся каждому из нас в детстве, когда ты уверен, что всё происходит в реальности, которую, увы, разрушает потом пробуждение.

Накрытый в мгновение ока стол, заставленный разнокалиберными тарелками, тарелочками, мисками и вазами с благоухающей едой, украшением которого, безусловно, было внушительных размеров блюдо из белого фарфора, на котором вольготно разлёгся покрытый ароматной поджаристой золотистой корочкой цвета полуденного солнца огромный хачапури! Боливийский хачапури!!! И это было фантастикой!

– Ни абхазской, ни грузинской чачи у меня нет, будем пить итальянскую граппу.

Мне же было совершенно всё равно, пить ли что-либо вообще и что именно пить.

Вопросы, вопросы, вопросы! Я вываливал их десятками на бедного Эдуарда и, не давая ему толком возможности ответить, подбрасывал всё новые и новые порции. Да и мне самому приходилось рассказывать другу, которого не видел лет тридцать, хотя бы коротко, о том, чего он не знал, но что было крайне интересно и важно для него.

Но любой, самый прекрасный сон когда-нибудь заканчивается!

Старинные часы, висевшие в зале над аркой, пробили три раза. Увы, мне предстояло вернуться в отель. Эдик взялся меня провожать.

Я расцеловался с официантами, приветливо помахал рукой оставшимся в ресторане клиентам и поддерживаемый за локоть Эдиком вышел на улицу. Нет, я не был пьян, моя неуверенная походка скорее объяснялась мощной лавиной эмоций, свалившихся на меня чудесным образом здесь, в городе Ла-Пас, неофициальной столице южноамериканского государства Боливия, в который я попал совершенно случайно. Хотя, с другой стороны, случайностей ведь на самом деле не бывает.

Неисповедимы пути твои, Господи...

В лобби Эдуард вручил мне визитку с адресом и личным номером телефона и взял с меня слово, что я обязательно приеду сюда снова в качестве его гостя.

В самолёте, немного придя в себя, я с ужасом понял, что, находясь в состоянии эйфории от удивли-

Владимир Делба.

тельной нашей встречи, я позабыл многое из того, что рассказывал мне школьный друг. Запомнилось только, что он уехал из СССР в конце восьмидесятых, некоторое время жил в Голландии, а в конце девяностых перебрался в Южную Америку. И что семьёй так и не обзавёлся...

И вот я сижу в московской своей квартире, опустошённый, с влажными глазами и телефонной трубкой в онемевшей руке. В окна медленно вползает серый осенний рассвет, в голове роятся мысли, одна мудрёнее другой.

Ну не могу я просто так поверить в неожиданную смерть моего друга. Любого другого – да. Но только не Эдика!

Грустное настроение сменяется внезапными приступами веселья, когда я убеждаю себя, что это очередная, необходимая по какой-то конкретной, неведомой мне причине мистификация уникального человека, авантюриста, комбинатора, Игрока!

И в этот момент мне хочется верить, что пройдёт время, мне позвонят из офиса какой-нибудь солидной авиакомпании и скажут:

– Уважаемый господин Делба! Имеем честь сообщить, что сеньором Эдуардо Веласкесом оплачены Ваши авиабилеты до Ла-Пас, Боливия и обратно, первым классом. Когда Вам удобно принять курьера?

БОЛЬШОЙ СНЕГ В ПРЕДДВЕРИИ НОВОГО, 1993 ГОДА

Кто-то маленький, тёплый, почти невесомый, птенчик какой-то, озорной и смешливый, бесцеремонно распорядился лицом Андрея. Ласково теребил нос, губы и веки. Лёгкие прикосновения эти как бы выталкивали сознание из тёмных глубин сна, лишённого сновидений, наверх, к свету, к ярким краскам летнего утра. Сквозь ресницы Андрей наблюдал за непрощенным гостем. Очертание, абрис птенца были размыты, но бесспорно – он крохотный, золотистого цвета, яркий, как луч солнца. И смеётся заразительно и искренне, как смеются дети. Стало ясно: спать он не даст. Уговаривать птенца не шалить Андрей посчитал делом бесполезным. И открыл глаза.

Шаловливым птенчиком и вправду оказался солнечный луч.

Свежий, прохладный ветерок теребил оконную занавеску, то даря озорнику возможность командовать лицом, то лишая его удовольствия исполнять роль столь экзотического будильника.

Где-то внизу, на невидимом отсюда пляже играли дети. В комнате были хорошо слышны их голоса, их смех.

Сон медленно, нехотя отступал, освобождая захваченный ночью плацдарм памяти. И память также медленно, но неумолимо возвращалась на свою территорию, восстанавливая в сознании все детали безумного, фантастического вчерашнего дня.

Андрей почувствовал на своём плече чьё-то горячее дыхание. Илга! Златовласка!

Именно так назвал он про себя девушку, вошедшую вчера в вагон электрички.

В Латвии он был впервые в жизни. Ему очень понравились отреставрированные здания Старой Риги, монументальные, но идеально вписанные в городской ландшафт пропорции Домского собора. По душе пришёлся и неспешный ритм всего происходящего вокруг, доброжелательность и воспитанность рижан.

Единственное, что слегка портило впечатление, так это низкие, тёмные тучи, висевшие над городом все четыре дня пребывания Андрея в Риге. И мелкий, прохладный, совсем не летний дождь, неожиданно начинающийся и так же неожиданно заканчивающийся.

Но вчера всё изменилось. С утра ярко светило тёплое ласковое июньское солнце. И воздух тоже стал тёплым и ласковым, моментально наполнившись ароматами цветущих растений.

Идея отправиться на Взморье оказалась, как говорится, к месту. И Андрей сел в электричку. В ту самую электричку.

По складу своего характера он был неисправимым романтиком и, отчасти, самоедом. Он искрен-

не считал, что каждый человек обязан вывести для себя понятную и приемлемую формулу жизненной философии. А убеждённость, что философия эта зиждется на принципах добра, взаимопонимания и взаимовыручки между людьми, была бесспорной.

Приняв эти идеи как аксиому, каждый человек был вправе развивать их в самых разных направлениях – тех, которые он считал для себя наиважнейшими. Выросший в семье атеистов Андрей в глубине души верил в некий необъяснимый, но реально ощущаемый Небесный Промысел. По крайней мере, он твёрдо знал, что Любовь – это Дар, ниспосланный людям свыше. А что касается любви между женщиной и мужчиной, так и здесь была полная ясность. Там, на небесах, будущих влюблённых, предназначенных друг для друга, тоже создают сразу, двумя половинками одного целого, а затем каждую половинку отправляют в «свободное плавание», по отдельности. И далеко не всем им суждено встретиться и соединить судьбы свои на веки вечные.

Чаще всего происходит как раз наоборот. Лишённые интуиции, упорства и силы воли, люди поднимают руки и сдаются на милость победителя, оставляют надежду найти свою половинку и плывут по течению. Часто, если продолжать сравнение, совсем в другую «гавань».

Но те, кому сила любви, терпение и упорство даруют встречу, узнают друг друга сразу, без всяких подсказок.

Андрей помнил, как восторженно смотрел он фильм «Вестсайдская история». Непривычный жанр мюзикла сначала не давал возможности сосредото-

читаться на фабуле. Но вскоре история чистой, всепоглощающей любви героев полностью завладела сознанием, увлекла в заэкранье, заставила вращаться в живую плоть сюжета, сопереживать судьбе конкретных людей. Сцена первой встречи главных героев, Марии и Тони, ошеломила. Она полностью соответствовала убеждению Андрея, что те самые половинки одного целого узнают друг друга с первого взгляда. Именно так он и представлял себе подобные встречи.

Когда девушка вошла, Андрей читал книгу. На миг показалось, что в вагоне стало неестественно светло, будто бы кто-то включил мощные софиты. Андрей поднял глаза. Первой мыслью было, что в вагон вкатился огненный шар, яркий как само Святило. На самом деле свечение исходило от копны золотых волос вошедшей девушки. А слепящий ореол вокруг головы обязан был лучам солнца, светившим в спину. Девушка села, выйдя за пределы светового круга. Теперь было видно её лицо. Андрей вдруг почувствовал учащённое биение собственного сердца. Он не видел ничего вокруг – ни пассажиров в вагоне электрички, ни проплывающие за окном сменяющие друг друга прекрасные пейзажи Рижского взморья. Только лицо девушки. Незнакомка восторженно улыбалась. То ли окружающим людям, то ли радуясь тёплому солнечному дню. Оглядываясь, заметила взгляд Андрея. Улыбка медленно сошла с её лица. Но тут же появилась снова. Но совсем другая. Неуверенная и застенчивая.

Какое-то время они смотрели друг на друга, будучи не в состоянии отвести взгляд, находясь как бы под влиянием странного энергетического гипноза. Потом девушка медленно, как сомнамбула, поднялась, прошла по проходу между сидениями, села рядом с Андреем и протянула руку. Нет, не ребром, как обычно протягивают для знакомства. Она протянула руку ладонью вниз, как протягивают очень близким людям, которых любят и кому полностью доверяют. И он оценил доверие, осторожно принял руку девушки и нежно накрыл её своей рукой.

Ещё его поразил её взгляд. Вернее, даже не взгляд, а цвет глаз. Сначала, на расстоянии, вопрос не возникал. Голубоглазая фея с волосами из чистого золота!

Но вблизи оказалось, что один глаз был не голубым, а скорее, зеленоватым, то есть глаза отличались по цвету, и к тому же в зрачки были как будто вкраплены золотые песчинки. И озорные эти, золотистые искорки как будто вели тайный разговор с солнечными лучами. Загадочно вспыхивая, переключаясь с искрящимся золотом волос.

Удивительно, но оба не помнили потом, чтобы кто-то из двоих называл своё имя. Но ведь они знали, как зовут друг друга. Было ли в этом что-то мистическое или просто нашедшие друг друга половинки обладали необходимой генетической памятью? Да и какое это имеет значение?

Очень медленно и осторожно, чтобы не разбудить Златовласку, Андрей высвободил руку, встал

с кровати и, стараясь не шлепать босыми ногами по деревянным половицам, прошёл к окну.

Дом, в мансарде которого они с Илгой находились, стоял среди сосен, совсем рядом с великолепным пляжем, только на пригорке. Белый песок волнистыми дюнами убегал далеко-далеко, в обе стороны от дома. А за пляжем, в каком-то странном ракурсе, как в широкоугольной фотооптике, с явным нарушением законов перспективы, лежало море. Как будто выгнутое эллипсом огромное зелёное блюдо с беспокойно скользящими по поверхности белыми пенистыми барашками волн.

Пейзаж завораживал своей непривычной сдержанной красотой. И, конечно, картинка за окном разительно отличалась от буйных субтропических ландшафтов родной Абхазии. Ничего подобного Андрей раньше не видел.

Отойдя от окна, сел на стул, с нежностью и восхищением разглядывая Илгу.

Девушка, посапывая, как ребёнок, чему-то улыбалась во сне. Густые и длинные волосы цвета старого золота волнами ниспадали с головы на подушку. Покрывало соскользнуло, открывая взору часть тела. Андрею стало неловко, но он ничего не мог с собою поделать. И продолжал смотреть. Была хорошо видна тонкая шея девушки, плечо и левая грудь, небольшая, красивой формы, с аккуратным тёмным соском. Ниже, под покрывалом, прекрасно читалась линия бедра, как будто вылепленного талантливым скульптором. Открытой оказалась и нижняя часть ноги, от округлой коленки до маленькой стопы с узкой лодыжкой и красивыми аккуратными пальчиками.

Рука и плечо Андрея ещё хранили тепло тела девушки и лёгкий аромат её волос. Прикрыв глаза, Андрей пытался вспомнить в деталях удивительный вчерашний день. День, когда волею Небес он нашёл свою половинку.

Они вышли на первой же остановке из вагона и, взявшись за руки, направились вдоль моря по мелкому белому песку нескончаемых прибрежных дюн. Не зная, куда идут, не замечая ни хода времени, ни расстояния. Не обращая внимания на усталость. Не слыша ни рокота набегающих на берег беспокойных волн, ни криков озабоченных чем-то, низко летающих чаек.

Андрей, не веря своему счастью, крепко сжимал руку Илги и с восторгом рассказывал об Абхазии, её красотах и традициях, о переезде в Москву, о своих родителях и друзьях. Говорил, не останавливаясь, о кино, о джазе, о прочитанных книгах. О смешных историях, свидетелем которых ему довелось быть. Илга внимала рассказчику, с широко открытыми глазами, не перебивая. Лишь иногда позволяя себе негромкие возгласы удивления или одобрения. Или заразительно смеясь.

Уже темнело, когда они вышли к какому-то посёлку. На калитке ближайшего дома был укреплён кусок картона. На нём было написано: «Здаётся комнат в антресоль. С душ. Можно от один суток»

Хозяйка, пожилая полная женщина, внимательно посмотрела на Илгу и спросила: – Девушке уже будет восемнадцать?

Получив утвердительный ответ, взяла деньги и протянула Андрею ключи.

Мансарда, обшитая изнутри вагонкой, оказалась довольно уютной. Письменный стол, два кресла, трюмо с зеркалом, торшер и холодильник. Большая двуспальная кровать, заправленная чистым, похрустывающим от крахмала, бельём. На прикроватной тумбе лежала стопка полотенец и два махровых банных халата.

– Прямо как за границей, – подумалось Андрею. – Прибалтика!

И тут, осознав вдруг, что наступает ночь, а они со Златовлаской наедине, Андрей вдруг оробел.

Конечно, в свои двадцать два года у него был опыт общения с женщинами, правда, совсем небольшой. И правильнее сказать, с женщиной, а не с женщинами. Правда, Андрей не любил его вспоминать. Безуспешно старался вычеркнуть из памяти, ибо испытывал жгучее чувство стыда за совершённое, как ему казалось, предательство.

Сразу после окончания школы он предпринял попытку поступить в МГУ. Отец ещё был жив. Он-то и устроил Андрея через московского друга в маленькую ведомственную гостиницу. Гостиница находилась недалеко от станции метро «Парк культуры», что было очень удобно. Рукой подать до Ленинских гор, до Университета, да и центр Москвы совсем рядом. Гостиница не отличалась особым комфортом или уютом, но была очень дешёвой. И порядки в ней царили достаточно демократичные. Постояльцы, в основном командированные в Москву сотрудники министерства, хлопот Андрею не доставляли, так как появлялись в номерах, как правило, поздно вечером.

Большой снег в преддверии нового, 1993 года

Андрею досталась койка в четырёхместной комнате, в соседнем же, одноместном номере остановился чиновник из Алма-Аты, по имени Харлампи. Средних лет, доброжелательный, немного вальяжный и очень хлебосольный. Жизненная философия его была проста, и он с удовольствием озвучивал её квинтэссенцию: «Все мы гости на этой планете, поэтому каждая минута, потраченная впустую, трагична и непростительна». Впустую означало – в отсутствии друзей, женщин и застоля! И жить он старался именно в соответствии с этими принципами.

Поэтому всегда в номере был накрыт стол, собирались ежедневно московские его друзья, да и женский смех часто был слышен сквозь плохо пригнанные гостиничные двери.

Однако был он при этом хорошим отцом и любящим семьянином. Не было дня, чтобы Харлампи не заказывал междугородний разговор, и подолгу, с радостью и нежностью говорил с женой и детьми. Андрей часто становился свидетелем этого телефонного общения, ибо сам регулярно пользовался междугородней связью. Отец не так давно перенёс очередную инфаркт, и сына беспокоило его состояние.

Был Харлампи понтийцем, то есть черноморским греком, из Анапы, попавшим в трагическую бериевскую крупорушку сороковых, когда целые народы выселяли из кавказских республик и черноморского побережья в глухие, неосвоенные районы Казахстана и Средней Азии.

Узнав, что Андрей из Абхазии, прослезился, сказал:

– Ризам (дорогой), мало того, что ты земляк, ещё и сын мой немного на тебя похож. Беру над тобой шефство.

И взял. Уходил Харлампи из гостиницы обычно очень рано. А проснувшийся Андрей находил в карманах пиджака вложенные соседом деньги. Одну или две «красненькие», то есть десятирублевые купюры. «Десятка» тогда, в начале шестидесятых, была очень весомым платёжным средством.

Робкие возражения Андрея даже не рассматривались.

Если в момент прихода Андрея в гостиницу Харлампи был в номере, между ними как будто возникла загадочная биоэлектрическая связь. И грек тут же, с улыбкой появлялся на пороге.

– Элалака, непе. Поспа? (Иди сюда, парень. Как дела?) – Спрашивал он по-гречески и радовался, как ребёнок, когда юноша, тоже по-гречески, отвечал:

– Калон (хорошо), дядя Лампи.

Абхазия всегда была интернациональным краем. И Андрей немного говорил на нескольких языках, в том числе и на понтийском греческом.

– Кушать сейчас будем. – Тоном, не предполагавшим возражений, вещал сосед. – Только не называй меня при гостях дядей.

Имелись в виду, скорее, гости.

Женщины приходили к любвеобильному греку постоянно и, как правило, разные. И именно одной из них суждено было стать причиной предательства, ножом, который Андрей, как он считал, вонзил в спину своему старшему другу и покровителю.

В тот злополучный вечер, как обычно, Харлампии принимал у себя гостей. Пришли трое его министерских коллег. С собой они привели двух девушек из того же министерства. Для украшения компании, как бы.

Девушки оказались миловидными, стильно одетыми, современно мыслящими и, что было очень приятно для Андрея, начитанными. И с чувством юмора у них оказалось всё в порядке.

Итак, Ольга и Фрида.

Оля, комплекцией, цветом кожи и пухлостью губ напоминающая кустодиевскую «Купчиху», медлительная и застенчивая, хорошо знала русскую поэзию. Особенно ей нравились поэты «Серебряного века». Она помнила наизусть огромное количество стихов и великолепно декламировала.

Фрида была полным антиподом Ольги. Энергичная, подвижная, стройная. Спортивная фигура и нос с небольшой горбинкой воскрешали в памяти творения древнегреческих скульпторов. Менее утончённая в своих литературных и поэтических предпочтениях, чем Оля, Фрида обожала творчество набирающих известность советских бардов: Галича, Визбора, Высоцкого, Окуджавы. А ещё ей нравилась джазовая музыка.

В общем, сидящий рядом с Фридой Андрей оказался, как говорится, в своей тарелке. Тем для разговоров было множество, и молодые люди с упоением погрузились в увлекательный и интереснейший для обоих мир интеллектуального общения. Прерываемого, на первых порах, необходимостью отвлекаться

от беседы и поддерживать ход застолья, где тамадой был, конечно, Харлампи.

В конце концов, на них махнули рукой. Коллеги, попивая марочный армянский коньяк, обсуждали служебные вопросы, Ольга же, пододвинув стул поближе к Андрею, с удовольствием слушала диалог, изредка вставляя в разговор вопросы по теме или короткие и точные реплики.

Гостей пошли провожать поздно ночью. Рассадив компанию в два с трудом пойманные таксомотора, медленно побрели в гостиницу.

– Андрюша, ризам, а я тебя немного приревновал. Знаешь, я ведь положил глаз на Фриду. Обалденная девушка. Давно не встречал такой красавицы. – С восхищением вдруг изрёк Харлампи. – И не смотри на меня так! Не такой я и старый. Сагхапо, любовь, то есть, имеет привычку приходить в любом возрасте. Не успокоюсь, пока не уложу эту чувиху в постель. О, теперь, наверное, ревнуешь ты?

Андрей и не думал ни о какой ревности. Не думал он и о возрасте своего старшего друга. И о Фриде он не думал. Он очень хотел спать, просто валился с ног. Полученные за вечер эмоции, их объём и энергетика исключали даже подобие флирта. Да и сама девушка была совсем не в его вкусе.

Он так и сказал Харлампи. И ещё пожелал успеха в осуществлении задуманного. Сказал, кстати, вполне искренне.

Но, как часто бывает, жизнь преподносит неожиданные сюрпризы!

Спустя два дня после вечеринки Андрея позвал комендант гостиницы. Он же директор и админист-

Большой снег в преддверии нового, 1993 года

ратор, в одном лице. Единственный в гостинице телефонный аппарат стоял в его закутке.

– Краля какая-то звонит, тебя, по-моему, хочет. – Слово «хочет» он произнёс с заговорщицкой улыбкой, вкладывая в него особый, как ему казалось, смысл.

Звонила Ольга. В министерском клубе комсомольцы затевали Вечер современной поэзии. Ждали многих молодых, известных уже литераторов-«бунтарей». Оля приглашала Андрея. Естественно, он с радостью согласился.

Но вместо Ольги пришла Фрида.

Вечер поэзии оказался удивительным. Совершенно непривычным.

Крохотный зал. Никаких столов для президиума на сцене, никаких официальных представлений гостей и здравиц советскому руководству. Одинокий микрофон на стойке перед сценой и цветы в вазе рядом с микрофоном. Поэты сидели в первом ряду, выходили к микрофону без приглашения, сами, называли имя и начинали декламировать. А зал завороженно внимал.

Андрей жадно ловил каждое произнесённое слово, впитывая ритм, интонацию, настроение услышанных стихов. Ему не очень понравился Евтушенко. Удивили и восхитили необычные стихотворные конструкции Вознесенского и его манера читать стихи. В полный же восторг он пришёл, слушая Ахмадулину. Ничего подобного он раньше не читал и тем более никогда не слушал поэтессу вживую. Ему казалось, что вся сущность его, сознание и душа полностью

растворились в этой фантастической, неземной лирике. Во вкрадчивой, мелодичной, гипнотизирующей музыке авторской декламации.

Эмоции обесточили его энергетически, лишили возможности воспринимать слова и мысли других авторов, сменивших у микрофона Беллу. И даже когда под шквал аплодисментов взял гитару и запел свою песню «Из окон корочкой несёт поджаристой» Булат Окуджава, Андрей понял, что всё ещё продолжает находиться под впечатлением удивительной ахмадулинской поэзии, а всё, что происходит вокруг, происходит как бы не с ним.

В конце вечера литераторы свободно и с удовольствием общались с благодарными почитателями, но некая протрация, в которой находился Андрей, и природная скромность не позволили ему включиться в беседу.

Только когда гости и слушатели потянулись к выходу, а в зале погасили часть светильников, Андрей обнаружил, что всё еще сидит в кресле, сжимая руками тонкие и тёплые пальцы Фриды.

Потом он провожал Фриду домой. Они шли пешком по набережной Москвы-реки, не обращая внимания на шум проезжающих совсем близко автомобилей, на стук колёс поезда, летящего над рекой, где-то наверху, сквозь ажурный железнодорожный мост.

В июле в Москве темнеет поздно. Небо в этот вечер напоминало серо-зелёный прозрачный полог, накинутый на город, по ткани которого были рассыпаны редкие, неяркие звезды. Да и гранит набережных и дома вокруг как будто плыли неторопливо

Большой снег в преддверии нового, 1993 года

в загадочной, такой же, как и небо, сероватой взвеси, уютно подмигивая светящимися прямоугольниками окон.

Они шли и говорили, говорили, находясь всё еще под давлением недавнего интеллектуального стресса, не в силах избавиться от обрушившихся на них эмоций.

И никак не могли наговориться.

И когда, уже у подъезда дома, девушка вдруг предложила подняться к ней, на чашку чая, Андрей обрадовался. Обрадовался возможности продолжить разговор.

В тесной кабине лифта он снова уловил лёгкий аромат духов, вспомнил тепло и податливость фридиных рук и немного смутился. Взглянув на девушку, обнаружил вдруг в тусклом свете лифтового светильника крохотную пульсирующую жилку на её шее, под левым ухом.

Вряд ли в этом было что-либо особенное, но Андрея неожиданно охватило незнакомое ранее чувство нежности. Не понимая, что с ним происходит, неловко обнял девушку, прижал к себе и осторожно, задержав дыхание, поцеловал в шею, чуть ниже уха, как раз туда, где обнаружил несколько секунд назад манящий этот, пульсирующий сосудик.

И Фрида не оттолкнула его.

Родители были на даче. В огромной квартире «сталинского» дома царил тишина. Загадочно потрескивал старый паркет. Пахло бумажными обоями и книгами, коих в квартире было, очевидно, огромное количество, ибо в полумраке комнат здесь и там

виднелись бесконечные, высокие, как в публичных библиотеках, книжные стеллажи.

Что произошло потом, осталось в памяти Андрея как нечто прекрасное и высокое.

Это не было, на его взгляд, рядовым любовным приключением. Да и само словосочетание – любовное приключение – не имело никакого права на существование в эту сказочную ночь. Нет, это была незнакомая ранее торжественная Песнь, Ода любви, страсти и нежности.

И именно тогда юноша действительно превратился в мужчину.

Ибо впервые познал он истинное наслаждение любви, внезапно обнаружив в себе умение нежно ласкать женское тело, угадывать и предвосхищать все его желания. И, конечно, принимать, как великий Дар, оказанное ему безграничное доверие.

Он понимал, что вряд ли страсть и нежность, так щедро и искренне подаренные ему девушкой, являются синонимом любви в классическом значении этого слова. К тому же он не видел реальных перспектив их будущих отношений, ибо причин «против» в действительности было гораздо больше, чем «за».

Но Андрей был безмерно благодарен Фриде за эту ночь. И сегодня самым важным для него было именно это.

Утром его разбудило прикосновение чьих-то мягких губ к своей щеке. Он знал, чьи это губы, но не открывал глаз, сознательно затягивая процесс пробуждения. Ему было комфортно в огромной старинной кровати, в ворохе измятого ночью тёплого

Большой снег в преддверии нового, 1993 года

белья, на мягкой подушке, хранящей запах пряных духов Фриды.

Девушка рассмеялась и ласково потрепала Андрея по щеке.

– Соня, я и так уже опоздала на работу. Вставай, будем завтракать.

Андрей выждал ещё несколько минут, тяжело вздохнул и открыл глаза. Девушка, стоя в банном халате перед большим настенным зеркалом, расчёсывала влажные волосы. Закончив с прической, озорно стрельнула взглядом в сторону Андрея и сбросила халат.

Впервые в жизни юноша открыто, при ярком свете дня, любуясь, смотрел на обнажённое женское тело. Восхищённый его красотой, с интересом отмечал для себя некоторые подробности. Например, разглядел несколько небольших родинок, изысканно рассыпанных по спине и оттеняющих очень светлую матовую кожу. Небольшой шрам на правой лопатке, который совсем не портил впечатления, а как раз наоборот. Как будто специально задуманный гримёром-косметологом элемент дизайна тела.

Восхищаясь Фридой, вдруг осознал, что они совсем не стесняются друг друга. И понял, что эта свобода и восторг не имеют ничего общего с бесстыдством. Просто, и утром продолжалось единство душ и тел, обрётённых ими прошлой ночью.

Ведь не скрывают же, как правило, своих обнажённых тел супруги.

После завтрака, всё ещё находясь в состоянии некоей эйфории, посадил девушку в троллейбус, а сам отправился к ближайшей станции метро.

Сегодня в университете проводили консультации для абитуриентов. Андрею следовало переодеться и забрать свои конспекты из гостиничного номера.

Когда он произнёс про себя слова – гостиничный номер – получил, как показалось, мощнейший удар током. Как будто наступил на оголённый высоковольтный кабель.

Гостиница, номер, – продолжал он повторять в смятении. – ХАРЛАМПИ!!!

– Что же я, урод, натворил. Ведь Лампи влюблен во Фриду. Как я мог об этом позабыть? Как мог принести дружбу и доверие человека, ставшего мне близким, в угоду своей похоти?!!

– Не валяй дурака. – Вступил неожиданно в полемику некий внутренний голос. – Во-первых, о какой такой похоти ты ведёшь речь? Соединились в едином порыве, пусть на время, две души, чья встреча не была случайностью. И это главное. А телесное здесь вторично.

Во-вторых, Харлампи говорил о своей влюбленности, по сути, шутя. Ведь его цель проста – приобрести ещё одну красивую, блестящую игрушку к своей коллекции. И всё!

– Нет! – возражал Андрей. – Так это или не так, но я предал своего друга. Образно говоря, я всадил ему нож в спину. И нет мне прощения. И никогда не смогу я смотреть в глаза Харлампи.

Андреем овладело отчаяние. Ему даже на несколько секунд пришла в голову безумная мысль. Что жить после предательства он не сможет, не имеет права, а река рядом. Может покончить со всеми проблемами разом? Разве редки в столице несчаст-

ные случаи? Ну, подумаешь, упал какой-то юноша по неосторожности в воду.

Но эту мысль он отогнал. Долго сидел на троллейбусной остановке, думал и, в конце концов, принял решение.

По утрам Харлампи обычно уезжал в министерство. Андрею для осуществления задуманного плана этот факт давал некоторую временную фору. Приехав в гостиницу, он расплатился за номер, объяснив коменданту, что получил из Абхазии телеграмму о болезни отца. Сказал, что обязан бросить все дела и срочно возвращаться домой. Написал письмо для Харлампи с таким же объяснением сложившихся обстоятельств и оставил коменданту для передачи греку.

Затем, скрепя сердце, позвонил на работу Фриде и озвучил ей ту же версию с мифической телеграммой. Не дожидаясь возможной просьбы продиктовать сухумский адрес, произнёс: «прости» и повесил трубку. Поскольку денег на авиабилет не было, поехал на Курский вокзал, откуда уходили поезда в Абхазию. В надежде договориться с проводником.

Через три часа Андрей уже сидел в грязном и душном купе пассажирского поезда.

В отличие от скорых или «фирменных», этот поезд ещё и добирался до точки назначения более чем сорок часов. Времени было достаточно, чтобы прийти в себя и продумать объяснение для родителей, почему это их сын, обладая неплохим багажом знаний, вдруг отказался от идеи поступать в МГУ. Но нельзя ведь было рассказать им правду.

Потом, долгие годы, а вернее, всю дальнейшую жизнь, Андрей анализировал, сопоставлял драматические, а потом и трагические события тех июльских дней. «Просвечивал» с разных углов зрения все детали и нюансы происходившего, но так и не смог объяснить природу целого ряда мистических совпадений.

А пока, измученный вконец, с трудом расшнуровал туфли, опустил голову на влажную, в пятнах, не заправленную в наволочку, подушку. И тут же провалился в глубокий сон.

Проспал он, как выяснилось потом, около четырнадцати часов. Без сновидений. Не реагируя на внешний шум и разговоры попутчиков. Проснувшись неожиданно среди ночи, в необъяснимой тревоге, от сильного сердцебиения, весь в холодном поту, машинально посмотрел на часы. Тринадцать, запомнил он. И обратил внимание, что секундная стрелка стоит. Часы не шли. Ну и ладно, подумал Андрей и, как только ритм сердца стал приходить в норму, снова уснул.

Уже добравшись до города, вновь испытал чувство тревоги. Всё стало ясно, когда увидел он большое количество мужчин с серьёзными лицами, стоящих группками перед подъездом родительского дома, настезь открытую дверь квартиры и выставленный столик для головных уборов.

На немой вопрос Андрея ответила тётушка Марта, двоюродная сестра отца:

– Позапрошлой ночью, – прошептала она сквозь слёзы. – В три часа семнадцать минут. Сердце остановилось.

Большой снег в преддверии нового, 1993 года

Именно тогда и остановились часы Андрея в поезде. Минута в минуту.

После ухода отца, самого близкого человека на свете, сразу после похорон, Андрей почувствовал, что заметно изменился. Стал другим человеком. Взрослым, серьёзным и ответственным.

Именно тогда и стал он чаще задумываться о смысле жизни, о миссии человека на Земле, о чести, мужестве и сострадании. О любви и Промысле Божьем. Тем более, что главным в семье, старшим, как бы это странно ни звучало, стал именно он.

И первое, что он сделал, нашёл себе работу. Устроился в «Горгаз» экспедитором. Развозил по домам и квартирам газовые баллоны. Неплохо зарабатывал, к тому же быстро окреп физически, ибо приходилось постоянно таскать на себе тяжёлые ёмкости.

С точки зрения содержания семьи такой необходимости, честно говоря, не было. Родственники отца окружили их с матерью всесторонней заботой, да и мама, кандидат наук, продолжала работать в «почтовом ящике», где были высокие, по меркам провинции, зарплаты.

Мама очень тосковала по отцу, и время, проведённое на работе, хоть немного отвлекало её от скорбных мыслей. Андрей и дома старался быть неким громоотводом, развлекая мать всеми возможными способами. Ограничив при этом себя в привычных мальчишеских развлечениях. Правда, поднять настроение матери ему удавалось крайне редко. Даже время, отдаляющее дату смерти отца,

не притупляло, вопреки расхожему утверждению, боль утраты.

И когда, спустя время, маме неожиданно сделал предложение пожилой профессор-физик из Москвы, курировавший её научную тему, именно Андрей настоял на утвердительном ответе. К тому же закончился срок обязательного траура. Единственным его условием было – согласовать решение с роднёй, в соответствии с традициями. И, слава Богу, не возразили и родственники, понимая ситуацию.

В начале осени, после бракосочетания, не устраивая никаких свадебных застолий, Андрей с матерью переехали в Москву. Андрей изначально испытывал к отчиму чувство симпатии. А скоро это чувство переросло в глубокое уважение и настоящую мужскую дружбу.

В жизни Андрея начиналась новая полоса.

Сроки поступления в вузы прошли, до призыва в армию оставался год. И Андрей записался на подготовительные курсы. А в следующем году, блестяще сдав вступительные экзамены, прошёл по конкурсу и был принят в МГУ.

Все эти воспоминания, картинки прошлого, промелькнули перед глазами с немислимой скоростью, будто спрессованные всего в несколько мгновений.

Но Андрей тут же позабыл обо всём на свете, как только затих шум воды в душе.

Небо за окном было ещё довольно светлым, но в мансарде царил полумрак. Андрею показалось, что и сейчас от волос Илги исходило слабое золотистое свечение.

Большой снег в преддверии нового, 1993 года

Ветер, налетавший временами с моря, то загадочно шептался о чём-то с кронами стоящих вплотную к дому сосен, то с остервенением набрасывался на лёгкие шифоновые занавески на окне мансарды, заставляя их испуганно хлопать и раздуваться, как паруса.

Златовласка приблизилась, неслышно ступая, к Андрею и прижалась к нему. Он обнял девушку, и они долго стояли молча, не шевелясь. Привыкая друг к другу. К дыханию, теплу кожи, к биению сердца. Он гладил её влажные волосы, испытывая нежность и восторг.

Потом он осторожно прикоснулся руками к халату, наброшенному на плечи Илги. И очень медленно, как в замедленной киносъёмке, халат, грациозно изгибаясь, стал сползать вниз.

Напомнив неожиданно Андрею строчки Булата Окуджавы о простыне, струящейся белым флагом на пол. Но белый флаг, привычный символ капитуляции, мог означать как страдания и невзгоды, так и воцарение мира и покоя. А значит, как символ не противоречил любви.

Златовласка положила руку Андрея на свою грудь и задержала её там. И это было настолько естественным и целомудренным жестом, что юноша с удивлением обнаружил, что впервые, так же естественно, не стесняясь, принимает ласки и ласкает сам.

Впервые, ибо ночь, проведённая когда-то с москвичкой Фридой, была всё-таки прекрасным, но временным соприкосновением двух случайных партнёров. Ведь Фрида, в отличие от Златовласки, не была его «второй половинкой».

Кожа девушки, влажная ещё, очень приятная на ощупь, тоже, казалось, излучает загадочный, какой-то неясный свет. От её тела исходил волнуемый и одновременно расслабляющий, слегка пряный кисловатый запах. Запах пчелиных сот, клевера и утренней росы. А может, и запах материнского молока. Ибо так приятно пахнут обычно младенцы, груднички. Этот запах кружил ему голову, а прикосновения мягких и тёплых губ девушки сводили с ума.

Ему казалось, что рушатся законы гравитации, ослабевают земное притяжение. И не удивило бы его, наверное, когда вдруг оторвутся тела их от тёплого соснового пола уютной этой мансарды, да и дом сам нехотя поднимется над удивлёнными дюнами и величественными соснами и закружит их всех безумный и прекрасный галактический звездопад.

Счастливым, с нежностью ласкал он тело, принадлежавшее только ему, тёплое и податливое, с радостью откликающееся каждым миллиметром, каждым изгибом своим на его ласки. Андрей целовал шею Златовласки, веки глаз, миниатюрные пальчики её ног, упругий живот, пружинящую плоть юной груди, твёрдые маленькие соски.

А потом две половинки стали одним целым. И тогда полностью исчезло земное притяжение, взмыла в ночное звёздное небо невиданная огромная птица с четырьмя крылами. И принял её Млечный путь, а где-то внизу, далеко-далеко, плыла прекрасным голубым шаром, уменьшаясь в размере, Земля.

Большой снег в преддверии нового, 1993 года

Рушились вокруг мира, тонули в иссиня-чёрных дырах целые галактики, но тут же, в фиолетовых и оранжевых всполохах далёких светил, рождались новые.

И был долог этот волшебный полёт, возносящий влюблённых высоко-высоко в звёздную высь, чтобы потом, как на огромных сказочных качелях, бросать их с замиранием сердца вниз. Пока, полностью обессиленные, счастливые, не рухнули они сами в чёрную пропасть глубокого сна.

Сейчас, глядя на спящую Златовласку, Андрей с удивлением и радостью вдруг осознал, что внешняя раскованность и удивительная гармония в поведении девушки не была результатом её опытности. Нет, непосредственность её имела другое объяснение. Ведь и Андрей был для неё «своей половинкой», и именно ему, без малейшего сомнения, она доверилась полностью, расставаясь легко и радостно со своей девственностью.

И это было бесценным даром Илги самому любимому теперь человеку на свете.

Андрей совершенно ясно представлял своё будущее. Они с Илгой поженятся, она народит ему кучу детей, причём первый, конечно, будет мальчик. Они проживут долгую, долгую счастливую жизнь. И даже умрут в один день.

Андрей подозревал, что авторство этой нехитрой жизненной формулы не принадлежит ему, а теряется в прошлом. Но она, эта формула, была приятной, оптимистичной, соответствовала его патриархальным взглядам на жизнь и, соответственно,

полностью устраивала его. Он чётко знал, что нужно сделать. Сегодня, сейчас.

Поехать к родителям девушки, всё им рассказать и получить их благословение.

Увезти молодую жену, а только так он и воспринимал Илгу, в Москву. В том, что она понравится маме и отчиму, сомнений не было. И сразу же, благо сейчас лето, лететь в Абхазию, к многочисленной своей шумной и обожаемой родне. Тут, правда, могли возникнуть некие шероховатости на гладкой канве его оперативного плана действий.

Дело в том, что родственники и с маминной, и с папиной сторон мечтали женить Андрея на местной девушке и даже подыскивали ему заранее невесту. Но он надеялся сгладить эти самые шероховатости убеждённостью в правильности своего выбора. И верил, что никто не устоит перед силой его любви к Златовласке.

Конечно, проще было расписаться в Москве, а родню поставить перед свершившимся фактом. Но Андрей считал даже такое, почти невинное лукавство недостойным себя. Да и свадьбу сыграть он всегда мечтал только в Абхазии, в родовом отцовском гнезде, в старом каштановом доме своего деда Корсантела.

Выстраивая эти задумки в стройную линию, вдруг сообразил, что не знает ничего о девушке, её родителях и близких. Даже фамилии и адреса. Вообще ничего, только то, что она в прошлом году, сразу после школы пошла учиться на трёхгодичные курсы радиомастеров при заводе VEF и посещает какую-то спортивную секцию ДОСААФ.

Большой снег в преддверии нового, 1993 года

Снова неугомонный солнечный лучик прорвался сквозь шифон занавесок. Пробежав по подушке, добрался до волос девушки и как будто растворился в них. Золото в золотом. И по сосновым стенам комнаты тут же забегали крохотные, суетливые золотистые «зайчики».

Девушка открыла глаза, обвела взглядом комнату и, радостно улыбаясь, протянула Андрею руки.

После «семейного совета» решили так: поскольку у мамы Илги большое сердце, знакомство разумнее перенести, отодвинуть во времени, ибо любые сильные эмоции, даже положительные, могли повредить её здоровью. Девушке стоило бы подготовить маму, осторожно и деликатно, заранее. А потом, вечером или завтра представить родителям Андрея.

План был разумен. С сожалением и чувством лёгкой грусти покинули они своё сосновое убежище и уехали на первой же электричке в Ригу. Договорившись встретиться вечером, в семь часов в сквере у Домской площади.

К вечеру погода испортилась, низкие тёмные тучи как будто затеяли над городом свои «разборки», резко передвигаясь, клубя и сталкиваясь друг с другом. Зарядил унылый холодный дождь.

Андрей тщетно пытался укрыться под кронами редких деревьев, прижимаясь к стволам, но это не защищало от косых струй воды. Вскоре он промок до нитки.

В семь часов вечера Илги ещё не было. Не было её ни в семь пятнадцать, ни в семь сорок пять. Но Андрей всё надеялся и ждал.

В девять вечера, совершенно мокрый, обессиленный от ожидания с трудом убедил себя – девушка уже не придёт. Ночь он провёл без сна. То покрывался липким холодным потом, то его бросало в жар. Наверное, бредил, ибо слышались ему неясные, приглушённые чьи-то голоса. Хотя возможно, кто-то допоздна разговаривал в соседнем гостиничном номере. Утром, ослабевший, совершенно потерянный, увидел себя в зеркале. Измождённое бледное лицо с тёмными кругами под глазами.

Андрей не был человеком, как говорится, робкого десятка. Судьба не позволяла ему расслабляться, быть нерешительным или безынициативным. Но сейчас он был в растерянности. Ему, и в этом было даже страшно признаться, хотелось плакать.

Он не верил, что так легко теряет свою Любовь, свою Половинку, встреченную по велению Небес. Но не знал, что можно или нужно предпринять.

Заканчивался его туристический тур, и почти не оставалось денег.

Конечно, он мог позвонить родителям, они перевели бы, но это ничего не меняло. Ведь у него не было ни малейшей информации, никаких зацепок для поиска.

Покачиваясь, он добрёл до вокзала, сел в электричку, идущую к Взморью. С трудом вспомнил станцию, откуда они со Златовлаской отправились в самое прекрасное в его юной жизни путешествие, но не смог найти того деревянного дома с мансардой среди тех самых сосен, рядом именно с той песчаной косой.

Большой снег в преддверии нового, 1993 года

Вернувшись в Ригу, взял на стоянке такси, отдал водителю всю свою скромную наличность и колесил какое-то время по улицам города, надеясь на Провидение. Но тщетно.

Дома, в Москве он, подумав, не стал ничего рассказывать матери, хотя они были большими друзьями, и он часто делился с ней самым сокровенным.

Но сейчас он решил, что этот крест – его крест, и нести тяжёлую ношу необходимо в одиночку. Но, скорее, где-то в глубине души надеялся, что произойдёт чудо, и он неожиданно встретит девушку с копной волос цвета золота, с золотыми же искорками в глазах и с очень родной улыбкой. Даже не надеялся, а верил.

Но летели годы, одни события сменялись другими, Андрей тосковал по Златовласке всё реже и реже, ибо жизнь каждодневно предъявляла ему новые свои требования.

В конце концов, он смирился, убедив себя, что встреча их была результатом некоего сбоя, ошибки, допущенной кем-то в мирах параллельных. Видимо, предполагалась она в иное время, в другой жизни.

И он успокоился. Вспоминая иногда деревянный дом среди песчаных дюн, девушку в махровом халате, с влажными волосами и волшебное космическое путешествие, как сцену из старого фильма или главу из прочитанной в юности книги. Лишь в редкие моменты, просыпаясь на рассвете в мансарде подмосковной дачи, в полудрёме подолгу наблюдал, как играет с занавесками лёгкий ветерок. И тогда сладко и тоскливо щемило в груди.

Незаметно для себя, без особых усилий с блеском, с красным дипломом, окончил МГУ и поступил в аспирантуру. Наука околдовала его, взяла в плен, стала главным делом его дальнейшей жизни. Не оставив времени на жизнь личную. Да и честно говоря, она его особо не заботила, эта, так называемая личная жизнь.

– В чём смысл жизни? – спрашивал Андрей. И отвечал себе: быть любимым и любить, оберегать и лелеять близких людей, быть полезным. Оставить на Земле, уйдя когда-нибудь в небытие, добрую память о себе.

С этим у него всё в порядке, по его мнению. Он обожает и оберегает родителей, они не чают в нём души. Эмоции, даруемые успехами в науке, заменяют ему, в определённом смысле, любовь к женщине. Ведь это и есть смысл жизни!

Да и то, что он делает по работе, обязательно принесёт пользу человечеству. Это он знал твёрдо.

Уверенно, с лёгкостью защитил кандидатскую диссертацию. Защита произвела фурор в научном мире. Даже оппоненты солидарно хвалили уровень, качество диссертации, да и саму защиту признали блестящей. Многие крупные учёные указывали, что работа перепрыгнула через порог кандидатской и явно тянет на докторскую.

Так что, в соответствии с расхожей фразой, «как-то утром Андрей проснулся знаменитым».

Будучи почётным профессором многих известных университетов, часто мотался с лекциями по Европе и Северной Америке. Немного позднее также легко защитил и докторскую диссертацию. Стал членом-корреспондентом Академии наук.

Большой снег в преддверии нового, 1993 года

Теперь время его оказалось спрессовано до максимума, в которое понятие «личная жизнь» совершенно не встраивалось. Единственным увлечением, нет, вернее, пристрастием, являлся джаз. И он выкраивал иногда, очень редко, пару, тройку свободных часов, чтобы уединиться, надеть наушники и слушать, слушать, с неземным наслаждением, эту великую музыку, растворяясь в ней, хоть ненадолго.

Да и находясь «за бугром», покупал себе только книги, журналы и виниловые джазовые диски. Ну и, конечно, подарки и сувениры любимым родителям.

Когда мама упрекнула, что он забывает о многочисленной родне в Абхазии, моментально с ней согласился. Теперь в его чемодане стали появляться Микки-Маусы, жевательные резинки в виде сигарет, игрушечные, но очень внушительные кольты, зажигалки, мужские запонки и прочая мелочёвка, предназначенная для родственников.

Среди его сухумской родни была и двоюродная тётя по имени Антица. Далеко за сорок, школьная учительница и старая дева. В быту не улыбочная и сварливая. На работе – строгий монстр, терроризировавший учеников. Одета постоянно в строгий чёрный костюм и белую блузку с рюшами.

Острые на язык школьники придумали ей прозвище – «Антицакофтошквакуа». Произносимое бегло, как пулемётная очередь, не совсем по транскрипции, это прозвище состояло из трёх слов. Дело в том, что в те годы большой популярностью пользовались две абхазские песни, «Антица» и «Акофтя ашкуакуа» (Белая кофточка). Так что прозвище соответствовало исходному фольклорному материалу.

Несмотря на строгий характер, к Андрею тётя относилась с теплом, даже с нежностью, находя у племянника черты рано умершего своего родственника, отца Андрея.

Как-то раз, возвращаясь из очередной командировки, купил он в аэропорту для тётки особый сувенир. Это была металлическая высокая банка, по типу пивной, с нарисованными разными, очень красивыми конфетами. Это было кстати, ибо тётушка очень любила сладкое.

Дядя Арвелод устроил, как говорится, хлеб-соль, по поводу приезда Андрея.

Вот там, одарив и остальную родню, племянник, с почтением, вручил подарок и тётке. Антица слегка смутилась, зарделась, поблагодарила и, под аплодисменты гостей, откинула крышку. Пауза... и аплодисменты переросли в дружный хохот.

Вместо конфет, щеря в кривой улыбке рот, из банки вылетел растрёпанный пластмассово-тряпичный Мефистофель. (Откровенно говоря, покупая сувенир, рассеянный Андрей был уверен, что на самом деле покупает конфеты).

Тётушка взвизгнула, с отвращением отбросила банку и выбежала из квартиры.

Было ясно, что племянник перегнул палку. Невольно он нарушил одну из важнейших заповедей поведения, как бы проявив неуважение к возрасту тётки.

Забегая вперёд – конечно, он повинился и помирился с Антицей, не сразу, правда. Она не могла не простить любимому племяннику его шутку. Его же ещё долго мучила совесть.

Большой снег в преддверии нового, 1993 года

По рекомендации родственников, устав от их настойчивости, Андрей, почти не размышляя, женился на Ирине, дочери старого друга и сослуживца отца. Девушка окончила медицинский техникум и работала медсестрой в одной из городских больниц. Оказалась она, к счастью, миловидной, смышлёной и бесконфликтной. Начитанной и обладавшей неплохим чувством юмора. Да и хозяйкой была прекрасной.

Андрей не мог, правда, понять, любит ли его Ирина, но решил, что не так это и важно. Главное, что дома был мир, покой и порядок. И он привык к Ирине.

Через год у них родился сын. Назвали его в честь деда – Денисом.

(На самом деле, дедушка Корсантел, живший некоторое время в Турции, назвал своего сына, отца Андрея, именем Дениз, что переводилось с турецкого, как «Море». Но внука Корсантела все называли Андреем Денисовичем).

В тот день, четырнадцатого числа, Андрей консультировал абитуриентов. Вдруг резко распахнулась дверь аудитории, и декан факультета с озабоченным выражением лица настойчиво поманил Андрея рукой.

– Андрюша, мне только что звонила жена. По телевизору объявили, что в Абхазию введены войска Госсовета Грузии и что на подступах к Сухуми идут бои. Отпусти ребят, гони домой, попробуй, если есть связь, узнать, что там с твоей роднёй.

Дома Андрей застал плачущую Ирину и Дениса, собирающего чемодан.

– Он собирается в Абхазию, воевать. Останови его, пожалуйста! – всхлипывая, с трудом выговорила Ирина.

– А разве я имею право его останавливать? – Ласково притянув Ирину к себе, произнёс Андрей. – Ему семнадцать, он мужчина и может решать сам. Но каждый отец обязан оберегать своё чадо.

Услышав эту фразу, Ирина с надеждой подняла глаза.

– Так вот, – продолжал Андрей – единственное правильное моё решение – это ехать с ним! О чём прошу сейчас вас обоих, дайте мне время получить верную информацию и подготовиться.

А информация была тревожная и безрадостная. Мощная колонна бронетехники стоит в пригороде столицы, у Красного моста. Ведутся вроде бы какие-то переговоры, но толку от них не ждёт никто.

С воздуха город обстреливают боевые вертолёты, а в Гагре высаживается морской десант. Граница перекрыта.

Потянулись тяжёлые дни неопределённости. Дни ожиданий, дни надежд, дни действий. Андрей, используя свои связи, курсировал, как челнок, по Москве, по посольствам, корпунктам и представителям различных массмедиа в России.

Рассказывал, убеждал, распространял объективную информацию, передавая фото, видеоролики и свидетельства очевидцев. Организовывал передачи на радиостанциях и на телеканалах. И радовался,

Большой снег в преддверии нового, 1993 года

как ребёнок, когда удавалось пробить брешь в железобетонных нагромождениях лжи и измышлений. Когда в российской и западной прессе появлялись правдивые материалы о войне.

Седьмого октября, сразу же после освобождения Гагры, они с Денисом вылетели в Сочи и в этот же вечер, с помощью Арама, жителя приграничного села Весёлое, перебрались нелегально, через пограничную реку Псоу. Поздней ночью на попутном военном грузовике добрались до временной столицы, города Гудаута. Постучались в первый же дом, и были без лишних расспросов приняты на ночлег.

Город было не узнать. Обычно полусонный, небольшой городок жил всегда в каком-то замедленном ритме, исключая три-четыре месяца курортного сезона. Но это в мирное время.

Сейчас же город вызывал ощущение гудящего улья. Улицы забиты людьми и транспортом. В центре вообще вавилонское столпотворение и языковая многоголосица. Калейдоскоп лиц и одеяний.

Армия только формируется, не хватает ни формы, ни оружия. Вчерашние ополченцы, сегодня уже бойцы регулярной армии, выглядят порой трогательно. Кто-то разжился камуфляжем, но не нашёл сапог или военных «берцев», потому и щеголяет в модных мокасынах или кроссовках. А некоторые в спортивных костюмах «Адидас» или в джинсах. Но в каждом взгляде читаются решимость и бесстрашие. И это уже армия, это сила. Единственно, что всех тревожит – катастрофически мало оружия. Не хватает автоматов, зато есть, и об этом говорят

с гордостью, несколько танков и БТР, отбитых у противника. Трофейных, значит.

Гортанная вайнахская речь, очень знакомый, похожий на абхазский, язык адыгейцев, черкесов, кабардинцев. Мягкое турецкое произношение звуков и мелодичный, но одновременно и жёсткий русский говор казаков.

Весь этот круговорот людей и техники, подчинён какому-то жёсткому порядку. Закону военного времени. Это витало в воздухе и, безусловно, обрадовало Андрея.

Рудик Делба, родственник, офицер разведки, помог обустроиться. Дениса зачислили в строевую часть и выдали комплект формы советского образца. Но главное, выдали автомат. Потёртый, с исцарапанным прикладом, но действующий.

Андрея же временно прикрепили к интендантской группе. В группе было несколько таких же, как Андрей, зрелых людей, чьи сыновья сражались на передовой. И в чью обязанность входило обеспечение солдат всем необходимым, от зубных щёток, курева и носовых платков. А в первую очередь, конечно, питанием.

И надо сказать, со своими обязанностями «снабженцы» прекрасно справлялись. Благодаря их стараниям и неуёмной энергии бойцы на передовой почти ни в чем не нуждались. Андрей быстро «вписался в тему» и стал своим среди сослуживцев. Особенно близко подружился он с деятельным и острым на язык Аликом Капш из Гагры.

Период поздней осени и зимы был, пожалуй, периодом вялого позиционного противостояния

Большой снег в преддверии нового, 1993 года

противников на Западном фронте, по линии реки Гумисты. Конечно, стороны периодически перестреливались, иногда ожесточённо, применяя артиллерию и системы залпового огня. Предпринимались разведывательные и диверсионные вылазки на ту сторону. Но в целом обстановка на линии разделения была относительно спокойной. Стороны накапливали силы для будущих наступлений и ждали тепла.

Андрею удавалось достаточно часто бывать на передовой и видеться с Денисом. Ему казалось, а может, так было и на самом деле, что сын его, мальчик, ребёнок, тепличный цветок столичной оранжереи, стал настоящим мужчиной, воином, хотя боевое крещение только ожидало его.

Жилистые, окрепшие руки, жёсткая щетина скул, низкий голос. Всё это очень отличалось от московского образа рафинированного студента из «хорошей семьи».

Денис свободно обращался с автоматом, знал особенности мин и ручных гранат. Но самое важное, что отметил для себя Андрей, это незнакомый блеск глаз. Такой же, как и у остальных, опытных бойцов.

Бесстрашие и безоговорочная вера в победу – вот что читалось в их глазах.

Как-то Андрея командировали в городскую больницу, за обещанными ранее лекарствами.

Перед входом стоял серый УАЗ медицинской службы фронта. Задние дверцы машины были открыты, внутри на носилках лежали три тела, накрытые простынями.

Андрей не знал, кого скрывают простыни, но у него вдруг защемило в груди. Конечно, шла война, страшная война, и немало таких бездыханных тел, накрытых простынями, повидал санитарный фургон. Но для Андрея такая встреча со смертью была первой, и она потрясла его.

Ярко светило тёплое осеннее солнце, детский смех с улицы перекрывал шёпот крон вечнозелёных деревьев. Природа как будто радовалась жизни, и в страшное противоречие, в диссонанс с этой радостью вступали тела погибших в УАЗике. Значит, кто-то недолюбил, недопел песню, не дочитал интересную книжку. И это было неестественно и несправедливо.

Из здания вышел начальник медбатальона, Батал Кобахия. Они были знакомы. Андрея удивляло и восхищало, что такой мягкий и добрый человек, учёный-гуманитарий, романтик добровольно взвалил на себя столь тяжкую кровавую ношу и безропотно, достойно, без лишних слов, несёт её.

Батал перехватил взгляд Андрея, взглянул тому в лицо и с пониманием, в сердцах, произнёс:

– Наши, с передовой. Совсем мальчишки. Сегодня с утра с той стороны работает снайпер. Война, брат Андрей, война.

В середине следующего дня прикатил на велосипеде совсем юный солдатик, в спортивных штанах и кедах. Зато в камуфляжной куртке, пилотке со звездой и с охотничьей «Тулкой» за спиной.

Андрея срочно звали в больницу. Пришли долгожданные препараты, решил он.

Большой снег в преддверии нового, 1993 года

В холле увидел расстроенного Рудика, и почувствовал, как остановилось на миг сердце, а по спине, между лопаток заструился холодный пот.

– Всё в порядке, – Рудик вскинул руку. – Лёгкое ранение. Правда, совсем лёгкое. Сейчас Денис на перевязке, потерпи несколько минут. Всё тот же грёбаный снайпер. Двоих пацанов уложил с утра.

Твой Денис родился в рубашке. Снайпер никогда не промахивается, это исключено. Но пуля угодила в скалу, рядом с головой, срикошетила и по касательной прошила грудь, слева. Даже кость цела. Божий промысел, не иначе.

Я со своими ребятами отбываю на Гумисту. Верховный лично требует разобраться со снайпером. Срочно!

Дениса оставили пока в больнице. Андрей, отпросившись у командира, сидел с сыном до позднего вечера. И утром, проснувшись, сразу же отправился привычным маршрутом.

По пути встретила ему странная какая-то процессия. Навстречу по тихому переулку двое конвойных вели пленного. Одним из конвоиров был вчерашний юноша в пилотке с красной звездой. Свою «Тулку» он держал наизготовку. Андрей знал и второго.

Этот парень, по имени Вадим, был известен многим. Рискую жизнью, пробрался он в Гудауту из оккупированной столицы с одной целью – записаться в армию.

На пустынной дороге рядом с юношей остановился автомобиль, ему предложили сесть, и он с радостью уселся на заднее сиденье. Лица челове-

ка, сидевшего впереди, не было видно, но разговор начал именно он. Тембр голоса, интеллигентность и доброжелательность незнакомца располагали к откровенности. И Вадим честно и с радостью рассказал о себе всё.

Что он казачьего происхождения, чудом пробрался за линию фронта и горит желанием сражаться за Родину.

На вопрос, сколько ему лет, откровенно ответил – пятнадцать. Но это неважно, – добавил он. – Я себе припишу пару лет.

Человек слегка повернул голову, и Вадим узнал его. Это был Верховный Главнокомандующий.

– Тебя запишут, я распоряжусь, но о передовой пока забудь. И не волнуйся, у нас и здесь хватает достойных поручений для таких храбрых юношей, как ты.

Скоро о Вадиме знали все.

– Ну, конечно, – с восхищением рассказывали о нём бойцы, – ведь его САМ, лично, записал в армию.

Сейчас Вадим важно вышагивал по переулку, одетый, несмотря на тепло, в дублённый полушубок, и держа пленника на мушке своего карабина. На голове его красовалась кубанская казачья папаха.

Андрей обратил внимание на того, кого так ответственно конвоировали два юных бойца. В камуфляже, в воинских берцах, невысокого роста. Короткая стрижка, одна сторона тела, от головы и до ботинка, обожжена.

Руки за спиной связаны верёвкой, да и на ногах пленника болтается верёвочная петля, мешающая нормально шагать.

Чувство юмора свойственно южанам всегда, даже в драматических ситуациях.

И Андрей не удержался.

– Привет, бойцы. Не пойму никак, вы что, Рембо поймали или Чака Норриса? Вы бы ему натуральные кандалы ещё приспособили, да ещё и мешок на башку натянули. Не пришлось бы всё время на мушке держать.

– Ничего не знаю про Рембо, – серьёзно, с обидой ответил, не опуская ружья, парень в пилотке, – но эта падла ещё хуже. Это та самая снайперша, что наших ребят положила. За ней на ту сторону группу послали, еле выследили. А чтоб захватить, пришлось в её сторону из подствольника шандарахнуть. Так она вроде в отключке была, но Серёжку, амбала огромного, враз вырубил и шею чуть не перегрызла. Дёрнули её за ногу вовремя, так она успела из плеча Серёги зубами шмат мяса вырвать. А Вы тут шутите, дядя Андрей.

Снайперша! Женщина. Та самая, которая вчера ранила Дениса.

Андрей, не обращая внимания на знаки, подаваемые конвоирами, подошёл к пленнице вплотную.

Женщина медленно подняла голову и посмотрела Андрею прямо в глаза.

И качнулась под его ногами земля, и зашумело в ушах от внезапного прилива крови, и как будто погас на миг яркий солнечный свет.

Помимо следов ожога, лицо женщины было сплошь покрыто тёмными пятнами маскировоч-

ного грима. Рот был перекошен, в глазах застыла ненависть.

Но не выражение лица ошеломило Андрея. Глаза! А, вернее, их цвет! Глаза у пленницы немного различались, один был голубым, а второй – зеленоватым! И в обоих зрачках погасшими угольками угадывались былые золотистые искорки.

Так вот какой сюрприз преподнесла ему судьба?! Вот на каком крутом вираже настигло его прошлое! И разве о такой встрече со Златовлаской мечтал он когда-то, в юности своей, скрывшейся давно за бесчисленными поворотами длинного шоссе по имени Жизнь!

Он не понимал, за что, за какие прегрешения назначено ему сие испытание. И что делать, как вести себя именно сейчас, он не знал.

Узнала ли его Илга или нет, тоже было загадкой. Ведь прошло столько лет.

Пытаясь получить ответ, он не отводил своего взгляда. И почудилось на миг, что уходит ненависть из глаз Златовласки, уступая место знакомому, мягкому и влажному голубовато-зеленоватому туману, в котором, или это ему только показалось, опять вспыхнули светлые искорки.

Солдаты тоже ничего не понимали и растерянно переглядывались.

– Куда вы её? – с трудом разлепив слипшиеся губы, спросил Андрей.

– В спецслужбу. Ребята на передовой готовы были разорвать её на части, но разведчики запретили. Наверное, нужна она им.

Андрей был знаком с офицером, возглавлявшим армейскую спецслужбу. Но что это меняло?

Махнув конвоирам рукой, с трудом ступая на внезапно ставшие тяжёлыми ноги, продолжил он свой путь к больнице. Но вынужден был присесть на скамейку у ближайшего дома.

Голова шла кругом от нахлынувших эмоций и самых разных, порой безумных мыслей. Он пытался успокоиться, взять себя в руки, но это плохо получалось.

Но и разбираться в сложившейся экстраординарной, невысказанно трудной ситуации можно было, только охладив себя, управляя своими эмоциями.

Итак, надо было задать себе ряд вопросов и попробовать ответить на них объективно и беспристрастно.

Самым важным было понять – кого он встретил сегодня? Была пленница действительно его Златовлаской или, ошеломлённый внезапно нахлынувшими чувствами, потеряв над собой контроль, принял он незнакомую женщину за ту, кого всегда считал единственной своей «половинкой».

Ведь тот звонок из прошлого, потрясший его, мог быть сигналом ошибочным, ложным. Ведь причиной, импульсом был знакомый, якобы, необычный цвет глаз. И только. А короткие, грязные, наполовину опалённые волосы даже отдалённо не напоминали тот золотой шар, ту солнечную копну, из которой и родилось ласковое – Златовласка.

Ведь, по большому счёту, ничего в глазах пленницы он не прочёл. Ничего, что было бы бесспорным и давало право, без сомнения, сказать: «да, Андрей,

это она, твоя половинка, твоя Златовласка, Илга, единственная твоя любовь».

И если ответ – да, то что нужно было сделать ему? Возненавидеть этого монстра, бессердечную и хладнокровную убийцу чьих-то детей, мальчишек, взявших в руки оружие для защиты своей страны и своих близких? В том числе, по сути, и его сына.

И вычеркнуть её решительно и окончательно из памяти своей?

Или простить Златовласку во имя их великой любви. Идти к Верховному, которого хорошо знал ещё по Москве. И умолять, стоя на коленях, сохранить жизнь врагу, наёмному убийце, женщине, сделавшей смерть своей профессией.

Но какие доводы мог он привести для объяснения странной своей просьбы?

Совсем уж безумные идеи стучались в его возбуждённое, затуманенное сознание. Подкупить охрану, выкрасть Златовласку и уехать с ней на край света или, как в ту ночь, улететь в другую галактику. Затеряться навсегда где-то на Млечном пути. Забыв о войне, о семье, вообще отсекая напрочь прошлое. Понимая, что предаёт Родину, семью, близких своих, покрывая их несмываемым позором на века.

Устрашившись своей минутной слабости, отогнал бредовые мысли.

Успокоился, подождал, пока не пришёл в относительную норму пульс, и отправился в больницу. Уговорил Дениса, рвущегося на передовую, остаться в палате до завтра.

По больничному телефону связался с Рудиком и попросил устроить ему свидание с сегодняшней

пленницей. Тот удивился неожиданной просьбе, но вопрос решил.

Через несколько минут Андрей подходил к малоприметному дому недалеко от центра города.

Часовой был в курсе, вызвал дежурного офицера, который и провёл Андрея в полуподвал и отпер огромный амбарный замок, висевший на двери, обитой жестью.

В двери грубо, на скорую руку, было пробито небольшое отверстие, для наблюдения за арестантами, очевидно.

Пленница сидела с ногами на деревянном топчане, обхватив руками колени. Уставившись в крохотное зарешёченное окошко под потолком. В окошке виднелось голубое небо, и оттуда периодически доносился приглушённый шум проезжающих вдалеке машин.

На вошедшего женщина не реагировала. Выждав паузу, Андрей тихонько дотронулся до её плеча. Брезгливо отбросив руку чужака, медленно повернула голову в его сторону. Никаких эмоций, в глазах полное равнодушие.

Андрей обратил внимание, что раны пленницы были обработаны, ибо рука и голова были профессионально перебинтованы. Да и лицо было почти отмытым от копоти и грима.

– Это снова Вы? – произнесла она низким, хрипловатым голосом. – Дайте закурить.

Андрей протянул ей початую пачку сигарет и коробок со спичками. Женщина жадно затянулась табачным дымом и, выждав паузу, спросила, что же ему нужно.

А ему о многом надо было спросить, да и самому рассказать многое, он даже знал точно, с чего начнёт, но никак не мог выдать из себя хотя бы одно слово. Словно находясь в некоей прострации.

Выждав какое-то время, женщина опять отвернулась к окну.

– Зачем, Илга? – с трудом, наконец-то, произнёс Андрей всего одну фразу.

– Зачем что? Не поняла значение второго слова, оно абхазское или это чьё-то имя?

Женщина говорила спокойно, не отводя взгляда от окна.

– Если это имя, то Вы меня с кем-то путаете. Мой паспорт у следователя. Зовут меня Елена Павловна Сутягина, а родом я из славного в прошлом города текстиля и невест – Иваново. Зачем? Так это вообще очень просто. Это моя работа, мне платят – я стреляю. И поверьте, мне всё равно в кого: в красных, белых, анархистов или свидетелей Иеговы.

Вдруг, посмотрев Андрею прямо в глаза, перейдя на шёпот, добавила:

– Потому, что ненавижу вас, мужиков. Всех, всех. И ни капельки ни о чём не жалею.

В дверь тихонько постучали. Время свидания заканчивалось.

В смятении выходил Андрей из камеры. С одной стороны, он даже обрадовался, убедившись в своей ошибке. И одновременно, его удручало, что существуют на земле такие женщины-монстры, как эта ивановская Елена.

Большой снег в преддверии нового, 1993 года

Когда дежурный вешал на дверь замок, сквозь глазок Андрей явственно услышал сдавленный стон. Ему же хотелось одного; поскорее выйти из мрачного подвала в солнечный день, обнять сына и постараться позабыть о случившемся.

Спустя время Андрей случайно узнал; женщину-снайпера обменяли через Красный Крест на шестерых абхазских солдат, взятых в плен на Восточном фронте. И это было, по его мнению, правильным решением. Жестом доброй воли и, что было важнее всего, сохранением жизни шести молодых ребят. Хотя бы на время.

Переговорами, как говорили, занимался Беслан Кобахия, сын легендарного Валериана Кобахия, подписавшего в качестве Председателя Верховного Совета Абхазии в августе 1990 года Декларацию о государственном суверенитете Абхазии.

Андрей был знаком с Бесланом, но уточнять детали не стал.

Как-то раз утром, постучали в оконное стекло. Шёл крупный мокрый снег, всё вокруг было покрыто как будто большими полотнищами белой марли: и дорога, и окрестные сады, и крыши домов.

На крыльце, под навесом стоял, стяхивая снег с пилотки, тот самый юный велосипедист. Теперь он весь был в камуфляже, в скрипящих новых «берцах». А вместо ружья на боку висел небольшой, под стать солдатику, автомат.

Парень отдал честь, вынул из внутреннего кармана куртки конверт и протянул Андрею.

– Камугович поручил. Лично. – Важно произнёс он. – Бежать надо, тороплюсь. Абзиараз, до свидания.

Андрей, к сожалению, не был лично знаком с Гиви Камуговичем, но слышал много доброго о легендарном этом человеке.

Андрей устроился у окна и распечатал изрядно помятый конверт.

На серой бумаге плохого качества, спешащим, мелким, незнакомым почерком было написано:

«Андрей, мой любимый Андрей, единственная моя половинка. Значит, ты меня узнал. Несмотря на прошедшие годы. Хоть и выглядела я, мягко говоря, неважно. Каких же сил стоила мне моя игра, моё мнимое спокойствие. Я очень боялась, что не справлюсь, расплачусь и упаду тебе в ноги. Я не хотела тебе писать, но это оказалось выше моих сил. Видимо, та же судьба, подарившая нас с тобой другу другу, стала и нашей разлучницей. Никогда не забуду тот день и волшебную нашу ночь. Никогда больше, ни разу в жизни, не была я такой счастливой.

В тот злополучный день, когда я не пришла, не стало мамы. После похорон я не находила места, не зная, как и где тебя искать. Я бесцельно бродила по городу, ездила несколько раз на Взморье, понимая тщетность моих действий. Позже поняла, что беременна. Да Андрюша, любовь моя, наша с тобой встреча должна была дать жизнь еще одному живому существу. И дала. Я родила тебе прекрасную дочь, очень похожую на тебя, только с золотыми волосами. Но через пять месяцев небеса призвали её. Не помогли ни доктора, ни отчаянные мои мольбы.

Большой снег в преддверии нового, 1993 года

Моя жизнь закончилась в день похорон. С этого дня я стала другой. Я возненавидела всех и всё на свете. Мужчины, с кем меня позже сталкивала жизнь, лишний раз убеждали меня в правоте моих мыслей. В отчаянии я возненавидела даже тебя. Я решила, что жизнь моя обрушилась именно из-за тебя, после нашей встречи.

У меня с юности высший спортивный разряд по стрельбе. Так что, когда появилась информация, что требуются платные снайперы, раздумий у меня не было. Более того, узнав, что «горячая точка» – это Абхазия, решила, что сама судьба даёт мне шанс пусть не напрямую, но отомстить за сломанную мою жизнь.

Остальное ты знаешь. Следователь сказал, что моя участь будет решена завтра. Скорее всего, меня расстреляют по решению трибунала. Так или иначе, тебя я больше не увижу. Тот же следователь разрешил мне написать это письмо.

Андрей, милый, забудь мои слова о ненависти. Сейчас, на краю пропасти, я понимаю, что на земле стоило жить только ради нашей любви, ради единственной нашей встречи! Прости, если можешь. Твоя Златовласка».

Андрея бил озноб, тряслись руки, слёзы застилали глаза. Он долго сидел, уронив письмо, положив голову на руки.

Позже посмотрел на себя в зеркало. И не узнал человека, глядевшего на него из зазеркалья. Седые виски и незнакомый безумный взгляд. Но Андрею не было дел до незнакомца.

Владимир Делба.

Он вдруг вспомнил больничную палату, раненого сына и слова Рудика: «Снайпер никогда не промахивается. Это исключено».

Какая же небесная сила отвела пулю снайпера на несколько жалких сантиметров в сторону от головы его сына? Или это Златовласка получила послание свыше, и сама отодвинула ствол?

Где теперь можно получить верный ответ?!

И кто, кроме него самого, сможет закрыть эту трагичную, немного мистическую страницу архива собственной памяти. Обрести чувство реальности и психического равновесия, подарив весь запас нежности, любви и доброты самым близким на этой планете людям: сыну и жене.

Андрей медленно поднялся со стула, сунул письмо с конвертом в холодную печь и негнушными пальцами чиркнул спичкой о коробок. Конверт долго не хотел загораться, затем вспыхнул ярким огнём. Скоро от письма осталась лишь крохотная, практически неразличимая кучка пепла.

А снег всё падал и падал. И скрылись в густой белой пелене окрестные горы и дома, автомобили и люди. И показалось на миг, что опустилась на город белая умиротворяющая благодать, воцарились покой и мир. И нет больше нигде ни войн, ни страданий.

«Ас-Ду»! «Большой снег» засыпал, как когда-то Абхазию в преддверии Нового, 1993-го года.

ДЕВЯТОЕ МАЯ ГЕНЕРАЛА ВАСИЛЕНКО

Меня часто уносит в прошлое звёздный вихрь воспоминаний, связанных с «генеральским» домом на улице Мархлевского, со странной, сложной историей, в которой причудливым, мистическим образом смешались судьбы людей, реальные события и удивительные, пророческие сновидения. И она началась для меня в 1963-м году, в Москве.

А может, не в Москве, и гораздо раньше? Кто знает...

* * *

Поскольку отец Горика официально, под свою ответственность отпросил нас у директора пионерлагеря, ночевали мы у него в доме.

Встали до рассвета и стали собираться. Горик уступил мне свои «горнолазные», как он их любовно называл, ботинки.

Ничего подобного я раньше не видел. Высокие, на шнуровке, были изготовлены они из двух сортов кожи. Нижняя часть из толстой, но мягкой, верхняя – из совсем мягкой, напоминающей шелковистую на ощупь замшу. Подошва была ребристой, как протектор автомобильной шины, с мелкими металлическими шипами. Внутри лежали стельки, упругие, будто с воздушной прослойкой.

В общем, не ботинки, а мечта. Отец Гора Александр Грантович выменял их ещё в 1945 году в Германии у американского солдата.

Ночами в горах холодно, даже летом. Поэтому мы облачились, кто в джемпер, кто в куртку. Сухой паёк Горик разместил в рюкзаке, а мощный электрический фонарь в удобном футляре, тоже из военных запасов отца, закрепил на поясе.

Настоящий мужчина должен быть вооружён. Я себя представлял, конечно, с ружьём за плечом и огромным острым охотничьим тесаком в ножнах из оленьего меха. Я где-то видел такой нож. Сейчас он был бы очень кстати. Для антуража, конечно, как и ружьё.

Однако Александр Грантович не дал ружья даже Горикю. Мы ведь шли не на охоту, а просто в поход.

И всё-таки оружие при мне было. Никто его не видел, ибо оно было тщательно упрятано за поясом, под курткой, между брюками из толстой ткани и телом.

Оружием этим была рогатка. Конечно, словосочетание «оружие – рогатка» может вызвать улыбку, но надо сказать, что я преуспел и в мастерстве изготовления сего, казалось бы, примитивного метательного приспособления и к тому же прекрасно им владел.

Ручку – рогатину или рогачок, как её называют, я вырезал из тщательно подобранной ветки самшита, древесина которого славится своей прочностью. Она была умеренно шершавой, ибо я идеально ошкурил её наждачной бумагой средней фракции.

Девятое мая генерала Василенко

Покрытый матовым, нескользким лаком рогачок прекрасно сидел в сжатой ладони руки. Для тети-вы был использован упругий жгут так называемой «авиационной резины», намертво закреплённой к рукояти латунными скобами. Седлом для снаряда служил кусочек мягкой, но прочной свиной кожи. И, наконец, сами снаряды. Для них прекрасно подходили круглые камешки соответственного размера. Коих при мне имелся некоторый запас.

Учитывая, что на расстоянии примерно двадцати метров, я без проблем попадал из рогатки в пустую бутылку, которая при этом со звоном разлеталась на мелкие осколки, нужно было бы ещё подумать, прежде чем отнести к рогатке как к детской забаве.

Фонарь в пути нам не понадобился.

Во-первых, Горик прекрасно знал горы, окружавшие ложбину, где находилось село. Он, по сути, сам был плотью от плоти величественного этого края, органичной частью его природы

Он родился и вырос здесь, изучил буквально каждый квадратный сантиметр огромной территории, знал каждый перевал, каждую тропинку, каждый родник. Будучи следопытом от природы, он впитал все знания и весь опыт, накопленный местными жителями на протяжении веков.

Такой проводник, как Горик, мог бы и с завязанными глазами вести нас в горы.

К тому же луна, подвешенная, как огромный зеленовато-жёлтый светильник в безоблачном, чистом небе, прекрасно освещала округу.

Было что-то завораживающее в этом, нетипичном для ночи, непривычно ярком свечении, будто струившемся сверху на землю ровным бесшумным потоком, делающим все предметы вокруг, и крупные, и мелкие, даже камешки на тропе, объёмными, чёткими, почти стереоскопическими по ощущению, прорисовывая их очертания резкими и глубокими чёрными тенями.

Ночной воздух был кристально чистым и холодным, как вода из горных родников. Дышалось легко, несмотря на активный темп подъёма по горной тропе вверх, заданный нам Гориком.

И на душе было легко, празднично даже, и волнительно от сознания полной свободы от не очень, правда, жёстких, но порой нудных обязательных правил поведения, принятых в пионерлагере.

А также от предвкушения ожидающих нас фантастически интересных приключений и эмоций. Видимо, Горик составил для себя некий список того необычного и удивительного, что предстояло познать городским жителям юного возраста, то есть нам.

Сути своих задумок он не раскрывал. Пока. Теоретически целью похода было восхождение на ближайшую гору, где только из определённой точки, в момент рассвета открывался, по мнению всех местных жителей, ни с чем не сравнимый вид. Уникальность ощущений подтверждали редкие туристы-гости, кому посчастливилось оказаться в «нужном месте, в нужный час», а именно, на рассвете и именно на этой горе.

И сейчас наш маленький караван упорно продвигался вверх, поднимаясь всё выше и выше, остав-

Девятое мая генерала Василенко

ляя далеко внизу спящее, невидимое отсюда село, дом Горика, пионерлагерь.

И как потом оказалось, этот путь наверх вёл к некоему водоразделу, событию, сыгравшему годы спустя мистическую роль в моей жизни.

Мы добрались до нужного места, когда небо на востоке стало светлеть, очерчивая лёгким зеленоватым контуром величественный абрис дальних гор.

Поляна, на которую мы вышли, оказалась небольшой ровной площадкой, уютно расположенной среди огромных сосен. По поляне, казалось, искусственно были разложены ландшафтным архитектором, в декоративной композиции, огромные замшелые валуны.

– Пришли! – громогласно объявил Горик. – Отдыхаем и ждём. Камни сырые, учтите, и берегитесь змей, будьте внимательны.

Мох на валунах действительно оказался мокрым и скользким. Предусмотрительный наш проводник выдал каждому по куску клеёнки. Исследовав территорию при свете своего фонаря, который светил, как прожектор, и убедившись, что ползучих гадов поблизости нет, Горик разрешил нам сесть на камни.

Не знаю, что именно необычного и уникального нам предстояло ещё увидеть, но картина, открывшаяся нам, уже захватывала фантастической своей красотой.

Сама поляна, на которой расположился наш маленький отряд, казалась сказочной капсулой, наполненной серебристо-зеленоватым светом, свежим

холодным, пьянящим воздухом, совершенно не похожим на привычный воздух города, и заброшенной сюда, в окрестности Цебельды из других миров.

Живописные валуны, освещённые необычным этим светом, отбрасывали чёрные глубокие тени, вызывая невольное сравнение с лунным пейзажем.

С трёх сторон поляну окружали молчаливо уходящие ввысь гигантские сосны. Тёмная плотная стена вековых деревьев могла вызвать чувство тревоги или даже страха, но и здесь безвестный галактический художник мастерски прошёлся по картине, прорисовывая лунным светом, как кистью, очертания крон, часть ветвей, тактично касаясь местами стволов деревьев. ...И хоть воздух сейчас был неподвижен, возникало полное ощущение, что деревья дышат, живут тайной своей жизнью, общаются между собой лёгким шелестом крон, почти незаметным, загадочным и трепетным касанием ветвей.

Сквозь идеально прозрачные стены капсулы была хорошо видна и тропа, по которой мы добрались сюда. Отсюда, сверху, казалась она светящимся потоком, ручьём, вольготно стекающим вниз и резко исчезающим в темноте ложбины. Видимо, усыпана она была сплошь мелкими кусочками гранитной породы, и лунный свет активно отражался от многочисленных частичек слюды, вкраплённых в камни.

Порой казалось, что искорки света поднимаются вверх и парят над тропой. Прекрасно различимые на тёмном фоне склона горы, напоминали они рой светлячков.

Девятое мая генерала Василенко

Правда, пора светляков в Абхазии приходится на начало лета, а сейчас стоял конец июля. Но какое это могло иметь значение?

А пока каждый из нас с восторгом впитывал мощные потоки необычных новых эмоций, полоска нарождающегося рассвета над горной грядой становилась всё шире и светлее, меняя зеленоватый оттенок на розовый. Лунный диск бледнел, звёзды теряли свою яркость.

Через некоторое время звёзды исчезли совсем, а от луны на светлеющем небе остался лишь тонкий, едва видимый контур.

Пейзаж вокруг нас менялся буквально с каждой минутой. Неимоверная скорость визуальных изменений напоминала киноэффекты, когда снятое за день статичной камерой на экране прокручивается за несколько минут.

Солнце ещё не взошло, горы бережно прятали его до поры до времени, но оно уже уверенно диктовало свою волю природе.

Исчезли, будто растворились в теплеющем воздухе, ночные тени.

Возвращались из темноты привычные цвета ландшафта. Правда, пока они были робкими, несмелыми, написанными как будто лёгкими прозрачными акварельными красками. Однако прямо на глазах цвета становились всё более яркими и насыщенными.

Трава на поляне оказалась нежно-зелёной, валуны серого камня, на которых мы сидели, были покрыты тёмно-коричневым, местами фиолетовым бархатистым мхом.

Сосны, окружавшие нас, уже не выглядели однородной тёмной массой. Оказалось, что у них разные, тёмно-красные или рыжие стволы и тёмно-зелёная крона.

Прибывающий свет гнал тени дальше, упорно спускаясь в ложбины и ущелья, ниже и ниже, выявляя, прорисовывая, как на фотобумаге, лежащей в проявителе, сложный, мудрёный горный рельеф.

Тропинка, переставшая быть искрящимся потоком, уютно сбегала с поляны серой змейкой, теряясь уже не во тьме, а в хорошо видимом густом кустарнике, оттенявшем светлой зеленью деревья, теснившие его с двух сторон.

Тем временем из-за гор величественно, не торопясь, как и положено властелину галактики, выплывало светило. Небо сразу же изменило цвет, став густоголубым и высоким-высоким, почти бездонным.

И началось что-то невообразимое!

Природа Абхазии вообще уникальна, разнообразна и удивительно красива. Казалось бы, нас, родившихся и выросших здесь, среди этих красот, трудно было чем-либо удивить. Но такого поразительного зрелища, происходившего на наших глазах, думаю, не приходилось ранее видеть никому из нас. Ни в реальности, ни в кино, ни во снах.

Как будто какой-то неведомый волшебник-художник, используя сложную, неизвестную нам, землянам, космическую технику живописи, пытался полностью ошеломить нас, покорить наше сознание, демонстрируя фантастическую, завораживающую своей красотой эту самую технику.

Девятое мая генерала Василенко

Казалось, сверху струятся мощные пучки света. У самой поверхности земли пучки эти рассыпались на множество ярких оранжевых лучей. Тонкие, светящиеся, пульсирующие, как живые, лучи эти с завидной скоростью и усердием начинали скользить по горным вершинам, по кронам деревьев, по листьям кустарников, элегантно и эффектно выявляя и подчёркивая их очертания, будто делясь с окружающим миром светом и живительной энергией своей, превращая даже камни в трепетную живую материю.

Освещённые солнцем склоны гор приобретали, не меняя привычного цвета, тепловатый оттенок, тени же, коих множество создавалось рельефом, утопали в ярко-синем и холодном, как на картинах импрессионистов.

И всё это тепло-холодное, радужное, оттенённое золотым контуром великолепие уходило дальше и дальше, по нисходящей. Гора за горой, холм за холмом ущелья, расщелины, глубокие ложбины каскадами сбегали вниз, купаясь в доминирующим сине-голубом светлеющем вдали свечении, чтобы окончательно раствориться в фиолетовой дымке горизонта.

Самым же поразительным было то, что фиолетовая полоска не завершала потрясающий по силе воздействия пейзаж. За ней раскинулось во всём величии море.

Конечно, это было иллюзией, созданной неведомым живописцем. Отсюда, с высоты нашей поляны, из окрестностей Цебельды, море было невозможно увидеть даже в мощный бинокль.

Я же готов под присягой подтвердить, что видел море! Именно видел, а не просто чувствовал, зная точно, что оно есть там, за невидимой линией горизонта.

Местами гладь его была бирюзовой, а местами синей, цвета тёмного ультрамарина. Порой воспринималась оно серебристым шёлком или слепящим глаза расплавленным золотом. А ещё ворчливым живым существом, раздражённо перекатывающим бесчисленные высокие чёрные волны, увенчанные белыми бурунами остро пахнущей йодом пены.

И совсем не удивительно для волшебного приключения, что все, не стовариваясь, восхищённо воскликнули:

– Ребята, отсюда же видно море!

Всё хорошее и интересное когда-нибудь заканчивается. Вот и закончилось фантастическое шоу, ради которого явно стоило недоспать и пару часов карабкаться ночью в горы.

Ландшафт вокруг вернулся в привычное состояние, продолжая быть, как всегда, очень красивым, но немного обыденным.

Волшебник, видимо, ушёл отдыхать, унося с собой кисти и краски, чтобы спокойно готовиться к новому дню.

Мы потихоньку приходили в себя, полностью обессиленные, будто таскали всю ночь камни для строительства, к примеру, крепости в горах. Не в состоянии даже обмениваться впечатлениями.

Горик доставал из рюкзака пакеты с сухим пайком, когда в лесу, совсем недалеко прозвучал сдво-

Девятое мая генерала Василенко

енный выстрел. Кто-то стрелял из охотничьего ружья дуплетом, сразу из двух стволов. И не успело стихнуть заметавшееся между деревьями громкое эхо, взорвавшее тишину уютной поляны, как вслед звуку выстрела из леса донёлся леденящий кровь рёв невидимого нам, но, судя по звуку, крупного животного. Рёв этот, а вернее, вой, звучал трагически, ибо явно был наполнен болью и страданием. Через несколько мгновений вой прекратился.

Мы застыли от неожиданности и страха, только Горик, вскочив на ноги, выкрикнул:

– Медведица!!! (Именно так: медведица, а не медведь).

Страха он, наверняка, не испытывал, на лице его читалось недоумение, озабоченность и сострадание.

– Кто мог стрелять в медведицу?! Охота здесь вообще запрещена! Тем более, что наши медведи не уходят в зимнюю спячку, как северные, зимой и весной у них часто появляется потомство! Значит сейчас при ней могут быть детёныши! Ни один местный житель не решился бы на такое варварство!

И пока Горик пытался разобраться в ситуации, среди деревьев и кустарников послушался шум. Кто-то прорывался сквозь заросли. Через несколько секунд на край полянки выкатились два больших мохнатых рыжих шара.

– Медвежата!!! – с тревогой и болью в голосе произнёс наш проводник. – Я же говорил!

Уверен, никто из нас, городских мальчишек, никогда в жизни не видел так близко живых медведей, вне цирка или клетки зоопарка.

Мы, затаив дыхание от неожиданности и широко раскрыв глаза, смотрели в упор на двух слегка повизгивающих, довольно крупных детёнышей. То же самое делали, я думаю, и они, разглядывая нас. Поэтому появление на поляне нового действующего лица было замечено не сразу.

Невысокий коренастый мужчина, в брезентовой куртке с поднятым капюшоном, с ружьём в руках неожиданно возник в поле зрения. На нас, мальчишек, он как бы не обращал внимания, глядя в сторону животных.

Пройдя ещё несколько метров, человек, или кто там ещё мог скрываться под капюшоном, вскинул ружье, целясь в медвежат.

Потом я неоднократно возвращался мысленно в этот день, препарируя его, раскладывая на мелкие детали и нюансы, хронометрируя ситуацию посекундно.

Сегодня я обладаю знаниями, которые тогда показались бы просто фантастическими, и воспринимаю многое, в том числе произошедшее тогда на горной поляне, через призму этих самых знаний, прожитых лет и жизненного опыта.

Но тогда я, мягкий, хорошо воспитанный медлительный подросток, сам удивился своей реакции и отваге.

Увидев ствол ружья, направленный на малышей, я, схватив увесистый бульжник, рванулся в сторону незнакомца, громко крича срывающимся голосом непривычные для себя фразы. Что-то типа: «Урод,

Девятое мая генерала Василенко

подонок, ты что творишь, мать твою. Зашибу на хрен, тварь!»

От неожиданности охотник опустил ствол ружья и повернулся в мою сторону. Медведи, видимо, придя в себя и сообразив, что от людей ничего хорошего ждать не приходится, ринулись, смешно подпрыгивая, к лесу и исчезли среди деревьев.

Держа ружье в правой руке, левой мужчина медленно откинул капюшон куртки. И я отчётливо увидел его лицо.

Смуглая кожа, кажущаяся совсем тёмной из-за седых волос на голове, постоянно моргающие глаза с чёрными, пустыми зрачками и перекошенный рот с застывшей, вызывающей ужас, гримасой, напоминающей кривую улыбку.

Покачнулась подо мною поляна, кто-то выключил, как электричество, солнечный свет, оставив в полной темноте только луч фонаря, направленного в лицо мужчины с ружьём.

Я ощущал какие-то странные процессы внутри себя, внутри тела и сознания своего. Казалось, что когда-то я уже проходил через подобное состояние. Привычные представления о времени и расстоянии уже потеряли смысл. И хотя я физически не сдвинулся ни на метр, казалось, что лицо мужчины приблизилось ко мне вплотную, и я смотрел на него, как говорится, в упор.

Дело в том, что лицо человека, стоящего напротив, было хорошо знакомо мне. Не просто знакомо, а знакомо досконально. Я знал каждую его морщинку, каждый волос на его голове. Я мог описать его

в любой момент, с закрытыми глазами, в мельчайших деталях.

Я никогда не встречал этого человека в реальной жизни. Я даже не знал – кто он, и до сегодняшнего дня не знал, существует ли он на самом деле. Вот только с пугающей настойчивостью охотник этот регулярно приходил ко мне во сне.

Меня приводили в ужас мёртвые, холодные его глаза, глаза садиста и убийцы, я испытывал панический страх перед кривой улыбкой незнакомца и просыпался всегда в холодном поту и слезах.

(Теперь-то я могу предположить, что моё знакомство с этим человеком произошло не во сне, а в другом измерении, в иной реальности).

Так или иначе, я узнал его, и он понял это!

Он понял и, медленно подняв ружье, направил его на меня.

Палец охотника лежал на спусковом крючке, зверская улыбка на его лице выражала, видимо, торжество. Я же испытывал болезненное чувство обиды, ибо ружья у меня не было, а камень в моей руке был сейчас бесполезен. Так что очки за победу в нашем турнире судьи вынуждены будут засчитать моему противнику.

Мышцы мои машинально напряглись. И что-то неожиданно кольнуло в бок. Да это же рогатка, сообразил я.

Мой визави плавно потянул крючок спуска, слышался отчётливый металлический щелчок, но выстрела не последовало. Удивлённый стрелок нажал на спуск вторично, но курок и второго ствола только лишь щёлкнул.

Девятое мая генерала Василенко

Видимо, выстрелив в медведицу из обоих стволов, убийца ринулся за детёнышами, забыв в угаре перезарядить оружие.

Проблемы в ситуации мой противник не увидел. И что мальчишка мог бы поделаться, видимо, с усмешкой думал он. Метнуть в меня камень? Смешно даже.

Уверенный в том, что всё подконтрольно только ему, и именно он главенствует сейчас на горной поляне, убийца театрально медленно, не глядя на жертву, перезаряжал ружье.

И это было фатальной ошибкой! А именно – что меня не было видно несколько секунд. Ибо, когда он, наконец, взвёл оба курка и поднял глаза, Фортуна, в покровительстве которой он был, очевидно, уверен, если и наблюдалась вблизи, то, увы, не рядом с ним.

Камень, былой несостоявшийся мой защитник, сиротливо лежал на траве, рядом с чудесными американскими «горнолазами» на моих ногах.

Руки же мои крепко сжимали маленькое метательное чудо, созданное мною, – друга, напомнившего о себе в самый нужный момент.

Нет, неправильно, не сжимали. Рогатка была частью моей плоти, естественным продолжением моих конечностей, оружием, призванным остановить ублюдка и поставить жирную точку в утомительной истории кошмарных блужданий в бесчисленных лабиринтах снов.

Всё возвращалось на круги своя!

Охотник перестал моргать и, как воробышек, находящийся под гипнотическим влиянием удава, смотрел только в одну точку, на мою правую руку, на

седло рогатки, где притаилась маленькая, круглая его смерть.

И будто завибрировали в воздухе связавшие нас биотоки, выстраивая между нами непривычный энергетический мост. Снова я приблизился к его лицу, увидел страх, гнездившийся в пустых его глазах, ощутил мерзкий запах гнили, источаемый перекосившимся ртом, «ароматы» пота и мочи, исходившие от его одежды.

Поднять ружье он и не пытался, хотя продолжал держать его в руках. Да вряд ли бы и смог!

Я всё ещё крепко сжимал седло с зарядом, воочию представляя, как в замедленной киносъёмке, вырвавшийся на свободу маленький камешек, наблюдая, как понесётся он, вращаясь, в нужном направлении, руша все законы оптики, зрительно увеличиваясь в размере, превращаясь в мощный гранитный шар, от которого нет спасения.

Как разрывается тёмная кожа лица, покрывается трещинами и лопается лобная кость, как взрывается зеленоватый, вонючий мозг и со звоном, как пустая пивная бутылка, разлетается голова уroda.

Наверное, я впервые ощутил удовлетворение от происходящего со мной. Не именно сегодня, а от происходящего вообще! И на душе стало удивительно спокойно!

Пора! Я собрал мышцы и сознание в один мощный комок энергии, задержал дыхание, ещё раз, как точный прибор, отметил расстояние до лба зверя в человеческом обличье и...

Девятое мая генерала Василенко

* * *

Звонок в дверь, разбудивший меня, был прерывистым и настойчивым. Кого это могло принести ранним утром девятого мая, в Праздничный выходной день? Непонятно. Но не успел я толком подумать об этом, как кто-то, невидимый мне, отчаянно заколотил рукой в дверь снаружи.

Капитолина Леонардовна, моя квартирная хозяйка, отсутствовала, ибо имела обыкновение посещать утренние службы в костёле. Католичка по крещению, ходила она в Храм Святого Людовика, благо находился он совсем рядом, на Малой Лубянке. Муж, известный в прошлом военачальник, идейный марксист, давно ушёл в мир иной, а возможного общественного порицания вдова совершенно не боялась.

Кое-как натянув спортивные штаны, шлёпая босыми ногами по натёртым до блеска дубовым пластинам старинного паркета, понёсся я к входной двери по тёмным коридорам огромной генеральской квартиры.

Нужно было ещё найти ключи. Стук же в дверь и звонки не прекращались ни на секунду.

Не успел я отпереть замок, как массивная дверь распахнулась от сильного толчка, и в прихожую буквально влетел, оттолкнув меня в сторону, незнакомый пожилой мужчина. Не обращая на меня внимания, захлопнул дверь изнутри и дважды провернул ключ в скважине.

Наступила пауза. Я нащупал выключатель, и прихожую залила ярким светом висевшая под потолком внушительных размеров старинная люстра. Теперь

я мог более внимательно рассмотреть нежданного гостя.

В прихожей, прислонившись спиной к входной двери, стоял, тяжело дыша, седой, чисто выбритый, явно пенсионного возраста человек. Среднего роста, подтянутый, полноватый, но не грузный, в парадном генеральском мундире. В левой части мундира, чуть выше нескольких рядов различных орденов, сверкала золотом Звезда Героя. Кстати, наград хватало и в правой части мундира. Я сознательно повторял беззвучно слово – мундир, а не фразу – генеральская форма, ибо ниже мундира на госте... не было ничего! Если не считать длинных, до колен, так называемых семейных трусов и клетчатых разношенных тапок.

– А здесь их нет? – глядя с подозрением мне прямо в глаза, хрипло произнёс мужчина. И, не дожидаясь ответа, спросил: – Вы уверены? А кухню и ванную комнату проверяли? Они могли просочиться в квартиру и притаиться в укромном месте, поджидая меня. А вы сами, кстати, кто? Я вас раньше не видел. – В его голубых глазах читался страх, а кисть правой руки произвольно собралась в кулак.

Ответить я не успел. В замочной скважине слышалось какое-то шуршание. Кто-то пытался отпереть входную дверь снаружи. Но она была заперта изнутри, из замочной скважины торчал ключ. Через несколько мгновений в дверь позвонили.

Мужчина в мундире вздрогнул, почему-то предупредительно поднял руку, очевидно, призывая присутствующих, то есть меня, к полной тишине. Прильнув к дверной панели, осторожно спросил:

Девятое мая генерала Василенко

– Кто там? – Через секунду снаружи отозвался немного удивлённый голос хозяйки квартиры: – Простите, сударь, но было бы логичней, если в сложившейся ситуации этот вопрос задала я!

– Капитолина Леонардовна! – с облегчением, радостно выдохнул незнакомец. Но в следующий же миг, обернувшись ко мне, подозрительно произнёс:

– Вы уверены, что это действительно она? А может, её голос имитируют, или она находится под давлением?

Идея с имитацией не нашла у меня поддержки, и я крайне эмоционально замотал головой, выказывая тем самым уверенность в подлинности пожилой дамы и, соответственно, её голоса.

Впустив хозяйку квартиры внутрь и быстро затворив дверь, мужчина подозрительно оглядел Капитолину Леонардовну, заглянув почему-то в её авоську.

– Вы точно одна? За вами никто не увязался? – Странные для моих ушей вопросы сыпались один за другим.

Правда, я надеялся, что приход моей хозяйки внесёт хоть какую-нибудь ясность в почти детективную историю, сюжет которой явно развивался в стенах квартиры, где снимал комнату провинциал-абитуриент, то есть я.

Так и получилось. Новый персонаж, хозяйка, введённый режиссёром в непонятный мне, но уже начинавший интриговать сюжет, повёл себя совершенно спокойно. Что меня, честно говоря, немного удивило.

– Виктор Данилыч, любезный! И что же стряслось на этот раз? – широко улыбаясь, участливо и уважительно поинтересовалась хозяйка квартиры. – Кто нарушил ваш покой в столь чудесный праздничный день?

Ответной улыбки не последовало. Мужчина в неполной генеральской форме, с тревогой в лице делал руками непонятные мне знаки, указывая глазами в сторону кухни. Странно, но Капитолину Леонардовну эти телодвижения совершенно не смущали.

– Конечно, – уверенно произнесла она. – Что-то, а кухню необходимо обязательно подвергнуть проверке. Прошу следовать за мной, господа офицеры. Ведь я – полковая разведка, не так ли?

Через несколько секунд из кухни послышалось озорное:

– Вводите в бой основные силы! На вверенной мне территории ни вражеских частей, ни мин – нет!

Настороженно озираясь, наш гость, в конце концов, немного успокоился, сел на предложенный хозяйкой табурет и, пока она заваривала чай, начал торопливо, порой сбивчиво говорить.

– Так вот! Праздник сегодня, как известно, великий праздник! Вы же знаете, уважаемая Капитолина Леонардовна, мы, ветераны всегда собираемся и торжественно отмечаем День Победы. И супруг ваш незабвенный, светлой памяти, Илья Саввич, генерал Дмитрук, обязательно принимал участие в торжествах.

Встал я, значит, как обычно, спозаранку, принял душ, побрился и стал надевать форму. Вы пом-

Девятое мая генерала Василенко

ните, именно вы любезно отутюжили её три недели назад. И всё это время она висела в шкафу.

Облачился, значит, я в мундир, вдруг слышу, звонят в дверь. До сих пор непонятно мне, по какой причине бдительность я потерял? Так или иначе, поспешил дверь отпереть, позабыв, что в исподнем нахожусь, прощения прошу, в нижней части фигуры своей. Решил, видимо, что из наших кто-то пришёл.

Отпираю, значит, дверь... а там эти толпятся!!! И много их, гадов, не меньше взвода. Злые, глаза горят, рожки острые. Ножками шерстяными сучат, копытами от нетерпения по мраморным плитам бьют... Как ринулись скопом внутрь квартиры, проволокли меня до кухни и давай хвостами хлестать. То по лицу, то по рукам, то по ногам моим. Ну всё, думаю, эсэсовцы, форму изорвут, синяков понаставят, как потом на встречу с друзьями боевыми идти?! Собрался, значит, я кое-как с силами, отшвырнул ближайших в сторону и ринулся по коридору прочь из дому. И давай в вашу дверь названивать. Хорошо вот, боец молодой быстро дверь отворил, а то, может, и утащили бы с собой, нечисть проклятая.

Кстати, а боец этот ваш, юноша проверенный? Не из них ли, случаем?

– Не из них, конечно, не волнуйтесь. Володя – сын наших давних друзей из Абхазии. Он художник, абитуриент. Поступает в институт. Живёт у меня. Можете спокойно продолжать.

– Из Абхазии? Прекрасная страна! Мне довелось там побывать, но, к сожалению, недолго, но она запомнилась мне на всю жизнь! Сказочная природа!

А какие там живут люди: весёлые, гостеприимные, добрые. Вспоминаю, как сказку! А рассказывать особо больше и нечего.

Это всё – его происки! Вы же понимаете, Капитолина Леонардовна, о ком я веду речь. Это он наслал на меня рогатых, я уверен. И именно в День Победы. Эта скотина тоже облачается по праздникам в офицерский мундир и имеет наглость иногда являться на собрания ветеранов. Меня он, естественно, опасается, вот и решил избавиться таким изощрённым способом. Ему ведь не привыкать.

– Ладно уж, пейте с Володей чай, а я опять пойду в разведку, проверю вашу квартиру. На всякий случай беру ключи, ну, если вдруг вы захлопнули дверь. – Прервала откровения соседа Капитолина Леонардовна и удалилась, оставив нас на кухне вдвоём.

– Генерал к этому времени почти полностью пришёл в себя. Отпив из чашки, внимательно посмотрел на меня и произнёс:

– Читаю недоумение на вашем лице, юноша. Оно и понятно. А, вернее, так – понятно мне, что ничего не понятно вам. Пока, во всяком случае. Эта история, вся эта история, она и впрямь очень сложная и запутанная. Да и началась очень давно. Но я обязательно расскажу её вам, если хотите. Именно вам я могу довериться, я чувствую это.

Я, конечно, очень даже хотел послушать генерала, но вернулась наша уважаемая «полковая разведка». В руках у Капитолины Леонардовны был большой свёрток.

– В квартире порядок и, к счастью, никого не наблюдается. Да и запаха серы нет.

Девятое мая генерала Василенко

Но это тревожный сигнал, я имею в виду визитёров. Я телефонировала с вашего аппарата доктору Брусникину. Он, как всегда, выразил готовность помочь вам. Сейчас он пришлёт автомобиль и медсестру Катю, которая, как я понимаю, крайне вам симпатична. Доктор хочет послушать ваш рассказ лично, у себя в кабинете, тем более, что он сегодня дежурит.

Вот вам спортивное трико, а мундир я аккуратно размещу в вашем шкафу

Генерал ушёл переодеваться. Я же вопросительно смотрел на квартирную хозяйку.

– Потом! – При этом пожилая дама театрально взмахнула руками. Лицо же её изображало то ли сожаление, то ли сострадание, хотя в глазах вспыхивали знакомые мне озорные искорки.

Так я в первый раз увидел генерал-лейтенанта Виктора Даниловича Василенко, соседа Капитолины Леонардовны по лестничной клетке. Встреча, как вы понимаете, была совершенно неординарной, как и личность генерала. Неординарными были и обстоятельства, при которых он появился ранним утром девятого мая 1963 года в квартире Капитолины Дмитрук, в так называемом «генеральском» доме на улице Мархлевского, в центре Москвы. Где ваш покорный слуга, будучи слушателем подготовительных курсов факультета прикладного искусства Московского текстильного института, снимал комнату.

Конечно, встреча эта разожгла моё юношеское любопытство, но, если спросить, усмотрел ли я в ней некий знак Судьбы, почувствовал ли в тот момент,

что она станет причиной совершенно необъяснимых событий моей жизни в ближайшем будущем, ответить внятно я, увы, не смогу.

* * *

Уже увезли с собой генерала, переодетого в синий тренировочный костюм, приехавшая за ним очень хорошенькая, курносовая улыбающаяся медсестра Катя и сопровождавшие её два подозрительно рослых угрюмых санитаров.

Капитолина Леонардовна вернулась из соседской квартиры, куда относила мундир, позвала меня в гостиную, усадила в огромное мягкое кресло, поставив передо мной на журнальный столик с гнутыми ножками вазу с конфетами «Кара-Кум». Она очень любила этот сорт конфет, предпочитая его всем другим.

Сама уселась напротив, на диван, взяла в руку старинный костяной веер, и обмахиваясь им, хотя было совсем не жарко, начала говорить, выждав перед повествованием многозначительную паузу.

Надо сказать, что моя квартирная хозяйка была натурой романтической и просто обожала различные театральные эффекты.

– Заинтригован? Ну что могу сказать для начала, – почти шёпотом, заговорщицки прищулив глаза, произнесла Капитолина Леонардовна, – проясним, говоря по-военному, диспозицию. И определим точку, от которой проложим азимут. Ну, вперёд!

Заинтригован? Виктор Данилович – мой сосед из девятой квартиры. Вы познакомились при странных обстоятельствах, но не спеши с выводами, тем

Девятое мая генерала Василенко

более не вздумай навешивать незнакомому человеку, образно выражаясь, ярлык. Хоть генерал и состоит на учёте у психиатра, назвать его душевнобольным я не могу себя заставить. Считается, что у него запои, но я и это предположение ставлю под сомнение. Конечно, велик соблазн сказать про генерала сегодня: элементарная «белочка», ну, «белая горячка» или, выражаясь по-научному – Delirium Tremens. Нет, Володя, тут дело гораздо сложнее, я думаю, но разобраться сама не могу. Может, ты поймёшь со временем. Так что слушай.

Ты знаешь, как называют огромный серый дом у Большого Каменного моста, на противоположной от Кремля стороне Москвы-реки? Его называют «Домом на набережной». Ну, а многие москвичи называют его Домом расстрелянных. Это потому, что многих известных людей, живших в этом доме, расстреляли в конце тридцатых, в годы Большого сталинского террора.

А наш дом некоторые остряки из местных называют Домом «генералов-сидельцев». Ибо все военачальники, получившие квартиры в этом доме уже после войны, за исключением моего Дмитрука, прошли через тюрьмы и лагеря. И, пожалуй, самым трагическим образом сложилась судьба именно Виктора Даниловича.

Не знаю, к сожалению, всех деталей его биографии, он не любит говорить на эти темы, но кое-что знаю точно.

В чём-то жизненный путь соседа до определённого времени был достаточно типичен. Юношей попал он под очарование большевистских сказок

о скором наступлении в России эпохи всеобщего благоденствия, рая, одним словом. Только вот надо было для этого беляков одолеть и изгнать. Вот и пошёл юноша добровольцем в Красную Армию, изгонять тех самых беляков. Оказался смелым рубакой, шустрым, неглупым и расторопным бойцом. Его, как говорится, заметили и отметили. А после войны отправили на учёбу, сначала в бронетанковое училище, а затем в академию.

Знаю, что служил он потом на Дальнем Востоке у Блюхера, в чине, кажется, комдива, естественно попал под косу, которой выкашивали военных из окружения маршалов-заговорщиков: Тухачевского, Блюхера, Гамарника. Тогда многих арестовывали семьями, и вместе с комдивом забрали его жену и дочь.

Через год Василенко, как и многих других красных командиров, из-за нехватки кадров в Красной Армии, освободили из лагеря, восстановили в звании, а позже и в партии, и отправили воевать с японцами на Халкин-Гол, а затем – с немцами. Воевал он достойно, дослужился в конечном итоге до генерала, получил Звезду Героя Советского Союза, после войны занял очень высокую должность в Генштабе Советской Армии, вселился в большую квартиру в нашем, «генеральском» доме

И всё бы хорошо, если бы не страшная беда. Его жена и дочь так и не вернулись из заключения.

И куда только ни обращался генерал, в какие только высокие двери ни стучал, нигде не получал внятного ответа. И только совсем недавно, в конце пятидесятых, уже при Хрущёве, ему официально сообщили, что заключённые такие-то, то есть жена его

Девятое мая генерала Василенко

и дочь, умерли от переохлаждения в таком-то лагере, такого-то числа, такого-то года. То есть в один день.

Известие подкосило генерала. Если раньше он держался, лелея, видимо, хоть призрачную надежду на то, что его семья уцелела и когда-нибудь жена и дочь вернутся, то теперь надежда растаяла.

Он очень изменился. Внешне он сохранил интерес к жизни: был общительным и энергичным, активно работал в Совете Ветеранов. Но каждую весну, в начале мая генерал уходил, как считалось, в запой.

Исчезал из виду, запершись в квартире, и появлялся через несколько дней совершенно другим человеком. Трезвый внешне, но явно не в себе, с горящими глазами начинал рассказывать он соседям о какой-то особой своей миссии на земле. О том, что призван был он в самые высшие, небесные инстанции, где открыта была ему якобы великая тайна, и там же возложена на него обязанность исполнить долг перед человечеством, святой долг. И долг этот заключался в том, что должен был отставной генерал привести в исполнение смертный приговор, вынесенный Высшим судом преступнику, садисту и убийце, на чьих руках была, в том числе кровь жены и дочери Василенко.

Излагая всё это, кстати говоря, достаточно связно, очень сетовал, сможет ли, успеет ли он выполнить этот самый долг. Не помешают ли ему враги? А вдруг и не доживёт он до этого великого дня?

Очень испугал нас, соседей, первый его «запой» и идея эта навязчивая, странная очень. Тем более что стало известно от его друзей-ветеранов о наличии

в доме генерала наградного пистолета марки ТОЗ, с патронами.

Посоветовались мы, соседи, и скрепя сердце позвонили в Медицинское управление. За генералом прислали машину с этой же самой, что и сегодня, медсестрой Катей. Ну и, соответственно, с санитарями. Кстати, это произошло, как и сегодня, девятого мая, в Праздник.

Генерала нам вернули примерно через месяц совершенно нормальным, улыбающимся и розовощёким. Былой ритм жизни «генеральского» дома был восстановлен, всё вошло в колею. По просьбе друзей из Совета ветеранов, совершенно не сопротивляясь, Виктор Данилович сдал свой ТОЗ в наградной отдел министерства. И скоро все позабыли о досадном происшествии.

Пока история не повторилась, один в один. Ровно через год.

Когда и ещё через год произошло то же самое, мы перестали верить в случайные совпадения. Есть, на мой взгляд, во всём этом что-то необъяснимое, игра какая-то, придуманная и срежиссированная в другом месте, боюсь даже произносить – где!

И явно прослеживается закономерность, ибо пик этих регулярных событий приходится именно на девятое мая.

Тут есть, о чём подумать, но разве можно говорить открыто и всерьёз на эти темы с официальными лицами в стране, где все изображают из себя атеистов. Кстати, многие из них, атеистов тех самых, тайком крестят детей и празднуют Пасху.

Девятое мая генерала Василенко

Вот и рассказала я тебе всё, что знала сама. – Капитолина Леонардовна облегчённо вздохнула, положила на тумбочку веер и с важным видом гордо направилась в сторону кухни.

* * *

Радостно и гордо шелестели яркой, свежей ещё листвой деревья, умудрившиеся выжить в каменных хитросплетениях узких улочек в самом центре столицы.

У подъезда генеральского дома, в крохотном скверике стоял Виктор Данилович Василенко в тщательно отутюженной гражданской одежде, чисто выбритый, розовощёкий и улыбающийся.

Улыбался генерал голубям, которых кормил хлебом, тщательно перетирая в руках куски белого батона. Хлеб был, я думаю, сознательно взят слегка чёрствым, он прекрасно крошился, так что процесс кормления птиц был, помимо нравственной, благотворительной его цели, ещё и технологически оптимизированным.

Увидев меня, дружески помахал рукой, а затем опять же жестами дал понять, чтобы я не уходил, подождал, пока не завершит он важную свою миссию. Ну и чтобы вёл себя тихо и не распугал случайно пернатую рать генерала.

– Пойдём, Владимир, ко мне, – предложил Виктор Данилович, пожимая мне руку, когда птичий банкет завершился. – Угощу чем-нибудь вкусеньким.

В квартире генерала Василенко мне ещё не приходилось бывать. Как выяснилось потом, она оказалась огромной по площади, примерно, как и у Капи-

толины Леонардовны, но с совершенно иной планировкой.

Понятно, ведь этот, относительно небольшой, в пять этажей дом с выразительным фасадом, декорированным полуколоннами и скульптурами в псевдогреческом стиле, вряд ли был до революции «доходным». Скорее всего, четыре семьи занимали здесь по этажу. А на первом этаже, как правило, в таких домах находились комнаты для прислуги и хозяйственных нужд. ...После революции все помещения переделали в коммунальные квартиры. А после войны дом отошёл в ведение министерства обороны, жильцов переселили, а квартиры подвергли очередной перепланировке. Теперь на всех пяти этажах располагались двадцать больших комфортабельных во всех смыслах квартир, по четыре на каждом этаже. Туда и вселили семьи шестнадцати армейских генералов, трёх комиссаров НКВД и одного работника ЦК ВКП(б).

Мы прошли по длинному сумрачному, неосвещённому коридору от прихожей до кухни. Паркетные полы коридора были покрыты, видимо, мастикой и хорошо натерты, так как блестели даже при том тусклом свете, который просачивался сквозь матовые стёкла кухонной двери.

Просторная кухня поражала стерильной своей чистотой. Идеально вымытые тарелки в решётчатой подставке, сверкающий холодный никель кастрюль на полках, тёплая, тускло поблескивающая медь сковородок разного диаметра, аккуратно висящих на крючках вдоль стены. Накрахмаленные тканевые шторы на огромном окне.

Девятое мая генерала Василенко

Удивительно, как удавалось одинокому, немолдому мужчине обеспечивать такой идеальный порядок.

– Владимир, извини, что я на «ты». Так быстрее устанавливаются доверительные отношения, а для нас с тобой это очень важно сейчас. Кстати, ты знаком с Андреем Ильичом со второго этажа, моим другом? Нет? Ладно, исправим ситуацию, познакомлю вас при случае.

Так вот, сын его, Илья, служит военным атташе в Норвегии, постоянно пересылает родителям разные иностранные продукты, ну а Андрей Ильич угощает ими меня. Так что будем пить бразильский кофе с английским шоколадом, а на бутерброды намазывать датское масло. А потом я покажу тебе квартиру.

Я с детства не любил и практически не ел сливочного масла, но отказывать Виктору Даниловичу было неловко, тем более что бутерброды он приготовил сам. Масло было упаковано в крохотные яркие пакетики треугольной формы из металлической фольги. Оно оказалось белым, как сметана, и очень вкусным.

И английский шоколад мне понравился. Он по вкусу очень отличался от привычного советского, хотя, надо признать, что и отечественный шоколад был достаточно хорош.

После трапезы мы направились, по предложению хозяина, в его кабинет. На этот раз Виктор Данилович включил в коридоре свет.

Справа, за стеной располагались, очевидно, две комнаты, ибо в коридор выходили именно две двери.

Массивные глухие филёнчатые двери из морёного дуба, плотно прикрытые.

– Это комната Алёны, моей дочери, – указывая на первую по ходу дверь, пояснил генерал.

– А это наша спальня, моя и жены. Хотя я предпочитаю спать в кабинете. – Достаточно обыденно, ровным голосом продолжил Виктор Данилович.

От меня не скрылось, что у дверей спальни генерал на секунду задержался, проведя легко, с нежностью, но почти незаметно ладонью по дверной филёнке, но тут же продолжил движение.

Слева от нас в коридор выходила одна, но широкая двустворчатая дверь, также отделанная дубовыми панелями. За ней оказалась огромная, сумрачная комната, не комната даже, а скорее зал. Сумрачная потому, что огромные высокие окна выходили во двор и к тому же были наполовину занавешены плотными тёмными гардинами.

Зал был обставлен массивной, канцелярского вида мебелью, возможно казённой, и выполнял, очевидно, функции гостиной.

Единственная деталь, радовавшая взгляд в неприветливом помещении, так это старинный камин в углу, сложенный из ярких фаянсовых изразцов, с массивной полкой белого каррарского мрамора и изящной бронзовой решёткой. Осколок былой жизни мещанской Москвы.

Из гостиной сквозь открытую дверь мы попали в ещё одну комнату, которая и оказалась кабинетом. Такая же массивная, как и в гостиной, мебель – книжные шкафы, диван, два кресла и очень большой письменный стол.

Девятое мая генерала Василенко

Кабинет был неуютен, скорее он напоминал помещение служебное. Даже старинная бронзовая настольная лампа с мудрёным абажуром из разноцветного витражного стекла не создавала желаемого настроения.

И всюду ощущалось, почти на подсознательном уровне нечто необъяснимое, неуловимое, но явно витающее в воздухе. И, мне кажется, я понимал – что!

Здесь, в неуютном, сумрачном объёме комнат не было и следов той энергетики, при которой наличие женского «духа», женской ауры в доме ощущается сразу, с момента, когда кто-либо, не важно мужчина или женщина, отпирают вам входную дверь.

Даже в таких мелочах, как различные фарфоровые или бронзовые статуэтки, подсвечники, сувениры, привозимые откуда-нибудь из Сочи, Ялты или Кисловодска, фотографии близких людей в уютных рамочках, салфеточек и ковриков.

В общем, всего того, что так любят женщины. Ведь только женщины умеют виртуозно распределять эти милые их сердцу предметы по квартире, в различных трюмо и горках, книжных полках и на тумбочках. Или развешивать их на стенах в том порядке, который согласуется только с женским взглядом на уют, или, если так можно выразиться, с организацией жизненного пространства.

В огромной и внешне ухоженной квартире генерала Василенко не было ни картинок на стенах, ни вазочек, ни ковриков, ни фигурок на книжных стеллажах или кухонных полках.

Единственное, что можно было с натяжкой считать украшением интерьера, так это несколько

моделей советских танков времен Великой Отечественной Войны, выставленных в витрине одного из книжных шкафов. Да и, пожалуй, одна большая фотография, висевшая в простенке. На ней была изображена группа улыбающихся советских офицеров. На заднем плане фото догорал полуразрушенный берлинский Рейхстаг.

Небольшая часть кабинета была отгорожена китайской ширмой чёрного шёлка.

Золотые драконы, вышитые на шёлке, смотрелись здесь совершенно чужеродными и никак не вписывались в окружающую среду. Они вызывали невольное удивление, которое, я думаю, отразилось на моём лице.

Однако генерал воспринял выражение моего лица как проявление любопытства.

– Посмотри, что там. Не стесняйся. У меня нет тайн, тем более от тебя.

«Почему именно от меня?» – вопрос возник где-то внутри. И там же остался. Я не стал озвучивать его.

За ширмой оказалась небольшая мастерская.

Массивный неполированный стол, верстак с тисками, различные инструменты, аккуратно разложенные на чистой тряпочке. Или висящие на специально приспособленной доске, прикреплённой к стене. Шурупы, гвозди, винты разных размеров в картонных коробочках.

Идеальный порядок во всём. И идеальная чистота.

Однако при этом здесь, в мастерской работали, и, видимо, постоянно. Этот факт был бесспорным. И это чувствовалось сразу – и на подсознательном

Девятое мая генерала Василенко

уровне, и по мелким, почти неуловимым визуальным приметам.

Пожалуй, только здесь и была зона реального присутствия человека, единственное место в квартире, где ощущалась энергетика хозяина.

В дальнем углу, на небольшом напольном шкафчике лежало несколько резиновых грелок разных размеров.

Виктор Данилович перехватил мой взгляд.

– Эти грелки отечественного производства, советские. Совершенно дрянного качества. Резина никуда не годится. Вот во время войны мы получали от американцев, по ленд-лизу, кроме оружия и продуктов, ещё и медицинское оборудование. Там, в комплектах были грелки. Я их хорошо помню; фиолетового цвета, большие. А из какой великолепной резины были они выполнены! Как раз то, что мне нужно. Но, как ни бьюсь, достать нигде не могу. Война-то, к счастью, давно закончилась.

Попросил даже Илью, атташе нашего. Он мне привёз, конечно, грелку из своей этой Норвегии. Не подошла. Такая же, в принципе, как и наша – маленькая и жёсткая.

Немного странно звучали размышления генерала о грелках вообще, особенно восторженная его ода грелке американской. Но, в конце концов, генерал был давно не юношей, подумалось мне, мало ли какие проблемы со здоровьем могли беспокоить одинокого пенсионера.

Тем более что, в принципе, грелка была предметом достаточно полезным. И я это хорошо помнил.

Сухумская наша квартира, к примеру, отапливалась дровяной печью, что являлось большим неудобством, тепла на все комнаты не хватало, и именно грелка была той самой палочкой-выручалочкой, выручавшей всё семейство зимой.

Правда, я никогда не обращал внимания ни на цвет грелки, ни на её размеры. А тем более на качество резины.

Качество резины? На секунду подумалось, а какие ассоциации могла вызывать эта фраза – качество резины.

Ну конечно, совсем, совсем давно мы, мальчишки, мастерили себе рогатки для охоты на мелких птиц или мышей. Так вот, при изготовлении самодельного нашего оружия качество резины имело огромное значение. Кстати, для рогаток мы использовали резиновые ленты, которые приносил соседский мальчик Гриша, отец которого был авиационным техником и работал на аэродроме. Эту резину, помнится, так и называли – «авиационная».

Но эти мои детские воспоминания не могли иметь никакого отношения ни к самому генералу Василенко, ни к коллекции грелок, лежащих навалом на шкафчике в его мастерской.

* * *

Мы сидели друг напротив друга в неудобных жёстких креслах в гостиной, рядом с холодным камином. Генерал смотрел мне прямо в глаза. Взгляд его был непривычным, совсем не таким, как несколько минут назад.

Девятое мая генерала Василенко

Если тогда это был не очень внимательный, слегка блуждающий по сторонам, восторженный и одновременно бесстрастный взгляд пожилого человека, то теперь от всего этого не оставалось и следа.

Генерал буквально буравил меня глазами, целенаправленно и внимательно, как бы заглядывая внутрь.

Правда, и это меня успокаивало, в неожиданно возникшем и проходящим через наши глаза потоке энергии не было ничего враждебного для меня. Наоборот, биоэнергетический мост, перекинутый между генералом и мной, предполагал, я думаю, некое единение помыслов, действий, общность эмоций, крайне важных для нас обоих.

Виктор Данилович, я уверен, это знал точно.

И когда он заговорил, никаких волнений или сомнений у меня не было, ибо полноценная двусторонняя энергетическая связь уже работала.

– Я буду, по возможности, краток, Володя. Не знаю, понимаешь ли ты, что наша встреча, наше знакомство не были случайностью! Всё было предопределено там, наверху! И именно так!

Многие факты моей биографии, я знаю, уже озвучила наша дражайшая Капитолина Леонардовна. Но всей правды не знает никто. Сегодня её узнаешь ты!

Итак, Гражданская война закончилась. Я продолжал служить в Красной Армии, в составе танкового автоброневоего отряда командиром танка. Танки у нас были старые, трофейные английские МК-5 «Рикардо». Я был на хорошем счету у командования, так что, когда объявили набор в бронетан-

ковую школу, мою фамилию включили в список под номером один.

В 1922 году на сборах в Балашове я познакомился с Женечкой, моей будущей женой. Она гостила у тёти.

Володя, это вправду была любовь с первого взгляда, сумасшедшая, неземная какая-то любовь! И пронесли мы её через всю нашу жизнь, такую же чистую и страстную!

В следующем году я стал еще богаче!!! У нас появилась Алёнка, Солнышко, Звёздочка наша! Мне казалось, что наша с Женечкой Любовь стала ещё более возвышенной, приобрела новое звучание и новое, неизмеримо высокое качество! Если, конечно, слово качество подходит к нашему разговору.

Девочки разделили со мной все трудности кочевой жизни красного командира. И все радости, естественно!

После бронетанковой школы я закончил Академию имени Фрунзе и получил направление на Дальний Восток. Командовал танковой частью в составе Особой Краснознамённой Дальневосточной Армии.

В 1938-м, сразу после ареста маршала Блюхера, командующего Армией, забрали в числе многих командиров и меня. После изнуряющих и жестоких допросов, я оказался в одном из лагерей Дальлага, на Нижнем Амуре. Лагеря эти, как выяснилось потом, росли, как грибы, особенно за Уралом, в Сибири и на Дальнем Востоке.

Поскольку арестован я был на совещании в штабе армии, мне ничего не было известно о судьбе моих девочек, Евгении и Алёны.

Девятое мая генерала Василенко

Не буду долго рассказывать о жизни в лагере. Правда, если то, что происходило в то время в лагерях, вообще можно назвать жизнью.

Наспех построенные из подручных материалов холодные, переполненные бараки, колючая проволока по периметру зоны, вышки с пулемётами и прожекторами. И каторжный труд с раннего утра до позднего вечера, в тайге, на лесоповале.

Утром мы получали по куску чёрного хлеба и по кружке кипятка. Вечером – по миске жидкой баланды и по два куска хлеба. Если, конечно, хлеб не отнимали уголовники.

А уголовники, надо сказать, всю лютовали. Причём с согласия, а порой с одобрения лагерного начальства. Ведь и для тех и других мы одинаково являлись врагами народа.

Да и охрана старалась не отставать от блатных в жестокости по отношению к нам.

Особенно зловредным и изощрённым в издевательствах над заключёнными среди надзирателей был некто по фамилии Рыжик. За глаза же все называли его Моргуном. Прозвище – «Моргун» – приклеилось к нему потому, что он действительно постоянно моргал. С его лицом творилось нечто напоминающее специфический нервный тик, который поразил, возможно, в результате перенесённой когда-то болезни оба глаза. И не исключено, что та же самая болезнь оставила на его лице ещё одну печать.

Младший командир внутренних войск НКВД Рыжик всегда улыбался.

– Ну вот, Владимир, а теперь я ввёл в игру главную для нас с тобой фигуру. – Виктор Данилович потёр обеими руками виски, будто подзаряжая энергию нашего биомоста, и продолжил повествование.

– Когда где-то там, в другом мире, думаю, тебе ясно – в каком, конструировали это чудовище, то работу, видимо поручили «специалисту» со специфическим чувством юмора. Если они там вообще наделены какими-либо чувствами. Кроме одного – сеять зло и смерть.

Суди сам. Дали фамилию – Рыжик – смуглому черноволосому мужчине, похожему на молдаванина или цыгана. Носителю простой, в общем-то, фамилии придумали имя – Апполинарий, а отчество – Мокеевич.

Любой современный человек сегодня не обратит на это внимания. Но тогда, в первые годы Советской власти, во времена кадровых, пока ещё кадровых чисток, член любой захудалой сельской комиссии, неграмотный представитель так называемого комитета сельской бедноты, мог запросто указать на «поповское» имя либо на «купеческое» отчество товарища Рыжика. И не видать бы тому вождельной службы в частях особого назначения ГПУ.

Понятно, нашему с тобой «другу» подобные несуразные проблемки не грозили. И по жизни он шёл, думаю, в полном соответствии с заложенной в него программой.

Володя, тебя может удивить, почему я акцентирую внимание на этом самом Рыжике, ведь пока его роль в моей судьбе непонятна и на этом этапе

достаточно нейтральна. Ну, мало ли подобных злобствующих вертухаев служило в те годы в системе ГУЛАГа? И в нашем лагере их было предостаточно.

Тем более что у меня с вышеупомянутым Рыжиком личных контактов почти не было.

Для него я был, наверное, всего лишь крохотной частичкой той серой, вонючей, шевелящейся под ногами массы то ли животных, то ли насекомых, которых ему пришлось по долгу службы «опекать». А в моём представлении вся эта кровавая вакханалия, разыгравшаяся в стране, являлась результатом вражеских происков, обострения классовой борьбы в масштабах планеты. Такие же «личности», как Рыжик, были естественной грязной пеной, всегда выносимой наверх в периоды столь драматических моментов истории.

По лагерю гуляли различные слухи, один фантастичней и страшнее другого, в основе которых, к сожалению, лежала правда.

Поговаривали, в частности, о «тайных субботах». Якобы по субботам часть надзирателей проводила своего рода карточные турниры, на которые приглашали и лагерных «авторитетов». И ставками в этих играх часто являлись жизни заключённых.

Кто и по какому принципу выбирал имя обречённого и ставил его на кон, мне было неизвестно, но на территории лагеря порой обнаруживали окоченевшие полураздетые тела. «Списание» такого трупа не представляло никаких трудностей для лагерного начальства. Вариантов было много: попытка к бегству, несоблюдение правил безопасности, собственная неосторожность и так далее.

Да и кому в голову могла прийти мысль расследовать или просто проверить хотя бы один подобный случай.

Согласно данным того же лагерного телеграфа, самым азартным игроком был не кто иной, как Апполинарий Мокеевич Рыжик.

Над страной тем временем сгущались тучи. На финской границе было беспокойно, да собственно, беспокойно было везде. Пахло порохом в Европе, на Тихом океане и на советском Дальнем Востоке.

Весной 1939 года стало набирать обороты противостояние с японцами в Монголии. Локальные стычки явно перерастали в серьёзный военный конфликт.

Красная Армия испытывала ужасающий дефицит грамотных командиров всех уровней.

Под давлением обстоятельств Сталин вынужден был дать приказ новому наркому внутренних дел Берии срочно пересмотреть дела арестованных военных.

Так что летом неожиданно для себя я в числе других командиров был освобождён из лагеря, восстановлен в звании и направлен в распоряжение недавно созданного Дальневосточного фронтового управления.

Добравшись до Хабаровска, я с замиранием сердца отправился в гарнизонный посёлок, домой.

Помню, долго стоял у дверей квартиры, не решаясь позвонить. На лестничной площадке пахло домашней едой, из-за двери доносились звуки весёлой музыки, видимо, было включено радио. Наконец, я собрался с силами и поднёс дрожащий палец к звонку.

Девятое мая генерала Василенко

Щёлкнула щеколда замка, дверь распахнулась, я прищурил и тут же широко раскрыл глаза... На пороге стояла молодая, дородная, нарядно одетая женщина. Не знакомая мне.

В глазах вдруг потемнело, я стал терять сознание. Пришёл в себя уже в квартире, в кресле, от резкого запаха нашатырного спирта. Слянку со спиртом подносила к моему лицу всё та же незнакомая женщина.

Дальше всё происходило, как во сне. Женщина, хозяйка квартиры, служит медсестрой в гарнизонном госпитале. Муж – военный, отвечает в штабе за связь. Ордер на вселение получили примерно полгода назад. Кто жил раньше в этой квартире – не знает.

В те времена задавать лишние вопросы было не принято. Тем более что немало таких безлюдных, опечатанных квартир оказалось на определённом этапе в военном городке.

Остались ли в квартире хоть какие-нибудь вещи от прошлых жильцов? Нет, они с мужем въехали в совершенно пустую, отремонтированную квартиру.

Время шло, а я всё никак не мог прийти в себя. Было ясно: расспрашивать кого-либо ещё по соседству было делом бесполезным. Самый же важный вывод – верить, несмотря на страшную реальность, в то, что девочки мои живы. И ни в коем случае не опускать руки!

Эта уверенность придала мне силы, я поблагодарил хозяйку квартиры и ушёл. Затем на попутной машине добрался до Управления.

Начальником Управления недавно был назначен Григорий Михайлович Штерн, опытный, образованный командир, Герой Советского Союза.

Мы были знакомы. Встречались в Москве, на различных совещаниях, на штабных полевых учениях и даже мельком виделись в Испании, где оба были в командировках.

Штерн был человеком очень жёстким, порой даже грубым, требовательным и к себе, и к подчинённым, не терпевшим панибратства. В отношениях с подчинёнными соблюдал дистанцию. Но при этом вставал горой за каждого, от солдата до командира, в любом вопросе, если был уверен в своей правоте. В подобных ситуациях для него не существовали такие понятия, как субординация или авторитет того или иного чиновника, включая самого Сталина.

Так что первое, что я сделал, Володя, после официального представления меня руководству Управления и получения официального назначения командиром танкового соединения, – это обратился к Штерну с личной просьбой.

Суть просьбы была внешне достаточно проста: получить сведения о судьбе моих девочек, жены и дочери.

Григорий Михайлович сразу же, при мне позвонил по ВЧ наркомун Берии. На том конце провода Штерна внимательно выслушали и обещали разобраться.

Официальный ответ пришёл в Управление телеграфом крайне оперативно, на третий день, на моё имя.

В документе, подписанном заместителем наркомун ВД, сообщалось, что данные по аресту Василенко

Девятое мая генерала Василенко

Евгении Валерьевны и Василенко Елены Викторовны в архивах наркомата и Генеральной прокуратуры СССР отсутствуют. Не числятся вышеуказанные гражданки также ни в списках ИТК Управления лагерей, ни в тюремных списках ГТУ НКВД.

Телеграмма эта стала для меня шоком! Она обрушила мои надежды, разом обрезав все возможные нити, все пути дальнейших поисков. По сути, мне уже некуда было обращаться с официальными запросами.

Несмотря на столь мощный и трагический удар судьбы, мне удалось сохранить веру в Высшую справедливость, в то, что Женечка и Алёна всё же уцелели в безумной крупорушке лихого времени.

Надо было собраться с мыслями и действовать. Или надеяться на чудо!

Володя, я надеюсь, ты не устал. Очень важно, чтобы ты дослушал меня до конца. И очень внимательно. Хотя зачем я это говорю? Я ещё не встречал такого внимательного слушателя, как ты! Даже с учётом, как бы это сказать, неизбежности и обязательности сегодняшней встречи и нашего разговора.

Если хочешь, прервёмся, я принесу чай или кофе?

Я отрицательно помотал головой. Не потому, что мне не хотелось, к примеру, кофе, а чтобы не нарушить тот удивительный обмен биотоков, возникший между нами на фоне ровно звучащего негромкого голоса Виктора Даниловича.

Генерал откашлялся и продолжил свой рассказ.

– Время шло, чудеса не происходило, я стал ловить себя на мысли, что теряю ту самую свою веру, но активно гнал предательские мысли прочь.

На всякий случай писал письма в местные органы внутренних дел и прокуратуры. Посылал запросы непосредственно в женские лагеря региона. Ответы на письма военного такого высокого ранга, как я, обычно приходили. Но, увы, все они были написаны как под копирку: данных нет, в списках не значатся, информация отсутствует.

Началась Великая Отечественная Война. Поздней осенью 1941 года моё танковое соединение было переброшено под Москву.

История Войны, Володя, хорошо известна, фронтовая же судьба Виктора Василенко интересует нас только на конкретных её этапах, поэтому многие события моей жизни я просто опускаю.

В начале лета 1943 года бронетанковый корпус, которым я тогда командовал, в условиях полной секретности передислоцировали в район населённого пункта Валуйки. Недалеко от железнодорожной станции был оборудован временный, хорошо замаскированный лагерь.

Судя по всему, концентрация войск в районе Курска была невиданной по своим масштабам. Тем не менее войска всё прибывали и прибывали. Конечно, я в числе ограниченного количества высших офицеров знал, что готовится мощнейшее наступление в районе так называемой Курской дуги. Ориентировочная дата – первая декада июля.

При этом было доподлинно известно, что и немцы вели интенсивные приготовления к решающему, как они считали, сражению. Причём целью германского командования был полный разгром Красной

Девятое мая генерала Василенко

Армии, после которого СССР больше не смог бы восстановить свою военную мощь.

Однажды утром мне позвонили по ВЧ из Особого отдела Армии.

– Товарищ Двенадцатый, к Вам направлен офицер отдела Панарин. Доложит по прибытию. – Хриплый, слегка заикающийся голос начальника Особого отдела Дворникова был хорошо знаком мне. Мы встречались раньше. Когда-то и он служил на Дальнем Востоке.

Тогда я не мог и предположить, что этот звонок положит, по сути, начало череде событий, изменивших всю мою дальнейшую жизнь. А офицеру Особого отдела по фамилии Панарин суждено будет стать посланником Судьбы.

Часа через два мне доложили о прибытии порученца.

* * *

В комнату вошёл офицер в общевойсковой полевой форме, в погонах майора. Лет сорока, худощавый, светловолосый, с усталым лицом человека, не спавшего несколько суток.

Тёмная, словно дублёная кожа лица, стянутая на висках, казалось, впитала в себя, как и форменная одежда офицера, всю пыль просёлочных военных дорог.

Единственное, что неожиданно выделялось на лице майора, так это глаза. Неестественно голубые, подвижные, очень живые глаза. Мне почему-то показалось, что майор как-то странно посмотрел на меня, прежде чем отдал честь и отrapортировал о прибытии.

Забегая вперёд, Володя, всё недолгое время первого нашего общения меня не оставляло это чувство. Только я никак не мог разобраться, что же необычное читалось в глазах особиста. Возможно, дело было в профессиональной настороженности и подозрительности? Да нет, скорее взгляд майора был уважительным и одновременно изучающим. А ещё, как ни странно, я на секунду увидел в его глазах сочувствие и даже сострадание. Но к кому? Наверное, мне просто показалось.

Майор передал мне запечатанный пакет. Документ за подписью генерала Дворникова, находящийся внутри, подтверждал полномочия майора Панарина в качестве особого представителя при штабе бронетанкового корпуса, моего корпуса и предписывал оказывать майору максимальное содействие во всех вопросах.

Подробности же были озвучены майором в устной форме.

Заключались они в том, что в помощь армейским частям придавались так называемые штрафные батальоны, сформированные из заключённых и арестантов. Командирами, как правило, назначались офицеры внутренних войск НКВД, направленные на фронт, в действующую армию с подчинением Особым отделам.

По приказу сверху один такой батальон временно вводился в состав корпуса. Командовать им было поручено как раз майору Панарину.

Эшелон со штрафниками прибывал через четыре дня на станцию Валуйки. В мои обязанности входило обеспечение батальона транспортом и раз-

Девятое мая генерала Василенко

мещение его в зоне дислокации корпуса с учётом всех проблем: жильё, довольствие, включение в оперативные планы и так далее.

Закончив обсуждение вопросов, Панарин заторопился в штаб армии. Отказался от предложенного чая, чётко, по-военному попросил разрешения отбыть.

Уже находясь в дверях вдруг неожиданно произнёс, с теплом в голосе, но без малейшего намёка на фамильярность, совсем не уставную фразу: – «рад, что мы, наконец, познакомились, Виктор Данилович».

Меня эта фраза, честно говоря, удивила, но я не придал сказанному особого значения. Да и были дела поважнее, чем анализ чьих-либо слов или интонации.

Через день после визита особиста, я, как обычно, с утра инспектировал подразделения корпуса. В штабе дежурный офицер доложил, что звонили дважды из «хозяйства» Григоряна. Товарищ Двадцать первый настоятельно просил товарища Двенадцатого прибыть лично. И срочно!

Полковник медицинской службы Армен Григорян, товарищ Двадцать первый, возглавлял один из полевых армейских госпиталей. Высокий, полноватый брюнет, эмоциональный и шумный, добряк, хирург-виртуоз, неутомимый «работяга», лично спасший многие жизни, пользовался всеобщим уважением и любовью.

Госпиталь располагался совсем недалеко, в сельской школе, километрах в двадцати от штаба корпуса. Понимая, что у Григоряна могла быть веская причина для встречи со мной именно в госпитале, я отправился к нему.

Григоряна в кабинете не оказалось. За его столом заполняла какие-то формуляры седая усталая женщина в ветхом, но тщательно выстиранном белом халате. Увидев меня, отложила бумаги, поправила волосы и встала.

– Товарищ генерал, Армен Сергеевич оперирует, я провожу Вас, с Вашего позволения.

– В операционную? – Машинально спросил я.

– Нет, конечно. – Удивлённо произнесла женщина. – В палату. Пожалуйста, идите со мной.

В комнате, куда привела нас сотрудница госпиталя, стояла всего одна железная кровать. Плотные шторы на окнах были задёрнуты, в палате царил полумрак. Я не сразу узнал забинтованного от шеи до пояса человека, лежащего в кровати. Это был майор Панарин.

Голова особиста покоилась на высокой подушке. Кожа лица, и так тёмная, приобрела нездоровый землистый оттенок. Он тяжело, прерывисто дышал. Глаза были закрыты.

– У офицера очень тяжёлое ранение. Попал под бомбежку. Он прооперирован, мы не можем отправить его в таком состоянии в тыл, возможности же нашего заведения очень скромны. Но он очень настаивал на встрече с Вами. Григорян, скрепя сердце, уступил. Я Вас оставляю, если что, крикните, – прошептала мне на ухо женщина и указала глазами на стоящий рядом с кроватью стул.

Раненый открыл глаза. Какое-то время мутный взгляд его бессистемно блуждал по комнате, потом остановился на мне. Глаза приобрели привычный ярко-голубой цвет и былую живость.

Девятое мая генерала Василенко

– Виктор Данилович, у нас очень мало времени. Буду говорить самое важное. Корю себя за трусость. Ведь я собирался рассказать Вам всё при первой встрече, но у меня, сам не пойму почему, не хватило мужества. Ведь то, что я должен сообщить, принесёт Вам боль и страдания.

В конце тридцатых я служил во внутренних войсках, в охране одного из женских лагерей Дальлага.

Поздней осенью 1938 года, вечером, аккуратно в мою смену, в лагерь прибыло пополнение.

Арестованных выстроили в ряд у стены, в административном корпусе. Пока шла рутинная сверка документов, я обратил внимание на двух молодых женщин, стоящих рядом в конце шеренги. Они были очень похожи. Я даже решил, что это родные сёстры. Одна из них была совсем юной, другая постарше. Печать трагедии на их измученных, заплаканных, измазанных паровозною копотью лицах, не могла скрыть удивительной, светлой какой-то красоты обеих.

Переключка завершилась, у стены остались только они. Остальных заключённых по очереди уже увели.

Старший по смене, заглянув в папку, выкликнул:

– Васильева Евгения. Которая из вас?

Ни одна из женщин не ответила.

– Вы что же это, сучки, молчите? – Беззлобно, но повысив голос, спросил надзиратель. – Вы только вдвоём и остались: Евгения и Елена Васильевы. Сёстры, поди? Отвечать, я сказал!

Та, что постарше, подняла глаза и тихим голосом, но внятно произнесла:

– Нет, не сёстры, Елена моя дочь. Только фамилия наша не Васильевы, а Василенко. Я жена комдива Василенко, мы здесь по ошибке.

– А мне плевать, чья ты жена. – Взвился надзиратель. – Здесь и маршальских жён хватает. А ошибка, конечно, есть. Это вы все и есть ошибка человечества, ЧСИР, короче, члены семей изменников родины, и, стало быть, сами враги трудового народа. А комдивов я никаких не знаю, и будете вы впредь: Васильева Евгения и Васильева Елена, согласно сопроводилкам. Понятно? Увести!

– Знаете, Виктор Данилович, запали мне в душу лица Ваших женщин. Не подумайте ничего плохого, просто было в их глазах что-то необычное, не могу даже объяснить внятно, что именно разглядел я в них, – что-то чистое, возвышенное. Не позволяющее мне забыть их, обязывающее думать о них постоянно.

Начальником лагеря тогда был некто Семенихин, старый большевик, из рабочих, бывший чекист. Идеальный и порядочный, в общем, человек. Он безоговорочно верил, что Партия поступает правильно, бескомпромиссно и жёстко расправляясь с классовыми врагами, но где-то внутри, на подсознательном уровне что-то, я думаю, подсказывало ему, что под топор попадает и слишком большое количество невинных людей.

Будучи не в силах изменить ситуацию не только в целом, а хотя бы в рамках лагеря, он, как часто бывает, нашёл утешение в спиртном.

Пил он каждый день, начиная с двенадцати часов. После двух он просто-напросто исчезал с тер-

ритории лагеря, перепоручая, по сути, решение всех вопросов старшему по смене.

Я пошёл к начальнику лагеря утром, сразу после обязательной ежедневной оперативки, на которую меня как младшего командира приглашали, только если я был дежурным по лагерю.

Семенихин пока ещё был трезв. Ко мне он относился на редкость хорошо, поэтому не стоило больших трудов уговорить начальника взять под персональную защиту заключённых Васильевых. Семенихин, не откладывая в долгий ящик, вызвал дежурного надзирателя и приказал оформить Евгению и Елену в пищеблок.

Режим содержания заключённых в женском лагере отличался от мужского, но не очень сильно. Конечно, женщины не работали на лесоповале, но и им, горемыкам, хватало мучений. Часть из них была занята на строительных работах, часть на станции, на погрузке-разгрузке малогабаритных грузов, часть работала на швейном производстве, выпускающем ватники и ушанки, опять же для нужд ГУЛАГа.

Конечно, работа в пищеблоке лагеря, на кухне, могла показаться раем. Новость об этом приказе начальника быстро разнеслась по лагерному «телеграфу». И это было хорошо, ибо теперь вся охрана, все надзиратели понимали, что сестёр Васильевых, как их называли за глаза, обижать не стоит.

Иногда, как правило, после ужина в служебной столовой, когда ритм жизни лагеря немного затихал, я заглядывал на кухню, справиться о моих подопечных, пообщаться и поддержать их морально.

Женщины как будто оттаивали, чувствуя моё внимание. Мы часто и подолгу говорили на самые разные темы. Помню, с каким теплом и нежностью они рассказывали о Вас, Виктор Данилович. Порой у меня появлялось чувство, что и я с Вами хорошо знаком лично. Меня волновала Ваша судьба, хотелось бы узнать, уцелели ли Вы, и где находитесь?

Но пытаться узнать это официально было равнозначно самоубийству. Единственное, что оставалось, так это верить, несмотря ни на что, что Судьба окажется благосклонной к вашей семье, и вы счастливо соединитесь, в конце концов.

Но судьба, видимо, не собиралась быть благосклонной.

В начале марта застрелился начальник лагеря. Семенихина обнаружили в служебном кабинете, с простреленной головой, с табельным наганом в левой руке. Он на самом деле был левшой.

Выстрела никто не слышал, ибо в момент самоубийства все были на территории. А произошло это между десятью утра, когда закончилась оперативка, и половиной двенадцатого, когда к Семенихину зашёл дежурный по смене. То есть можно смело утверждать, что начальник лагеря был трезв. Что же заставило его приставить к виску револьвер и спустить курок, так и осталось загадкой.

Через три дня нам, сотрудникам, представили нового начальника. Как оказалось, его срочно перевели, с повышением, из соседнего мужского лагеря. Звали нового начальника – Апполинарий Мокеевич Рыжик.

Девятое мая генерала Василенко

И как только в одном человеке соединилось такое количество самых отвратительных качеств. Настолько отвратительных, что они кололи глаза даже на фоне страшной реальности того времени, учитывая, что и в охране лагеря собрались далеко не самые лучшие люди страны.

Злоба, жажда власти, полное презрение к подчинённым, интриганство, изощрённая жестокость. И это только начало списка, цветочки, так сказать. А ягодки, если продолжать в духе поговорки, оказались ещё более страшными.

Новый начальник сразу взялся за дело. В короткий срок этот смуглый, колченогий, с маленькими, злыми, вечно моргающими глазками и кривой усмешкой, словно приклеенной к лицу, человечек навёл в лагере порядок! Конечно, такой порядок, каким его представлял себе он сам.

Небольшую часть надзирателей он приблизил, создав как бы свою личную свиту, остальных согнул, как говорится, в бараний рог. И всех без исключения заставлял следить друг за другом и докладывать ему лично обо всём, что происходило в лагере. Совсем, как в учебнике истории: разделяй и властвуй. Так вот Рыжик и властвовал.

Примерно через полтора месяца, при вечерней переключке недосчитались двух заключённых. Охрану подняли по тревоге, прочесали все помещения и территорию лагеря, но узниц не обнаружили. С утра начальник вызвал подкрепление из мужского лагеря. Подключили местную милицию и стали искать за пределами лагеря.

Окоченевшие тела двух молодых женщин нашли через день в лесу, недалеко от железнодорожной станции. И это было странно, ибо одна из них работала в швейном цеху, а вторая была из недавно созданной строительно-ремонтной бригады. А значит, на станции они именно в тот день никак не могли оказаться. А бежать непосредственно из лагеря, да ещё, по сути, зимой было нереально.

И была ещё одна странность, о которой я случайно узнал от местного милицейского опера: погибшие женщины были очень легко одеты. Предположить, что кто-то украл верхнюю одежду, сняв её с трупов, было бы полным бредом. Решиться на побег в мороз, без тёплой одежды, без хотя бы скромного запаса провизии?! Как-то не верилось.

Тем не менее женщин признали беглянками. Рыжик, которого за глаза называли Чернышом или Моргуном, огласил приказ по лагерю. В соответствии с ним получили выговор дежурный по лагерю и начальник конвоя, отвечавший за железнодорожную станцию. Старшую по бараку отправили на десять суток в лагерный карцер, БУР, всем без исключения заключённым увеличили нормы выработки, то есть продлили и так немислимо длинный рабочий день.

По лагерю тем временем среди охраны поползли странные какие-то слухи. Поговаривали, что в кабинете начальника несколько дней назад, поздним вечером имела место пьянка с особо приближёнными. И ничего в ней не было бы необычного или странного, если бы не два момента. Первое – по приказу Рыжика в этот день из мужского лагеря,

где начальник служил до перевода к нам, доставили двух воров в законе, которые принимали участие в застолье. Второе – из кабинета, где «гуляли», явно были слышны женские крики.

Было ли это правдой, или информация о банальной пьянке обросла экзотическими деталями в процессе передачи, «под большим секретом», от надзирателя к надзирателю? Не знаю. Но два женских обмороженных трупа были правдой, ужасной правдой.

Через две недели после взбудораживших всех событий, меня вызвал начальник лагеря. Мне было объявлено, что согласно полученному приказу, несколько младших командиров из охраны, в том числе я, откомандировываются в распоряжение Особого отдела Фронтowego Управления. Нам следовало отбыть по назначению такого-то числа, то есть ровно через одиннадцать дней.

С одной стороны, меня это неожиданное известие обрадовало, ведь я получал шанс вырваться из лагерного ада. С другой стороны, я очень опасался, Виктор Данилович, за Евгению и Елену, особенно после трагических событий последних недель.

Максимум, что я мог сделать для них, так это пройти незаметно, не привлекая внимания, в пищеблок и предупредить их об опасности. Ведь после моего отъезда они оставались совсем одни, и рассчитывать на чью-либо защиту не приходилось.

До моего отбытия оставалось ровно двое суток. На следующий день по графику наступала моя очередь дежурить по лагерю. Последнее дежурство перед отъездом. Начальник был вызван в Управе-

ние Дальлага на несколько дней, так что сухое прощание и короткое напутствие откомандированным сотрудникам уже было позади.

Вечером свободные от смены надзиратели собрались в «красной» комнате. Проставлялись отбывающие из лагеря, в том числе и я. Утром, в шесть ноль-ноль мне следовало заступать на дежурство, поэтому я выпил за компанию немного спирта, настоящего на травах, большую бутылку которого принёс один из надзирателей, и около двенадцати часов распрощался со всеми.

Утром я принял смену, проследил за переключкой заключённых, подписал наряды на работы бригад за территорией лагеря, убедился, что на вверенной мне территории полный порядок.

Примерно в восемь ко мне в дежурную часть неожиданно пришёл один из надзирателей, некто Назаров, один из тех, кто входил в так называемую свиту начальника лагеря.

Назаров активно участвовал во вчерашнем застолье, сегодня же он был выходной. Что же заставило его встать рано с похмелья и заявиться ко мне?

Как оказалось, похмелье и заставило.

– Послушай, Панарин, погибаю! Страшный сушняк. Выручай, знаю, у тебя есть заначка. – Виноватым голосом, просительно заглядывая мне в глаза, буквально выдохнул мой ранний гость.

Заначка у меня действительно была. Я предусмотрительно припас несколько бутылок водки, чтобы угостить ребят, дежуривших вчера, и, следовательно, не имевших возможности присутствовать на проводах.

Назаров, держа дрожавшими руками стакан с водкой, наполненный до краёв, задержав дыхание, максимально бережно поднёс его ко рту и в три глотка опустошил. И только потом шумно выдохнул.

Я указал ему на стул. Усевшись, мой гость некоторое время смотрел отрешённым взглядом куда-то в одну точку, выше моей головы. Потом щёки его покрылись румянцем, взгляд стал живым, даже почти осмысленным. Назаров с благодарностью посмотрел на меня, затем многозначительно перевёл глаза на пустой стакан.

Мне всё было ясно. Наполняя стакан вновь, я спросил жестом – до какого уровня. Надзиратель нетерпеливо махнул рукой, доверху, мол, чего уж там.

Выпив и второй стакан, Назаров довольно улыбнулся, положил руки на стол, удобно устроил на них голову, закрыл глаза и захрапел.

Тащить пьяного надзирателя по территории было делом муторным. Тяжело физически и чревато неприятностями. Не для меня, конечно, а для него. Он-то оставался служить здесь, в лагере.

Начальник находился в командировке, за старшего на время дежурства был вроде бы я, так что бояться было некого. Я решил не трогать спящего, а сам занялся текущими бумажными делами.

Так продолжалось минут двадцать.

Назаров резко поднял голову и внимательно посмотрел на меня.

– Панарин, а как тебя зовут? – Неожиданно спросил он. – А то херня какая-то получается, молодые нормальные мужики, могли бы дружить, а имён друг друга, по сути, не знаем. Виталий, говоришь?

Ну вот, Виталик, слушай меня, и слушай внимательно. Я знаю, что обо мне думают. Мол, пресмыкается Назаров перед этим уродом колченогим Моргуном. И скажу тебе, да, пресмыкаюсь. Но с одной только целью, получить, как и ты, перевод куда-нибудь в армию, подальше от лагерей этих проклятых. Обещает ведь урод, что мол, когда-нибудь напишет на меня объективку на перевод.

И заметь, Виталик, при всём при этом никого я не предавал и ни на кого не стучал. Как у меня получается, не могу объяснить, но, поверь мне, это – факт.

А то, что я расскажу тебе сейчас, стоит дырки между глаз, а, вернее, в затылке. Но и держать в себе не могу. Ты-то отрезанный ломоть, завтра усви-тишь куда-нибудь в Хабаровск или в Читу, а скажешь где-либо то, что услышал от меня, сочтут сумасшедшим, а то и сам дырку в башке схлопочешь.

Помнишь двух беглянок недавних. Так вот, никакие они не беглянки, чтоб ты знал.

В тот страшный день прибыли к Моргуну его дружки с мужской зоны: два вертухая из старшего комсостава и два «авторитета», воры в законе, один по кличке «Нарком», второй – «Саша Туркестанский».

Встретил их Моргун хлебом-солью. Побухали они вволю, а поздно вечером сели в карты играть. То в «Терц», то в «Третями» или в «Буру». Причём Рыжик наш уважаемый сразу и говорит, мол, братва, денег у служивого нет, ставлю мол, на кон – «мясо», то бишь молодых зэчек. Ну и продулся, в конце концов.

Привели девиц этих несчастных. Ещё раньше, видимо, приказал Моргун вертухайше Егоровой, она

Девятое мая генерала Василенко

тоже теперь его приближённая, женщин помыть и в чистое переодеть. Отдали их гостям начальника на утеху.

Навеселились, думаю, те вволю. А как навеселились, ещё бухнули и снова сели за карты.

А теперь блатные нашему колченогому говорят, что, мол, Хозяин, больше на кону «мясо» не канаает, неинтересно, мол. Надо бы, Хозяин, чего-нибудь покруче поставить. И Хозяин, тварь эта, исчадие реальное, ставит на кон жизнь этих «коров», как он выразился. Жизнь! Виталик, ты понял, что я говорю? Или мне продолжать? Что опять Моргун проиграл и что дальше произошло? Хотя, что потом произошло конкретно, вернее, как произошло, я уже не знаю.

А сейчас я скажу тебе самое важное. И это я слышал своими ушами. Рыжик говорил по телефону с мужским лагерем, я думаю, с одним из тех самых надзирателей. Сказал, что отбывает в командировку, а как вернётся, снова соберёт у себя компанию друзей. Сказал, что и «мясо» достойное уже надыбал у себя на пищеблоке, сестрёнок двух.

Виталик, не могу себе места найти, не сплю, поверь, ночами вою от бессилия. Но что я могу изменить?!

– Виктор Данилович, поверьте, у меня потемнело в глазах от услышанного. Безусловно, под сёстрами подразумевались Евгения и Алёна.

Уже давно ушёл протрезвевший от своего рассказа Назаров, а я всё метался по комнате, как детский заводной грузовичок, больно ударяясь то о стол, то о шкафы, но не реагируя на боль.

Внутри черепа стучала, как язык колокола по его стенкам, только одна мысль – что делать? И я никак не мог решить этот простой, в принципе, но неразрешимый в моём положении, ребус. Что делать???

Чуть ли не выл, как Назаров, от бессилия.

Немного придя в себя, пошёл в кабинет начальника, благо у дежурного, в соответствии с правилами, хранились все ключи, от всех комнат, шкафов и даже от сейфов. Хотя сейфами назывались обычные металлические шкафы, закрытые на всяческие замки.

По закону, на каждого заключённого заводилось личное дело, ещё с момента ареста, с копиями основных документов, включающими полные анкетные данные, ордер на арест, решение суда, трибунала или Особого совещания, перемещения арестанта, к примеру, из предварительного заключения в крытую тюрьму или в лагерь.

Но кто в то время следовал обязательному порядку? К сожалению, в картотеке мне не удалось обнаружить личных дел Евгении и Елены. Единственное, что я обнаружил, так это сопроводительные списки прибытия заключённых в лагерь и запись в дежурном журнале. Хоть эти данные немногочисленные, я на всякий случай всё переписал и листок этот сохранил.

Меня душила ненависть к людоеду Рыжику! Но я не видел никаких возможностей и инструментов покарать оборотня сегодня, но когда-нибудь, надеялся я, должна же была восторжествовать справедливость. Я открыл сейф, где хранились документы по кадрам, нашёл папку А.М. Рыжика, вынул из неё

Девятое мая генерала Василенко

все документы, вложив обратно в картотеку пустую обложку.

В Хабаровске я крайне осторожно пытался наводить справки о Вас и Вашей семье. С трудом удалось узнать только, что комдив Василенко арестован ещё в 1938 году и что судьба его неизвестна.

На Дальнем Востоке я задержался ненадолго, вскоре меня направили на учёбу в Свердловск, в закрытую спецшколу. А по окончании зачислили на курсы разведчиков-диверсантов, под Ленинградом. Назревали финские события.

Всё это время я был под жёстким контролем, по сути отгороженным от реальной жизни. До сих пор не понимаю, как мне удалось сохранить бумаги из лагерных сейфов.

Панарин неожиданно захрипел и закатил глаза. Срочно нужно было звать врача. Но неожиданно это оказалось для меня невозможным. Я смотрел на теряющего сознание раненого офицера и... не мог пошевелить и пальцем.

Позже стало понятно, что я испытал сильнейший эмоциональный шок, слушая исповедь особиста, – шок, который ввёл меня в состояние протрации, при которой тело не воспринимало, видимо, сигналы мозга. А возможно, сам мозг в этот момент был не в состоянии подавать команды телу. Но что удивительно, всё, что говорил Панарин, я не только отчётливо слышал, но и фактически запомнил, слово в слово, со всеми деталями и даже с интонацией рассказчика.

Панарин открыл глаза на несколько секунд раньше, чем в себя пришёл я.

– Виктор Данилович! – С трудом прошептал он. – Время вышло. В моём планшете серый пакет, там все бумаги. Извините, что не смог найти Вас раньше. Проклятая война. Но теперь могу умереть с чистой совестью. А Рыжик тоже где-то в действующей армии, на фронте. Это точно. Только не знаю где. – Голос Панарина становился всё слабее. Последнюю фразу я еле услышал.

– Дай Бог, чтобы девочки были живы! – Особист откинул голову на подушку и снова захрипел.

На мои крики прибежал врач. Склонившись над раненым, рукой указал мне на дверь. Я взял планшетку, лежащую на тумбочке, и вышел из палаты.

Панарин умер через два часа. Об этом мне сообщил по телефону начальник госпиталя полковник Григорян.

* * *

И вот, Володя, держу я в руках тот самый серый пакет, а, вернее, толстый конверт из планшета майора Панарина, и поверь мне, никак не могу решиться вскрыть его. Хотя я знаю, что именно хранится в нём. Понятно, что сейчас мною руководит не страх. Скорее, это необходимость принять принципиальное решение, наметить пути дальнейших действий. А уже потом вскрывать конверт.

Решение пришло, в конце концов. Можно было, конечно, написать письма в Дальлаг, в Гулаг, в НКВД, наконец. Рассказать о том, что теперь достоверно известно, и потребовать немедленного освобождения жены и дочери. Можно было даже просить вмешательства Генерального прокурора.

Но надеяться на почтовую связь, сейчас, в военное время, да ещё и в преддверии столь масштабных событий, здесь, на Курской дуге?

Нужна была альтернатива, хотя я не отвергал идею писем, как говорится, на корню. А альтернатива у меня теоретически была только одна. И я знал, что мне делать.

Я вскрыл, наконец-то, конверт.

Из нескольких листков, сложенных пополам, выпала небольшая, служебного формата, чёрно-белая фотография. С неё на меня пристально и как-то непривычно смотрел мой старый знакомый, Апполинарий Мокеевич Рыжик. Непривычно, ибо здесь, на фото, он, естественно, не моргал. Но снимок не мог избавить его лица от кривой, как бы приклеенной, улыбки. Да и глаза его, напряжённо прищуренные, с чёрными точками зрачков, исторгали такую дьявольскую энергетику, что мне стало страшно. На меня будто повеяло могильным холодом. Один только вид этого зверя в человеческом облике способен был убить во мне веру, что девочки живы. Однако сдаваться и опускать руки не входило в мои намерения.

Заранее созвонившись, я поехал в Особый отдел армии, к генералу Дворникову. Кратко, но исчерпывающе изложил ему свою ситуацию со всеми известными мне деталями, показал бумаги, полученные от Панарина, и попросил спасти жену и дочь, если они, конечно, были ещё живы.

Дворников по высокочастотной линии связи позвонил в Москву кому-то из руководства и настоятельно попросил, уже от своего имени, срочно

связаться, через Дальлаг, непосредственно с лагерем, чтобы, пока будет оформляться документация, Евгении и Елене была обеспечена защита и нормальные бытовые условия.

И ещё, неожиданно для меня, генерал попросил прислать ему исчерпывающие данные на Апполинария Рыжика.

На следующий день, четвёртого июля, я получил из штаба запечатанный пакет, который надлежало вскрыть в присутствии штабного офицера-порученца, доставившего его.

Приказ, находившийся в пакете, предписывал срочное приведение частей вверенного мне корпуса в полную боевую готовность и скрытную передислокацию на позиции, обозначенные в документе.

Ранним же утром пятого июля началось сражение, вошедшее в историю, как «битва на Курской дуге». Боевых действий такого масштаба история ещё не знала. Никогда ранее, да и потом тоже, не противостояли друг другу такое количество войск, особенно танковых частей. Ожесточённые бои продолжались, не затихая ни на один день, почти до конца августа.

Тем удивительнее было, что через несколько дней после нашей встречи с Дворниковым, генерал сам прибыл на мой командный пункт. Конечно, у него были свои дела на всех участках фронта, но я уверен, что приехал он из-за меня.

Привёз же мне генерал Дворников страшное известие. Из Москвы ему сообщили, что по данным Дальлага, заключённые Евгения Васильева, такого-то года рождения, и Елена Васильева, такого-

Девятое мая генерала Василенко

то года рождения, умерли девятого мая 1939 года, о чём в ла-герном архиве хранились соответствующие акты.

Дворников, я думаю, понимал, что своим сообщением мог выбить меня из колеи, лишить воли и сил в крайне драматичный и решающий момент войны, но генерал был профессиональным военным и, видимо, считал, что ответственность, долг перед отечеством должны отодвигать на второй план даже личные трагедии. Он считал себя обязанным сообщить мне правду, какой бы тяжёлой она ни была для меня.

Нельзя было не отнестись к поступку генерала с уважением и благодарностью.

А ещё Дворников передал мне лист бумаги, на котором было от руки написано, что А.М.Рыжик в начале 1940 года переведён из Дальлага в распоряжение центрального аппарата НКВД, в Москву, где прошёл стажировку. В июле 1941 года направлен в распоряжение Особого отдела формирующегося Резервного Фронта, откуда совсем недавно, в июне 1943 года в чине подполковника отбыл на Северо-западный фронт. О его местонахождении на сегодняшний день данных нет.

К сожалению, опасения, мучившие покойного майора Панарина ещё в лагере, сейчас оказались трагической реальностью уже для меня. И ошибаются, Володя, мои соседи и друзья, думая, что известия о судьбе моих девочек я получил совсем недавно. Это не так.

После Двадцатого съезда КПСС, когда вовсю работали комиссии по реабилитации, когда при

необходимости, как в моём случае, проводили тщательные расследования, я действительно получил официальный документ. Из него следовало, что Евгения и Елена ВАСИЛЕНКО действительно умерли девятого мая 1939 года в учреждении номер такой-то Управления Дальлаг от обморожения и захоронены в соответствии с существовавшими правилами. Точные данные о захоронении отсутствовали.

А боль, гнездившаяся в моей душе, наряду со страхом и надеждой со дня моего ареста, стала в июле сорок третьего года постоянной и полноправной частью моей плоти и сознания. В тот день, день встречи с генералом Дворниковым на передовой. Ибо именно в этот день умерла надежда и ушёл страх.

Шла война, Родине был нужен мой боевой опыт и мои знания. Я полностью подчинил себя обязанностям командира корпуса, будто растворившись в самой важной идее – победить ненавистного врага!

И с болью я постепенно свыкся.

Я убедил себя, что девочки мои живы, в безопасности, просто находятся далеко отсюда, далеко от ужаса и безумств войны. Надо только запастись терпением, война закончится нашей победой, а в этом никто из нас, Володя, не сомневался, и вот тогда состоится долгожданная наша встреча.

Я почти поверил в реальность придуманной мною сказки... если бы не Рыжик, мысли о котором не покидали меня. Вот кончится война, думал я, посвящу себя полностью поискам убийцы, разоблачу его и добьюсь самого сурового наказания.

В конце дня ожесточённость боёв стихала, что было делом естественным. Так или иначе, но ночь

вступала в свои права. Для меня же эти недолгие часы относительного затишья становились тяжёлым испытанием.

Изношенный, выжатый за день, как лимон, организм нуждался в отдыхе, во сне. Но стоило только прикрыть глаза, как передо мной тут же возникала отвратительная физиономия Апполинария Рыжика.

Упырь с маленькими, постоянно моргающими глазками, с пустыми чёрными зрачками и покрасневшей кожей век, с кривой, злой улыбкой, будто материализовывался из ниоткуда и выглядел пугающе реалистичным. Рука моя инстинктивно тянулась к кобуре пистолета.

С трудом мне удавалось изгонять его из своего сознания, но, как правило, ненадолго. Через некоторое время он возвращался, снова поселяясь внутри меня, а скорее всего, вообще никуда не уходил, пережидая где-то в лабиринтах моей подкорки.

Чтобы не сойти с ума, я стал искать убежище, где можно было бы на время спрятаться от изнуряющих меня мыслей и видений. Или искать способ побега от них.

Спирт оказался этим способом, самым простым и доступным. Ибо на фронте, тем более во время активных боевых действий, проблемы с ним не было никакой.

Спирт, привозимый в войска для так называемых «наркомовских ста граммов» был питьевым, то есть слабее медицинского. Его, как правило, не разбавляли водой. Я тоже приноровился пить чистый спирт.

Как правило, прежде чем улечься на раскладную медицинскую кровать, выделенную мне полковником Григоряном, стоящую за ширмой здесь же, на моём командном пункте, я выпивал два стаканчика спирта. Это было моей нормой.

Алкоголь не вызывал чувства опьянения, но давал мне передышку, на время отключая сознание, освобождая меня от тяжёлых размышлений и поселившихся в подкорке бесцеремонных призраков, в первую очередь – от Апполинария Рыжика.

Мне хватало этого времени, чтобы провалиться в чёрный, бездонный колодец сна. Сна без сновидений.

Вот и в тот вечер я выпил свою дозу «наркомовского» спирта, два стаканчика, один за другим, с небольшим перерывом. И лёг на крайне неудобное приспособление, называемое раскладной кроватью. Не исключено, что мифическое прокрустово ложе было более комфортным, чем моя раскладушка. Но комфорт для меня не имел значения.

Значение имел лишь тот самый ночной «побег». Опустив веки, я лежал в его ожидании.

Но что-то пошло не так. Совсем не так, Володя, как обычно.

Замигав, погасла маленькая, слабая лампочка, освещавшая комнату в бывшем правлении колхоза, где находился мой командный пункт и где я, по сути дела жил. Электричество подавалось по временно-му «воздушному» проводу и постоянные проблемы с ним были не в новинку.

Но через несколько мгновений лампочка загорелась вдруг необычно ярким, удивительным голубым свечением. Настолько ярким, что оно ос-

лепило меня, как только я открыл глаза. Пришлось прикрывать лицо ладонью.

Я попытался встать, но из этой затеи ничего не вышло. Моё тело будто привязали к раскладушке невидимыми и очень крепкими нитями.

Глаза понемногу привыкали к голубому свету, я стал различать предметы вокруг себя.

И с удивлением обнаружил, что ничего теперь не напоминает былую убогую обстановку моего при-станища.

Куда девались обшарпанные, грубо оштукатуренные стены? Где оконные проёмы с выбитыми стёклами, дверь в комнату, наконец? Исчезло всё: рабочий стол, колченогие табуреты, телефоны обычной связи и ВЧ, металлический шкаф, где хранились оперативные карты и штатные мои – автомат ППШ, каска и противогаз. Исчезла ширма, отделяющая закуток с моей раскладушкой. Раскладная кровать была, очевидно, единственным сохранившимся предметом.

Стояла она в центре незнакомого помещения, без окон и дверей, с идеальной геометрией стен и потолка, поверхность которых матово отсвечивала в голубом свете. Тишина в помещении была полной, неестественной даже. Казалось, что материал стен, полов и потолка гасил любые, даже слабые звуки. Я откашлялся, но не услышал себя.

И воздух был необычным. Холодным и чистым, будто насыщенный кислородом, причём холод ощущался только при дыхании, как факт, как повод для констатации этого факта, но при этом тело моё его не чувствовало, никакого дискомфорта холодный воздух не вызывал.

Я пытался понять, что же происходит со мною, выстраивал различные версии, от возможного коварного действия алкоголя до внезапного провала в непривычные для последнего времени сновидения.

Ничего другого я предположить не мог, ибо, будучи атеистом, исключал для себя даже теоретическую возможность чьего-либо вмешательства извне.

Размышляя таким образом, я вдруг почувствовал, именно почувствовал непонятным мне и незнакомым ранее образом, где-то внутри моего сознания, на уровне подкорки, что в помещении, в странной этой капсуле, я уже не один.

Нет, Володя, людей я не видел, я не видел даже очертаний их фигур, и вообще, кто знает, а были ли они людьми в привычном для нас земном понимании. Но я их чувствовал, и это было бесспорным фактом.

Их было семеро. Они стояли вдоль стены, напротив меня. И тот, кто стоял в центре, заговорил. Опять не совсем верно. Он не заговорил в прямом смысле слова, то есть ни один звук так и не нарушил тишины стерильного воздуха моего нового убежища.

Но я готов под присягой подтвердить, что слышал ровный, негромкий мужской голос, чётко и внятно произносивший слова, собранные в отлично выверенные логичные, ясные, я бы даже сказал, элегантные фразы.

Прошло уже много лет, Володя, но я и сегодня помню слово в слово то, что услышал той удивительной ночью.

Смысл же услышанного сводился к тому, что любое зло должно быть безусловно наказано, причём с учётом двух векторных точек: точки пространства

и точки времени. То есть, и я это понял, возмездие должно было настичь преступника здесь, на планете Земля, в течение определённого срока, соотносимого с длительностью моей и его жизнью.

Имени Апполинария Рыжика никто не озвучивал, но было ясно – речь идёт именно о нём.

Ещё мне было сообщено, что Суд по делу состоялся, мне же оказывалось великое доверие – я получал статус Проводника, а это было очень почётно и ответственно, и именно я был обязан привести в исполнение смертный приговор, который был вынесен ему. Так гласил Закон. «Зло, совершённое на Земле, и караться должно только на Земле, руками Проводника-землянина».

И надо запастись терпением. Встреча с преступником состоится не сейчас, а спустя годы. Но обязательно состоится. Надо быть готовым к ней. И не забывать, что у Рыжика есть могучие покровители на другой, тёмной стороне миропорядка. Этот фактор ни в коем случае нельзя сбрасывать со счетов.

Поэтому в помощь мне будет выбран молодой человек, для подстраховки в любой ситуации и возможной, в особых случаях, подпитки моего энергетического ресурса.

Уверен, что это именно ты! Но я понял всё, забегая вперед, не в момент нашей первой встречи, а чуть позже. Я получил знак – в клинике, в моём сознании кто-то прокрутил киноплёнку с событиями того дня, когда Рыжик, а, вернее, его покровители, наслали на меня рогато-копытную рать, и я, в шоке, позвонил в вашу дверь. Просмотр расставил всё на свои места.

Но самым важным явилось известие, что мне предстоит встреча с моими девочками, потом, в другом измерении, когда и я сброшу свою земную биологическую оболочку. Только это обязательно должно произойти в строго назначенный срок. И здесь мне тоже понадобится запас терпения.

Проснулся я, а скорее, пришёл я в себя, Володя, на рассвете, когда совсем недалеко, километрах в трёх от командного пункта корпуса, стала «работать» наша тяжёлая артиллерия...

Война давно закончилась, я же, как мне было предписано, терпеливо ждал. После той июльской ночи сорок третьего года, независимо от того, произошло ли всё в реальности или всё-таки это был сон, полностью изменилось моё мировоззрение. Я избавился от идеологических оков и пересмотрел все свои взгляды на жизнь.

Будучи теперь уверенным, что жизнь не ограничена привычными тремя измерениями, я, получив ордер на новую квартиру, первым делом оборудовал комнаты для нас с Женечкой и для Алёны. И я действительно чувствую их присутствие, я явственно улавливаю их энергетические поля, когда они посещают нашу квартиру. Я разговариваю с ними, и это реальное общение. Только я произношу слова, а они отвечают мне или через систему различных знаков, от луча солнца на определённом месте стены, до звякнувшей неожиданно чашки. И, конечно, наше общение регулярно происходит во снах.

И знаешь, Володя, я стал почти счастливым человеком. Я стал спокойно спать, вёл активную жизнь, делал ежедневную зарядку, следил за своим

Девятое мая генерала Василенко

внешним видом, активно посещал все мероприятия Совета Ветеранов, в котором состоял. И ждал. Терпеливо ждал.

Спокойное и размеренное течение времени для меня резко оборвалось три года назад.

Девятого мая, в День Победы мы, ветераны войны, собрались в сквере у Большого театра. Всё, как всегда: радостные возгласы, объятия, музыка. И старые боевые друзья, которых, увы, становилось от праздника к празднику всё меньше и меньше.

Не знаю почему, моё внимание вдруг привлёк седой ветеран в форме полковника, стоявший в нескольких метрах, спиной ко мне. Было ли что-то знакомое в сутулой фигуре незнакомца, или интерес, возникший у меня неожиданно, имел в своей основе нечто совсем другое, нежели обычное любопытство.

Что-то происходило со мной. Сердце отчаянно заколотилось в груди, тело внезапно покрылось холодным потом, хотя всё происходило тёплым солнечным днем.

Я не мог оторвать взгляд от спины и затылка полковника. И он почувствовал мой взгляд.

Медленно-медленно, как бывает в кино, незнакомец стал поворачиваться в мою сторону. Всё моё внимание было сфокусировано на его голове, я перестал слышать звуки, кто-то будто погасил солнечный свет, как люстру, и направил луч света в одну точку, на полковника. Мне кажется, что в этот момент я перестал дышать.

Пытка ожиданием продолжалась, казалось, целую вечность.

Я опустил на мгновение веки, когда же я широко открыл глаза, то увидел, в полной тишине и темноте, как на экране кинозала, знакомое до боли, ненавидимое мною отвратительное смуглое лицо с моргающими глазками, из которых, как оружейные стволы, глядели чёрные пустые зрачки, с кривой, как бы наклеенной впопыхах на лицо, улыбкой.

Передо мной стоял живой, как говорится, во плоти, АППОЛИНАРИЙ МОКЕЕВИЧ РЫЖИК!

Почти не изменившийся с конца тридцатых годов, только поседевший и облачённый в полковничью форму.

Испытал ли я шок? Не знаю, Володя, не уверен. Я ведь знал, что наша встреча обязательно состоится. Но волнение, конечно, испытал сильное!

Тот, кто отвечал за внешнюю среду, так сказать, за декорации, как бы погасил на секунду софит, направленный на Рыжика. Когда же восстановился статус-кво, вернулся солнечный свет, вновь зазвучали привычные и радостные звуки праздника, оказалось, что Рыжика в сквере уже нет.

Факт его исчезновения меня не особо расстроил. Стало ясно – процесс обратного отсчёта запущен. Начинался этап конкретного противостояния, конкретной борьбы двух сил, Добра и Зла. Встреча же моя с Рыжиком являлась лишь началом пути, который мне предстояло пройти, а вернее, пройти его предстояло уже нам с тобой.

Сколько времени было отпущено на всё про всё, я не знал. Но, как говорится, – только идущий осилит путь! И я готовился к долгой и сложной дороге к торжеству Добра, к торжеству Справедливости.

Девятое мая генерала Василенко

Должен сказать, выражаясь военным языком, война моя с Рыжиком была в основном позиционной, активность приходилась же на начало мая каждого года. Она принимала самые разные, порой экзотические для непосвящённых формы. Одному «боестолкновению», образно говоря, стал свидетелем ты. Согласись, Володя, тогда и ты подумал, что у генерала немного «не того» с головой. Но сейчас ты уже знаешь, что всё было всерьёз и тогда, и вообще. Так что нам с тобой предстоит противостоять очень сильному врагу. И не просто противостоять, но обязательно победить в этой схватке.

Чтобы как-то отвести внимание посторонних от того, что происходило со мной, я и выдумал, а вернее, выбрал для окружающих самую простую версию – мои якобы запои. Ведь в официальной медицине алкоголизм считается разделом психиатрии, и я понимал, что этот мнимый диагноз снимет массу вопросов и даже сможет оказать мне услугу в будущем.

Кстати, в тот день, когда мы познакомились, я был удручен, ибо тот бой с рогатыми, точнее, с Рыжиком, я явно проиграл, а обещанная помощь так и не подоспела. А то, что мой помощник, моя опора – ты, я понял чуть позже.

Так, что теперь, когда нас двое и одновременно мы как бы одно целое, я совершенно спокоен и в нашей победе не сомневаюсь!

Ну вот, Володенька, кажется, я поведал тебе всё.

Не знаю, сколько времени прошло с момента, когда генерал начал рассказывать мне историю своей

жизни, ибо течение времени в привычном нашем понимании, видимо, потеряло смысл.

По мере того, как ровный тихий голос Виктора Даниловича уводил меня из мира реальных ощущений в незнакомое ранее состояние своеобразного анабиоза, притупились почти все чувства, обычно свойственные человеческому организму и сознанию. Я не ощущал своего тела, не зная, к примеру, удобно ли я сижу, меня не беспокоило чувство голода или жажды.

Возможно, я представлял собой, условно говоря, некий прибор, что-то типа приёмной станции, установленной с одной стороны энергетического моста, возникшего между сознанием моим и генерала Василенко. Однако, говоря о приборе, я имею в виду только небывалую концентрацию моего внимания и моих эмоций в процессе нашего с генералом, по сути телепатического общения. И я не был, к примеру, чем-то вроде магнитофона, просто записывающего важную информацию.

Если допустить, что всё, услышанное мною, – правда, значит, мне разрешили очень аккуратно и тактично переступить грань другого измерения.

Слушая рассказ генерала, я будто находился в тёмном пространстве, отсекавшим от меня всё, что было вокруг и что могло быть лишним в нашем общении: предметы, звуки, посторонние мысли.

Через какое-то время, помимо голоса Виктора Даниловича, перед моими глазами вдруг прямо в темноте стали возникать различные живые картинки, яркие и чёткие, слегка пугающие своей реалистичностью и качеством изображения. Напом-

Девятое мая генерала Василенко

нившие мне кадры из фильма, который я недавно смотрел в стереокино, в гостинице «Москва».

Я видел красную конницу, несущуюся во весь опор по жёлтой степи, молодого бойца с азартом размахивающего саблей, наблюдал с высоты птичьего полёта за скопищем огромного количества бронированных монстров с красными звёздами и белыми крестами на бортах, беззвучно плюющих огнём друг в друга. Шёл ранним утром по поверженному, разрушенному Берлину, пытаюсь сквозь дым рассмотреть крохотную точку флага Победы над куполом рейхстага.

Любовался рассветом в горах, сидя на влажном от росы, замшелом валуне. Мёрз при виде бескрайних заснеженных лесов, где копошились на лесоповале кажущиеся издалека маленькими, игрушечными фигурками заключённые лагеря. И ещё я увидел фотографии Женечки и Алёны.

Но самое главное, что меня потрясло – так это лицо Апполинария Рыжика! Ведь я действительно когда-то видел этого человека, именно его в своих снах много лет назад! Мистика какая-то, но это было правдой!

Так что теперь я, как и генерал Василенко, знал в лицо его заклятого врага.

* * *

Впоследствии я часто возвращался мысленно к тому удивительному погружению в неизведанное, пытаюсь понять, что изменилось во мне после памятного дня, проведённого в квартире генерала Василенко.

Внешне всё оставалось как бы по-прежнему; я готовился к экзаменам, ежедневно мотаясь из центра Москвы на Донскую улицу, где находился ВУЗ, или просиживал часы в библиотеках.

Генерал продолжал кормить по утрам голубей и максимум, что я успевал сделать, пробегая мимо, так это приветливо помахать ему рукой в ответ на добрую улыбку.

Закрутившись в вихре абитуриентских забот и эмоций, в суете, волнениях и стрессах вступительных экзаменов, порой я, как мне казалось, забывал о новом своём, необычном и очень ответственном статусе, о своих обязательствах перед... Обязательствах? Перед кем? Перед Виктором Даниловичем? А разве я давал какие-либо обязательства? Вряд ли, ведь генералу, с его слов, самому предстояло выполнить особую миссию, доверенную Свыше. И моя скромная роль, не иначе как была определена там же, и потом доверена мне.

Если, конечно, всё, что поведал мне генерал, не было бредом, плодом воспалённого, больного его воображения! Но почему тогда я был склонен принять слова Виктора Даниловича как истину? А может, он обладал даром гипноза?

У меня лопалась голова, я не мог во всём этом разобраться, принять решение, и потому злился!

Но проблемы моего поступления в институт, как и мои сомнения, занимали меня только днём. Ночами же со мной происходили удивительные вещи: засыпая в квартире Капитолины Леонардовны, в центре столицы, на улице имени Мархлевского (до сих пор не знаю, кем был этот самый Мархлев-

Девятое мая генерала Василенко

ский и за какие заслуги в его честь назвали улицу в самом центре Москвы), я просыпался... нет, не просыпался, а скорее, приходил в себя в новой реальности, в новых, так и хочется сказать, декорациях. Хотя то, что происходило со мной, ни театром, ни сном не являлось.

Я свободно перемещался во времени, оказываясь участником самых разных совершенно реальных, по ощущению, событий.

Всё происходило, я почти не сомневался, наяву. Только, к сожалению, я не видел себя со стороны и не знал точно, в чьём обличье я выступал, в своём или Виктора Даниловича. Да это, собственно, было и не важно, главное было вместе довести порученную миссию до логического конца.

Можно сказать, что я прорабатывал, проигрывал варианты возможного развития событий. Ситуации были разными, разным был антураж, да и действующие лица постоянно менялись. Единственное, что повторялось, и это было главным, в странных этих своих ночных путешествиях я выслеживал, отлавливал в коридорах Времени злодея Апполинария Рыжика.

И приводил в исполнение Приговор!

Возможно, всё это было подготовительным этапом, репетицией, поиском оптимального решения и одновременно способом запутать неприятеля.

* * *

Вступительные экзамены в институт я сдал довольно успешно, но, увы, по конкурсу не прошёл. Многоступенчатая система приёма на льготных ус-

ловиях плюс невероятное количество абитуриентов, претендующих на каждое учебное место популярнейшего в стране факультета, практически не оставляла возможности недавнему школьнику поступить на дневное отделение. Если, конечно, он не обладал так называемым «лимитом» от республики, либо не входил в ближний круг высоких чиновников.

Отсутствие моего имени в списках зачисленных расстроило меня, хотя я прекрасно понимал, что шансов поступить у меня не было с самого начала.

В Москве мне делать было уже нечего, я купил билет на самолёт, собрал одежду и книги в старый отцовский чемодан, и пошёл прощаться с Виктором Даниловичем.

Дома генерала не оказалось. Не нашёл я его и во внутреннем дворике дома, где он часто читал газеты, сидя на одной из двух колченогих скамеек.

И вторая моя попытка увидеть генерала перед отъездом, к сожалению, не увенчалась успехом.

Мы присели по старому обычаю перед дорогой с Капитолиной Леонардовной.

Добрая и эмоциональная хозяйка квартиры всплакнула, картинно прикоснулась кружевным платком к влажным глазам, обняла меня и протянула мне пакет. В дороге пригодится, как сказала она.

Я догадывался, что было в пакете: любимые её конфеты «Кара-Кум».

Тёплый сухумский сентябрь пролетел незаметно, в октябре же меня призвали в армию. Отчизне нужно было отдавать долг!

Служить меня занесло на Север, в Мурманскую область, в часть, стоявшую недалеко от города Кан-

Девятое мая генерала Василенко

далакша. Ребята в части подобрались отличные, о дедовщине в те годы ещё не знали, так что служилось мне достаточно комфортно. Если бы, конечно, не было так холодно.

Стали понемногу уходить в прошлое оттесняемые свежими впечатлениями воспоминания о совершенно безумном лете 1963-го года, о международном кинофестивале, о танце со звездой экрана, о трагичной и одновременно трогательной судьбе Виктора Даниловича Василенко.

Когда-то, в юности, подслушал я забавный диалог, прозвучавший, правда, на фоне грустного события, в зале народного суда. Осуждённый мужчина примерно так успокаивал бьющуюся в истерике свою супругу:

– И чего ты дура мычишь? Подумаешь, десять лет! Ерунда! Всего десять раз зацветут наши помидоры. И я уже буду дома!

А вспомнил я эти слова в вагоне поезда «Мурманск-Москва». Действительно, ерунда! Зацвёл, образно говоря, всего три раза чей-то помидорный куст, и вот тебе – Дембель!

Поезд прибывал на Ленинградский вокзал Москвы в шесть утра, а покинуть столицу мне предстояло на другом, сухумском поезде, который уходил с Курского вокзала вечером, без чего-то восемь.

Метро уже работало. Я без проблем перевёз на Курский вокзал нехитрый свой скарб, сдал его в камеру хранения, перекусил в вокзальном буфете и отправился гулять по Москве, благо, времени у меня запаса было много.

Лёгкий сухой московский морозец воспринимался кожей моей после трёх лет на Севере как жаркий воздух тропиков. Вокруг деловито шумела столица, куда-то спешили люди на её улицах, кто пешком, а кто в переполненных синих «окуджавовских» троллейбусах и поездах метрополитена.

Прогулка доставляла мне истинное удовольствие, а знакомые московские пейзажи активировали память. И она с радостью извлекала из глубин своих яркие – то весёлые, то с оттенком грусти – воспоминания о событиях весны и лета 1963 года.

Ноги сами привели меня на улицу Мархлевского.

А вот и генеральский дом. Что-то защемило в груди, и я будто застыл перед массивными, очень знакомыми дверями подъезда.

Мне понадобилось некоторое время, чтобы преодолеть внезапно возникшую робость, и войти внутрь.

Вот и нужный этаж. И две двери, расположенные рядом на лестничной площадке, ведущие в две столь разные квартиры, ставшие когда-то знаковыми для меня.

Сердце забилося часто-часто, когда я остановился у квартиры Виктора Даниловича. На лбу почему-то выступил пот, тело охватила слабость. Рука легла на кнопку звонка, но заставить себя нажать на неё я так и не смог.

Убрав пот со лба платком, я шагнул к двери с табличкой «И.С. Дмитрук», откашлялся на всякий случай и позвонил. Из-за двери не доносились никакие звуки, но через несколько секунд, о радость,

Девятое мая генерала Василенко

изнутри в замочной скважине провернули ключ, щекотла характерно клацнула, и дверь отворилась.

На пороге стояла, широко раскрыв глаза от удивления, Капитолина Леонардовна.

Милая, милая моя генеральша, как же искренне она обрадовалась, увидев меня. И хоть театральные манеры былой моей квартирной хозяйки никуда не делись, радость была неподдельной, это факт.

Глаза Капитолины Леонардовны стали влажными, она крепко обняла меня в дверях, и, схватив за рукав, потащила внутрь квартиры. Причитая при этом, как обычные сельские старушки, от образа которых генеральша обычно дистанцировалась. Помогла мне снять шинель, усадила в кресло в гостиной, выставила вазочку с «Кара-Кумом», сама же легко, как девочка, понеслась на кухню.

Журнальный столик скоро был заставлен тарелочками и вазочками с разной вкусной едой, в центре красовалась бутылка марочного крымского муската. Я не был голоден, но отказать хозяйке дома, не оценить её гостеприимства я не имел права.

Женщина всё расспрашивала меня об армейской жизни, о самочувствии родителей, о планах на будущее. И я подробно, обстоятельно отвечал.

Хорошо зная свою собеседницу, я видел, что и ей не терпится рассказать мне нечто важное. Я пожалел Капитолину Леонардовну и произнёс:

– Что это мы всё обо мне, да обо мне? Расскажите-ка и Вы, что нового в Москве, в доме нашем произошло за три года моего отсутствия?

Этими двумя фразами я, будто повернув некий вентиль, открыл шлюз потоку новостей, среди ко-

торых одна имела для меня судьбоносное, можно сказать, значение.

– Володенька, много чего случилось за время твоего отсутствия. Ты помнишь генерала Карнаухова, со второго этажа, Андрея Ильича? Не помнишь? Не знал? Неважно, у генерала был сын, полковник, он служил в Норвегии, был нашим военным атташе.

Капитолина Леонардовна зачем-то оглянулась по сторонам, приблизилась ко мне и шепотом сообщила:

– Завербовали его там, шпионом сделали, изменником Родины. Так вот. Наши, говорят, его выследили, вызвали в Москву, чтобы арестовать, а он, сволочь, догадался, видимо, и сбежал в Америку.

Это такого-то отца сын, героя войны! Андрей Ильич в ЦК ходил, партбилет сдать намеревался, только сказали там, что его личной вины в случившемся нет, и билет у него забирать не стали. Так он заперся в квартире и не выходит. Совсем не появляется, ни на улице, ни в дворике.

Но это Володя, мелочи, цветочки, как говорится. Главную новость расскажу, так ты не поверишь! Правда, не поверишь! Смертоубийство!!! Да, да! Убийство человека! И кто убийца? Виктор Данилович Василенко!!! Как тебе такая новость?!

Слушай же! Я постоянно помогала Виктору Даниловичу то с уборкой, то с глажкой. Бывала у него в квартире часто.

Оборудовал он в своём кабинете небольшую мастерскую. А что он там ремонтировал или мастеририл, я понятия не имела. Кстати, пока тебя не было в Москве, те самые майские обострения продолжи-

Девятое мая генерала Василенко

лись. Но к этому все давно привыкли, тем более, что проблем генерал никому не доставлял.

И вот, Володенька, сияя, что по-французски означает – внимание, – наступают майские Праздники. Это, Володя, в прошлом году. С Виктором Даниловичем всё в порядке, на удивление.

Девятого Мая генерал утром бреется, облачается в парадный мундир и едет, как бывало раньше, до болезни, по традиции к Большому театру. А после встречи у театра идут ветераны в кафе, отпраздновать День Победы.

Выпили старички по сто граммов, как на фронте, за Победу, помянули, наверное, друзей своих, не доживших до этого дня, всплакнули немного и стали расходиться по домам.

И тут вдруг подходит генерал Василенко к соседнему столику, где тоже сидели ветераны, подзывает какого-то полковника и выходит с ним на улицу. Мне, Володя, так подробно всё это рассказал один из тех, кто находился в компании Виктора Даниловича в тот злополучный день.

Так вот! Выводит, значит, наш генерал этого полковника на улицу, за угол кафе, и ставит спиной к стене. Сам же отходит на несколько шагов, и достаёт из кармана на глазах изумленных друзей... Что бы ты подумал, Володя?! Никогда не догадаешься! Даже и не пытайся!

А достаёт генерал Василенко, – тут рассказчица широко открывает глаза и, выждав, очевидно, для усиления впечатления паузу, громко, по слогам, произносит, – РО-ГАТ-КУ!!!

Ошеломлён?! И я была в шоке, когда узнала! Да, да, обычную, в принципе, детскую рогатку. Потом, правда, выяснится, что сделал он её своими руками, в этой самой домашней мастерской, из железа, что ли, выточил. Я в рогатках не разбираюсь, знаю, что заготовил он к ней шарики металлические, говорят – от подшипника.

И пока присутствующие удивлённо переглядывались, Виктор Данилович прицелился в полковника, выкрикнул:

– Сдохни, нечисть! – и запустил тому в голову стальным шариком!

Рассказывают, что голова несчастного разлетелась буквально на куски.

И ведь тот даже и не пробовал уклониться или убежать. Стоял, как изваяние, молча. Обмочился, говорят перед смертью, от страха, видимо.

Шум, крики, паника, милиция! Кто-то вызвал скорую, так ей оставалось только забрать труп. Виктора Даниловича милиция отправила в комендатуру, откуда он угодил снова в госпиталь, к доктору Брусникину.

Уже потом я узнала, что полковник этот – бывший особист, до войны был лагерным надзирателем, вертухаем, как их называют. И что на совести его десятки загубленных жизней. И что именно он повинен в смерти жены и дочери генерала Василенко. Я, Володя, даже запомнила его фамилию – Рыжик!

Медсестра Катя, которая навещает своего подопечного, рассказывала, что на вопрос доктора, почему генерал убил особиста, тот поправил Брусникина, утверждая, что никого не убивал, а лишь

Девятое мая генерала Василенко

выполнял возложенную на него миссию, приведя в исполнение приговор Суда.

Виктора Даниловича через полгода из лечебницы-то отпустили, признав официально, что опасности он для общества не представляет. Подлечили его капитально, ибо ведёт он себя очень тихо, живёт замкнуто, хотя, как и раньше, доброжелателен ко всем.

На прошлый День Победы, в этом году, ничего необычного с ним не происходило. Ходил к Большому Театру, но, как говорили, не пил ни грамма спиртного.

В тёплые дни он иногда отдыхает в скверике и будто ведёт размеренные долгие разговоры с невидимыми собеседниками, ибо, кроме него, на скамейке в этот момент больше никого не наблюдается. Говорит он обычно очень ласково, даже нежно и часто улыбается. И я догадываюсь, с кем он общается в эти минуты и что происходит в его душе!

Дорогая Капитолина Леонардовна, но разве Вы могли догадываться, что происходит сейчас в моей душе! Если бы только Вы знали о тех воистину фантастических событиях, произошедших с момента моего знакомства с генералом Василенко! А ведь Вы оказались в той или иной степени причастны к тому, что связало судьбы Виктора Даниловича Василенко, Вашего покорного слуги и Апполинария Рыжика в сложнейший, запутанный, мистический узел.

И что генерал действительно выполнял миссию, теперь в этом нет ни грамма сомнения, и что именно ему было предназначено поставить последнюю точ-

ку в истории Рыжика. И он её поставил! Стальным шариком от разобранного подшипника!

Следовательно, и моя встреча с Рыжиком в горах произошла не во сне, как я был почти уверен, а являлась одной из тех самых репетиций! А значит, я действительно оказался причастен к сложнейшей этой истории, более того, играл в ней определённую роль!!!

РОГАТКА!!! Ну не может же быть таких совпадений! Не может!

Я не имею, к сожалению, права, Капитолина Леонардовна, открывать правду, даже слегка изменённую и облечённую в какую-либо иную форму, похожую на реальность, никому, в том числе и Вам, милый мой человек! Не обессудьте!

Мысли эти вывели меня из состояния некоей прострации, в которой я находился, слушая рассказ хозяйки квартиры.

Осенние и зимние дни коротки. Вот и сейчас я с удивлением заметил, что за окнами начинает темнеть, и комната погружается в полумрак. Долго же мы просидели за разговорами!

Время же неумолимо отсчитывало положенные часы, минуты, секунды, приближая грядущий мой отъезд. Пора было прощаться.

Капитолина Леонардовна не скрывала слез. В дверях она крепко обняла меня, расцеловала и сунула в руки сетчатую авоську, заполненную свёртками с едой. Уверен, что без «Кара-Кума» не обошлось и на этот раз.

Я прошёл по мраморному полу площадки к лестнице, спустился на несколько ступенек и... Нет, не

Девятое мая генерала Василенко

мог я так просто закрыть такую важную страницу моей жизни, уехать, не попытавшись увидеть Виктора Даниловича!

Громкая трель электрического звонка заполнила своим то ли тревожным, то ли радостным переливом, казалось, весь внушительный объём лестничных маршей генеральского дома.

Дверь моментально распахнулась, будто хозяин квартиры ожидал моего звонка, стоя за ней!

– Заходите! – Не давая мне открыть рта, произнёс генерал.

Он широко и тепло улыбался мне, однако казалось, что смотрит как-то странно, непривычно, будто мимо или сквозь меня. Так обычно улыбаются незнакомым людям. И потом, почему – заходите, а не заходи?

– Виктор Данилович, здравствуйте! – негромко, борясь с комком в горле, произнёс я.

– Хотя я и не в форме, ко мне следовало бы обратиться по уставу, а именно – товарищ генерал! Ну ладно уж, давайте, – мягко упрекнул меня хозяин квартиры, протягивая руку.

Заметив моё замешательство, удивлённо спросил:

– Так Вы не из “Военного обозрения”? Нет? А, Вы, наверное, к Елене Викторовне. Так её сейчас нет дома.

Спазм в горле становился невыносимым. Ещё немного, испугался я, расплачусь, как ребёнок. Виктор Данилович не узнал меня!!! И этот факт вызвал у меня шок!

Неуклюже извиняясь якобы за ошибку в номере квартиры, я с трудом выдавил из себя:

– Разрешите идти, товарищ генерал? – И получил в ответ тоже уставную фразу, смягчённую улыбкой, – Идите, товарищ солдат!

Я медленно спускался по широкой лестнице, с трудом переставляя неожиданно ставшие будто ватными ноги. И пытался понять, прочувствовать ситуацию, стараясь не подходить к ней с привычными обывательскими мерками.

Как же мне воспринимать тот факт, что меня не узнал человек, с которым судьба связала такими прочными, такими необычными узами? Ведь ничего подобного я ранее представить себе не мог. И как можно было забыть то, через что мы прошли вместе?!

Так рассуждал я, один из участников всей этой мистической, фантастической драмы.

Но в ней, в этой драме у меня и у Виктора Даниловича были всё-таки разные роли. И совсем разные судьбы были предопределены каждому из нас – как и до, так и после нашей с ним встречи. Именно здесь, понял я, и лежит ключ, реальное объяснение всему.

И было важно для меня, да и для генерала тоже, получить ответ на простой, в принципе, вопрос, кого же я встретил всего несколько минут тому назад?

Сомнений тут не было – я общался со счастливым человеком!!! Да, Виктор Данилович Василенко обрёл наконец-то покой и счастье. И что было поразительным и одновременно вполне объяснимым, так это то, что генерал жил жизнью счастливого семейного человека.

Я вспомнил радостные слова Виктора Даниловича об общении его с женой и дочерью, в памяти встал и рассказ Капитолины Леонардовны о долгих

Девятое мая генерала Василенко

разговорах генерала в скверике с невидимыми якобы собеседниками.

И вдруг меня пронзила мысль! Ведь что-то очень удивило меня, когда я вошёл в прихожую Виктора Даниловича. И как только я не понял этого сразу?!

Я ведь был в квартире, где ощущалась та самая женская аура, об отсутствии которой здесь я когда-то размышлял. Она явно витала в воздухе! И новые для меня, порой мелкие детали интерьера только подтверждали это.

Бронзовые бра с кокетливыми абажурчиками излучали уютный рассеянный свет, на стенах в деревянных рамочках висели фотографии, которых не было раньше, а на декоративной полке, также висевшей на одной из стен, появились небольшие фарфоровые статуэтки...

Я вспомнил немного подзабытую теорию двух векторов жизни человека, о которой читал в юности и которая тогда произвела на меня неоднозначное впечатление: с одной стороны, вроде как неприемлемая для атеиста ерунда, с другой – как очень заманчивая и желанная сказка.

В ней говорилось, что когда эти два вектора – вектор времени и вектор пространства – пересекаются в назначенной точке, земная жизнь заканчивается, человек сбрасывает биологическую оболочку и переходит в другое измерение, где продолжает жить бессмертная его душа.

Сейчас я точно знал, я был уверен, что вектор пространства Виктора Даниловича Василенко достиг искомой точки и замер в ожидании. Вектор же

времени потерял для генерала значение, ибо зло было наказано, справедливость восстановлена, ему вернули самое дорогое в его жизни! И он обрёл долгожданное счастье и душевное равновесие!

Совсем не стоило напоминать о некоторых сложных и неприятных событиях, и, следовательно, из памяти генерала стёрли и их, и людей, могущих невольно нарушить душевный его покой.

Но, на самом деле, время продолжало движение в направлении той самой точки. И поскольку понятие времени и ход его движения субъективны и относительны, не за горами тот волшебный миг встречи, когда утомлённая, но счастливая душа генерала сбросит, наконец, брренное своё земное тело, взлетит вольной птицей над планетой Земля и с радостью устремится по звёздному мосту в далёкие и неведомые миры, где ждут его молодые, красивые Женечка и Алёна!

* * *

С годами из памяти стираются полностью или частично многие события, участниками или свидетелями которых нам довелось быть. И, наоборот, ряд фактов нашей биографии, так или иначе вписанных в общий ход истории и, следовательно, взаимодействующих с окружающим миром, сохраняются в сознании с пугающей точностью. Более того, с возрастом, по мере накопления нами жизненного опыта и знаний, они, эти факты, приобретают новое звучание и более тонкие оттенки. Начинают высвечиваться ранее скрытые от нас важные нюансы.

Девятое мая генерала Василенко

Сохраняя изначально объективную суть, они предстают перед нами теперь под разными углами зрения, становятся предметом более качественного изучения и философского осмысления как раз с высоты прожитых лет и накопленного опыта.

И чем больше времени отдаляет меня от тех странных, мистических моментов моей молодости, от фантастической, по сути, истории, начало которой положила та неожиданная встреча с генералом Василенко девятого мая 1963 года, в день Праздника Великой Победы, тем чаще и настойчивей обращаюсь я к ней из года в год, в надежде постичь истину, получить ответы на вопросы, не дающие мне покоя уже много десятилетий.

Вопрос первый: почему я?

Правда, не уверен, что этот вопрос главный. Ну, узнаю я, в конце концов, почему! Разве что-либо изменится кардинально в моей жизни? Ведь возможность корректировать события прошлого отсутствует. Да и зачем? Но вопрос остаётся.

Гораздо важнее для меня другое: а что это было на самом деле? Что происходило со мной на протяжении определённого отрезка времени?

Возможно, я столкнулся с явлением, известным науке как раздвоение личности. Следовательно, на каком-то этапе возникал некий alter ego, альтернатива реальной моей сущности, при этом основная, привычная моя сущность оставалась в привычной же биологической оболочке. А как и где действовал тот самый alter ego? И уже сам этот вопрос обрастает новыми вопросами.

Вариант один: всё происходило в другом измерении, в другой реальности, которая мною должна была восприниматься потом как сон.

Вариант второй: мой alter ego материализовывался на время. Следовательно, моё участие в конкретных событиях в различные периоды истории есть путешествие во времени, реальная регрессия в прошлое.

Но в чьё прошлое? Моё, из другой жизни, либо генерала Василенко?

А может, это была временная реинкарнация, обмен сущностями – моей и Виктора Даниловича?

Ну, вот опять я возвращаюсь к истокам, к первому вопросу! Почему я?

Но ответа так и нет!

Снова натолкнувшись в конце цепочки своих рассуждений на некую монолитную стену, скрывающую истину, в очередной раз останавливаюсь на компромиссной теории: надо набраться терпения и ждать, когда там, наверху примут решение открыть правду.

Ну, и наконец, может, на меня действительно была возложена сложная обязанность, но в известной мере почётная: помочь избавить мир от насильника и убийцы. А сам акт приведения Приговора в исполнение не являлся самосудом. Поэтому всё произошедшее должно считаться безупречным с психологической и нравственной точек зрения.

Я надеюсь, что после всего случившегося воздух на планете стал хоть немного, но чище. И это успокаивает меня!

ТАМГА

Время от времени ласкает слух изысканная джазовая мелодия. Это рингтон моего мобильного телефона. Я долго и внимательно подбирал для него музыкальную тему. Порой даже ловлю себя на мысли – позвонил бы кто ни будь, появится возможность лишней раз послушать классную музыку.

На этот раз, однако, любимые фортепианные фразы вызвали чувство тревоги, ибо, когда они звучали, будильник на прикроватной тумбе показывал 5:47. Утра, разумеется. Кому это я понадобился в такую рань? А главное – зачем?

– Вова, я разбудил тебя? – В трубке звучал взволнованный голос моего друга Юрия, историка, доктора наук. Вполне себе солидного человека. – Где ты сейчас? В Москве? А, в Абхазии! Ну ладно, это неважно.

– Юра, как мне ответить на твой вопрос насчёт пробуждения? Интеллигентно? Или ты провоцируешь на ненормативную лексику? Ладно, проехали! А откуда ты звонишь в такое время, и что стряслось?

– Не волнуйся, ничего страшного. Я на Сицилии.

– И необходимо было сообщить мне об этом именно на рассвете? Может тебя захватила мафия, требуют выкуп? Сицилия всё же, понимаешь! Так

сколько нужно, я переведу нужную сумму через бейрутское отделение Российско-Азовского банка! Только скажи. Кстати, а Сицилия в ЕС? Там евро или всё ещё итальянские лиры?

– Хватит ёрничать, у нас тут вообще ещё не рассело. Не дотерпел я до утра. Слушай меня внимательно. Ты знаешь, что тема моих исследований – связи кавказских народов, наших прародителей, с былыми мировыми цивилизациями, в частности, с Древним Римом. Я рассказывал, что получил официальное приглашение Советника Государственного Секретаря Ватикана поработать в их архивах. Много чего «нарыл», жаль, что плохо знаю латынь, а так здесь – Клондайк, в смысле огромного количества ценнейших оригинальных документов. Но ладно, об этом, когда вернусь.

Позавчера мне в Рим позвонил коллега и друг Этторе Барбери, археолог, профессор университета La Sapienza. Они копают на Сицилии, недалеко от городка Новара, уже давно. Несколько дней назад было вскрыто очередное захоронение римских легионеров, и именно оно может представлять, как он сказал, особый интерес для меня, ибо есть бесспорные признаки, указывающее на происхождение воинов, а именно на их принадлежность к народам, населявшим в древности территорию современного Кавказа.

Прервав работу в архиве, вчера утром я прилетел на Сицилию. Этторе встречал меня в аэропорту «Фонтанаросса», ближайшем от Новары. По пути к лагерю археологов коллега ввёл меня в курс дела.

Итак, сначала обнаружили своего рода братскую могилу, в которой прямо в земле были захоронены шестеро легионеров, а позже, на расстоянии двух десятков метров на возвышении раскопали ещё могильник. Останки двух воинов были погребены с гораздо большими почестями, что сразу бросалось в глаза. Во-первых – выбранное место, небольшой холм в стороне от первой могилы, во-вторых – погребальные лежа, вырытые отдельно для каждого тела, были аккуратно выложены изнутри местным камнем. Получалось нечто среднее между каменным гробом и небольшим склепом. В процессе погребения лежа накрыли каменными же плитами, и только потом засыпали землёй.

Что интересно, захоронения эти, видимо, в силу каких-то причин, постарались сохранить в тайне. Это удалось, и стало для нас, потомков, профессионалов, огромной удачей!

Так вот, первые шестеро – рядовые солдаты, легионеры, а вот двое из склепа – совсем другое дело.

Вова, я стараюсь сказать главное, опуская многие детали. Как ты уже понял, погребение избежало разграбления. Прекрасно сохранились доспехи, оружие. Даже ткани и кожа не истлели полностью. Было ясно – оба были патрициями, принадлежали к сословию Всадников. По наградным фалерам можно предположить, что служили они императору Веспасиану или его сыну Титу Флавию. Но самым важным для меня, и это явилось причиной звонка Этторе, были родовые знаки на шлемах воинов. Знак одного из них однозначно указывал, и это констатировал профессор Барбери, на аланские корни. А вот уви-

дев воочию второй, я испытал волнение, близкое к шоку, ибо на шлеме красовалась тамга, родовой знак, характерный для ряда кавказских народов, в том числе абазгов и апсилов. В этом не было сомнения! Просто подарок судьбы! Я многое знаю об абхазских родовых знаках, но не настолько, чтобы сразу и точно указать, кому он принадлежал. Мне пришлось попотеть: послал запросы коллегам в Сухум, Москву, Нальчик, Майкоп. Поднял максимум материала в Интернете.

А сейчас, Вова, внимание! Вот почему я не дотерпел до утра: помнишь рассказанную тобой легенду о происхождении фамилии Делба. Согласно ей, раньше вы жили в районе Пицунды, и носили фамилию Цанба, ты даже писал об этом в одной из своих книг. Так вот, мой дорогой, – родовой знак, тамга с шлема римского воина-Всадника принадлежит роду Цанба! Теперь это установлено точно! Вот так!

Ну, основное я тебе рассказал! А теперь необходимо хоть немного поспать! Так что позвоню, как только появятся новости!

Ну, конечно, мой друг заслужил «хоть немного» сна. Мне же спать уже расхотелось. Я даже не понял пока, насколько подействовала на меня новость, сообщённая Юрием, и подействовала ли вообще? Возможно, я ещё не до конца проснулся. Но разобраться с полученной информацией, а вернее, со своими эмоциями, следовало.

Приняв контрастный душ, я окончательно изгнал из себя остатки сна, а большая чашка свежесваренного кофе явно располагала к активной работе серого вещества.

– Итак, давай-ка, милый друг, – сказал я себе, – для начала расставим всё, что ты услышал, по полочкам. А вернее, выстроим, на основе полученной информации, некий логический ряд. Ряд, которому нужно следовать в своих рассуждениях.

Думаю, понадобится некая инвентаризация собственных знаний, так или иначе связанных с темой, заданной моим другом.

Древний Рим! Великая цивилизация, страна, подчинившая себе огромные территории, просуществовавшая полторы тысячи лет! Внёсшая огромный вклад в копилку истории и культуры человечества, подарившая миру множество уникальных людей: воинов, политиков, мыслителей, поэтов, инженеров. Оставившая после себя передовые по тем временам технологии, грандиозные архитектурные памятники, великолепные дороги и виадуки. Что лично я знаю о нём?

Конечно, мне доводилось много читать о Древнем Риме: беллетристику, и отдельные научные работы, но специально ничего не изучал. Да, я знал, что римские Консулы и Императоры призывали инородцев, жителей других стран, на военную службу. Что существовали тесные связи метрополии с отдалёнными территориями, в том числе с моей прародиной, Кавказом, поэтому известие, что под римскими знамёнами служили аланы, колхи, абазги и апсилы не стало для меня открытием. И ещё я помнил, что имя императора Тита из рода Флавиев, как и имя его отца, императора Веспасиана, были связаны со строительством в Вечном Городе вели-

чественного Колизея, сохранившегося к счастью до сегодняшнего дня. Это первое!

Теперь, и это второе, о моём генеалогическом древе. С детства ношу я фамилию Делба. Корни нашей фамильной ветви – в селе Адзюбжа, недалеко от реки Кодор, в Восточной Абхазии. Прадед мой Соумаква, и дед Пий, как его называли близкие, всю жизнь прожили на одном месте, да и отец – Михаил, Миха Делба, родился там же, в доме предков. И с пяти лет помогал отцу работать на земле, ибо род мой – крестьянский.

Что касается легенды о происхождении фамилии, и подлинной якобы истории рода, то услышал я её в зрелом возрасте от отца. Я неоднократно делился услышанным с друзьями, даже позволил себе пересказать легенду в одной из своих книг.

Речь в ней шла о представителе княжеского рода племени садзов или джикетов, выходцев из района современного Сочи, носивших фамилию Цанба (Цандба).

Конкретный же Цанба, который по легенде является моим предком, жил недалеко от Питиуса, или современной Пицунды. Жена, трое сыновей, большой дом, крепкое хозяйство! Много работал на земле, славился трудолюбием, широтой души, гостеприимством. Строго соблюдал нормы «Апсуара», кодекса поведения абхазов. А кодекс, вкупе с традициями, в частности предполагал, что еда для гостей должна готовиться хозяином только из свежих продуктов, в том числе из живности, забитой специально для застолья. Даже если в течение дня дом посетят несколько разных компаний гостей.

И случилось как-то, что в отсутствии хозяина дома, жена нарушила правило: приняв одну группу гостей вслед за другой, она приготовила яства из мяса бычка, но забитого утром, а не перед вечерним застольем.

Гости, а это были представители известных, достойнейших фамилий от угощения отказались, и с негодованием покинули подворье.

Позор, павший на всю фамилию, смыть было невозможно. Глава семьи обязал жену собрать самое-самое необходимое, усадил её с детьми в повозку, запряжённую лучшими своими лошадьми, выгнал на улицу многочисленную живность, и поджёг дом. Когда же собравшиеся соседи попытались тушить пожар, хозяин не допустил их к дому, пока тот не сгорел дотла.

Именно тогда турки, жившие неподалёку, шокированные увиденным, и узнавшие о причине пожара, воскликнули: – «Безумец, безумец»! И слово это, повторенное неоднократно, звучало то ли «Дели», то ли «Дела»...

Предок же мой, если следовать легенде, пройдя с семьёй через суровые испытания, ибо путь был долгим и мучительным, добрался до реки Кодор, и обосновался, пустил корни на левом берегу. Возможно, сжигая все мосты, связывающие с прошлым, отказался от фамилии Цанба, и вспоминая гортанные выкрики бывших соседей, стал называть себя – Делба.

Прошло время, сыновья выросли, старший остался с родителями в отцовском доме, двое других отделились. Один отправился в горы, туда, где

сейчас современный город Ткуарчал, второй ушёл по побережью километров на сорок восточнее Кодора, и осел там.

Вот, собственно, и пересказ той самой легенды. Помню, что воспринял я её именно как легенду, как красивую сказку, не более того. И не вызвала она никакого волнения души.

Впоследствии мне довелось выслушать несколько разных версий этой истории от разных людей, причём не только от своих родственников.

Ещё в начале девяностых мою невестку Мери Делба познакомили с очень-очень старой женщиной, целительницей, жившей в селе Лдзаа, на Пицунде. Услышав фамилию Мери, старушка спросила, не из тех ли она Делба, которые пошли от рода Цанба? И рассказала любопытную историю: в молодости она постигала искусство лечения людей от старших, известных всей Абхазии знахарей. В том числе и представителей рода Цанба. Считалось, что у цанбовцев особая, уникальная кровь, исцеляющая от многих серьёзных болезней. И порой, со слов старушки, знахари обращалась к мужчинам Цанба с просьбой дать кровь, и те давали. И кровь их спасла множество жизней.

Женщина плохо говорила по-русски, и невестка не поняла толком, каким образом брали эту кровь, и как её использовали. Да и я не счёл необходимым вдаваться в подробности этого разговора, тем более, что прошло много времени, и давно не было в живых ни самой знахарки, ни её наставников.

И вообще, ко мне эта экзотическая история не имела, по сути, никакого отношения.

Но ведь что-то меня действительно «зацепило»! Ну, конечно, если абстрагироваться от привычных повседневных дел и мелких проблем, на которые приходится тратить время и нервы, и попробовать посмотреть на себя, своё происхождение, историю народа как бы приподнявшись над обыденностью, то можно почувствовать, как захватывает дух!

Это надо же! Далёкий-далёкий остров Сицилия, город, название которого ничего мне не говорит, да ещё временное расстояние длиной в две тысячи лет!!! И там, в этой самой Новаре когда-то с воинскими почестями захоронили римского патриция, легионера из привилегированного сословия воинов-Всадников, который оказался моим земляком, представителем древнего моего народа, а возможно, и моим прародителем!

Я и не заметил, что солнце уходит за горизонт. День пролетел незаметно. В висках стучало от нервного напряжения, а выпитое за день огромное количество крепкого чёрного кофе спокойствию явно не содействовало. Пора – решил я – прерваться.

Легко сказать! Ночью мне долго не давали уснуть мысли о Древнем Риме, воинах-кавказцах, жаркой экзотической Сицилии! А погрузившись, в конце концов, на рассвете в беспокойный сон, я отчётливо увидел эту самую тамгу, родовой знак Цанба, о котором вёл речь Юра!

Небольшой золотой овал, размером с современную десятирублёвую монету, сверкал, отражая лучи солнца, будто и сам был крохотной частью Светила. Яркие блики слепили глаза, но я успел рассмотреть

в центре овала три треугольника, соединённые между собой...

Юрий позвонил поздно вечером следующего дня.

– Вотсап не работает почему-то, – заявил он для начала. – Потому буду краток. Местные карабинеры помогают, чем могут, профессору Барбери. Криминалисты исследовали останки легионеров и обнаружили следы множества ранений и травм, полученных, скорее всего, в сражениях. Это понятно. Но самое главное, в костях всех обнаружены следы сильного растительного яда, который, можно утверждать с большой степенью вероятности, и послужил причиной смерти.

Вова, эта информация – промежуточная. Более полную смогу, видимо, предоставить только по возвращению. Обнимаю!

Конечно, международные телефонные разговоры совсем недешёвы. Жаль, что с Вотсапом проблемы. А ведь у меня к Юре накопились вопросы, которые я так и не смог задать.

И ещё – мне, пожалуй, стоило признаться другу, что я неожиданно для себя серьёзно «заболел» этой самой сицилийской историей, что второй день она не даёт мне покоя, особенно после того, как во сне (во сне ли)? увидел я сверкающую золотую тамгу. Никто не может объяснить природу сна, но ведь никогда ранее мне не встречался этот знак.

Шоковое состояние ещё поджидало меня на просторах Интернета. Найти материал по родовым

знакам оказалось не очень сложным делом, а вот реальным шоком стал тот факт, что изображение на тамге из моего сна, и на рисунке из научного труда известного абхазского учёного Шалвы Денисовича Инал-Ипа, действительно принадлежало княжескому роду Цанба.

Головная боль временами становилась нестерпимой. Вообще моё состояние напоминало состояние сильного похмелья, хотя спиртного я не пил. Плюс липкая, влажная августовская жара, от которой не было спасения. К тому же, пользуясь молодёжным сленгом, я сознавал, что древняя эта, почти детективная история, начинала «сносить мне крышу»!

Распечатав солидную пачку листов с найденными в интернете материалами, приняв три таблетки ибупрофена, я рискнул снова погрузиться в тему.

Сначала было трудно читать, текст никак не хотел усваиваться, но со временем я стал привыкать. К тому же головная боль немного отступила. И чем глубже я погружался в текст, тем больше ощущал знакомое, но подзабытое чувство из детства, когда по непонятной причине я внезапно просыпался на рассвете, и некоторое время шёл как бы внутри узкого коридора своего сознания, не зная точно, где сон, а где реальность.

И сейчас я утрачивал ощущение реальности, слипались глаза, буквы начинали расплываться, внутри сознания в клубах розового тумана появлялись нечёткие видения, которые я не мог разобрать, а в ушах возникали странные звуки, какофония какая-то, перекрываемая шумом дождя.

Из странного, почти наркотического состояния меня ненадолго вывел свежий ветер, ворвавшийся в комнату со стороны моря. За окном действительно шёл сильный дождь. Небо из спокойного ярко-голубого превратилось в тревожное серо-фиолетовое, сверкнула молния, за ней вторая, а затем небеса обрушились на землю со страшным грохотом. Гром должен был бы вывести меня из состояния транса, но, как ни странно, наоборот, комната, и предметы вокруг меня стали терять очертания и, в конце концов, будто растворились в том самом розовом тумане...

Небо нависло над великим городом, как перевернутый кем-то бездонный синий сосуд. Ярко-синий цвет неба живописно контрастировал с белыми стенами и терракотовыми черепичными крышами домов, плавно и торжественно стекающих с холмов в низины.

Шёл девятый день пятого месяца Maius, восемьсот тридцать третьего года ad Urbe condita, то есть от основания Рима. Император Тит Флавий наконец-то завершил начатое его отцом, императором Веспасианом, строительство гигантского амфитеатра в центре Рима. Сооружение, истощившее римскую казну, действительно получилось грандиозным. Его сразу же стали называть амфитеатром Флавиев.

Расположенный в естественной ложбине между тремя холмами, он поражал взгляд размерами и величественной архитектурой. Стены цирка из природного камня уходили ввысь, на пятьдесят метров четырьмя мощными и одновременно элегантными

ярусами. Фасад нижних трёх украшали галереи, обрамлённые колоннами.

Изнутри сооружение впечатляло ещё больше. Огромная арена в форме эллипса, пятьдесят тысяч зрителей в амфитеатре, укрытых от прямых лучей солнца огромными полотнищами парусного полотна, натянутыми военными моряками на корабельные мачты по периметру верхнего яруса. Подобного колоссального сооружения мир ещё явно не знал.

Возможно, Тит собирался сохранить своё имя в истории не только как мудрого и справедливого правителя, несущего Риму процветание и стабильность, покровителя искусств, но и как выдающегося «зодчего», ибо одновременно с цирком, в Риме построили ещё два, чуть более скромных, но впечатляющих архитектурных шедевра: – Храм Мира и Арку Тита.

Я стоял на балконе второго яруса амфитеатра, наблюдая сверху за происходящим на арене. Находясь в узкой части эллипса, я мог видеть почти всё, что происходило внизу.

Согласно Уставу, принятому ещё Консулом Гаем Марием, на мне был тяжёлый панцирь-катафракта центуриона «примипила», с наградными знаками-фалерами, поножи и массивный шлем Всадника с нащечниками и посеребрённым гребнем. Помимо гребня, на шлеме, с правой стороны красовался золотой родовой знак.

Этот знак был предметом особой гордости тех, кто имел право прикреплять его к шлему, и острой зависти тех, кто такого права не имел. А правом

носить такой знак-тамгу обладали, с недавних пор, только знатные сарматские и аланские воины, а также выходцы из прибрежных территорий Euxēinos Pontos, «Гостеприимного Моря» – колхи, апсилы, абазги, вставшие под знамена Римской империи и введённые в сословие Всадников. Такие, как я.

Там, внизу, на арене, только что закончились сражения гладиаторов. Тела убитых уже были убраны, рабы посыпали арену чистым золотистым песком, специально привозимым из ближайшего карьера в долине реки.

Пространство арок между мощными колоннами было перегорожено металлическими решётками. У каждой колонны дежурили солдаты Первой центурии Шестнадцатого Стойкого Флавиго Легиона. Мои солдаты.

Легионеры стояли, как изваяния, и смотрелись очень живописно на фоне светло-серого камня колонн в блестящих своих шлемах и панцирях, одетых поверх ярко-красных рубах. Массивные щиты воинов были раскрашены в красно-жёлтые цвета, хорошо видимые издалека.

Я поднял взгляд. По правую руку от меня, немного выше уровня балкона, над площадкой, покрытой коврами, был натянут балдахин из красного шёлка. В центре площадки, окружённый знатью, восседал в высоком кресле сам Тит Флавий Веспасиан, император Рима. Он был явно доволен сегодняшним праздником. Отпивая вино из узкого высокого бокала, Тит что-то оживлённо рассказывал сидевшей рядом своей любовнице Беренике, правнучке Ирода Великого, царя Иудеи.

Получив несколько лет назад развод от законной второй жены, Фурниллы Марции, Тит привёз Беренику из Иерусалима, и поселил в своём дворце. Оформить брак с иудейкой при жизни отца, императора Веспасиана, Тит не решился. Да и сейчас, когда отца уже не было в списке живых, что-то, видимо, сдерживало его.

Меня император не замечал, несмотря на относительно небольшое расстояние. Но его спутница, словно почувствовав мой взгляд, слегка повернула голову в мою сторону, и будто метнула глазами две молнии, яркие и злые. Невидимые окружающим, меня они невольно заставили вздрогнуть. Береника же вновь обратила лицо к своему покровителю, с почтением внимая ему. Слова императора то и дело прерывались его же громким смехом.

Моё же настроение нельзя было назвать радостным.

Сегодня мне предстояло лишиться жизни, казнить человека, приговорённого к смерти. Нет, не человека даже, а жалкое его подобие. Растреленного типа, насильника и убийцу, на руках которого была кровь невинных жертв. К тому же, как стало известно, тайного заговорщика, врага государства.

Но ни личность приговорённого, ни его грехи меня особо не интересовали. Почему я?! Вот вопрос, который вставал передо мной снова и снова. Но где я мог получить ответ?

Очень странный, необъяснимый приказ императора. Поручить руководство казнью Всаднику, примипилу, опытнейшему воину, не раз доказавшему в жестоких схватках с врагом преданность Риму,

и роду Флавиев. Спасшим, в своё время, от верной гибели нынешнего императора.

Тем более, что для подобных целей существовали соответствующие службы и люди.

Но, увы, приказы императора не обсуждаются.

К тому же я был обязан сначала разыскать преступника, скрывавшегося где-то в огромном городе. Опять же, почему я?!

Поиск, однако, не представлялся мне делом уж очень трудным.

Аgentes in rebus. Центурия тайной службы, которой командовал аланский Всадник, мой друг и боевой товарищ по многочисленным сражениям, центурион Итаз.

Именно его люди, в конце концов, выследили и схватили преступника.

Мне было неизвестно, понимает ли он, зачем и по чьему приказу схвачен, для чего доставлен именно сюда, в амфитеатр, и какая участь его ожидает. Но для меня это не имело значения. Главное, что это знал я.

Я знал, что сегодня он умрёт. Очень, очень скоро. И я знал, как это произойдёт. Ибо способ казни был выбран без моего участия.

Смерть должна быть публичной и ужасной. Его отдавали на съедение львам.

Подходил к концу перерыв между зрелищами. Следующим и должна была стать травля хищниками.

В нижнем ярусе, в секторе напротив ложи императора беззвучно раздвинулись створки решётчатых ворот, через которые на арену потянулась скорбная колонна. Шеренгой, один за другим шагали по пес-

ку, с трудом волоча ноги, приговорённые к смерти. С двух сторон каждого из них сопровождали по легионеру. Их тренированные тела, блестящие доспехи и красные плащи резко контрастировали с измученными, одетыми в грязное рубище осуждёнными.

Их, всего двенадцать человек, вывели в центр арены, развернули лицом к императорской ложе и поставили на колени. За спиной каждого стоял легионер, держа руку на рукояти короткого меча.

Взоры всех присутствующих устремились к ложе Тита Флавия, в ожидании решения императора. Даже осужденные подняли головы и с надеждой смотрели вверх, ибо Тит, не лишённый тяги к театральности, порой миловал прилюдно кого-либо из приговорённых.

Сейчас же, продолжая беседовать с подругой, он небрежно, как бы между делом, отвёл в сторону руку, немного подержал её на весу, отставил в сторону большой палец и резко опустил его вниз. Что означало – смерть. Для всех.

И, как обычно, жаждущие кровавых зрелищ зрители одобрительно загудели.

Легионеры покинули арену, оставив осуждённых одних. Все зрители, включая самого императора, солдаты и обслуга цирка теперь смотрели на меня.

А я внимательно смотрел на арену.

В одной из тёмных ниш между колоннами первого яруса послышался львиный рык. Через мгновение жуткие эти звуки, от которых стыла кровь, исходили уже и из-под соседних арок.

Я достал белый платок, чтобы подать сигнал. Тот самый сигнал.

Именно в этот момент, я уверен, мой «подопечный», понял всё!!! Я увидел будто вблизи застывшее от страха лицо с моргающими глазами, в которых чернели расширенные зрачки, гримасу, напоминавшую безумную улыбку, разглядел бусинки пота на лбу, почувствовал исходящий от его тела и одежды мерзкий запах. А на песке вокруг колен расплывалось тёмное пятно влаги.

Сомнений больше не было. Не было переживания. И не было никакого чувства жалости.

Я крепко сжал платок, поднял руку, выдохнул воздух и...

И время остановилось, но всего на мгновение. А затем стало как бы раскручиваться назад. Исчез куда-то многоголосый шум римской публики, ожидающей кровавого, но захватывающего зрелища, да и сам амфитеатр Флавиев остался где-то вне пространства моего присутствия, моих ощущений.

А город, который сейчас лежал передо мной, не был Римом. Его нельзя было перепутать ни с каким другим. Не похожий ни на один город в мире, он, оставшийся в моей памяти навсегда, назывался – Иерусалим.

Древний, выстроенный из белого известняка, обладавшего свойством накапливать днём яркий солнечный свет, а ночами загадочно светиться, испуская его.

Шумный, многоязычный, весёлый, и одновременно опасный, насыщенный мистической энергетикой. Город, в запутанных неосвещённых улочках которого музыка, танцы, красивые и доступные

женщины причудливо уживались с отравленным вином и острыми кинжалами, спрятанными под одеждами таинственных и безжалостных убийц. Город, где ортодоксальная религиозность повсеместно соседствовала с распутством.

Никто не мог точно назвать возраст этого древнего города и рассказать его историю. Для иудеев было важно, что царь Ирод Великий вернул его, отвоевав с помощью римлян у парфян в 716-м году по римскому летоисчислению. И именно Ирод восстановил и значительно расширил святыню – Второй Иерусалимский Храм. И это было главным! Да и сам город достиг величия, превратившись в торговый и финансовый центр. В историю Ирод вошёл ещё и как правитель, спасший свой народ от голода, ибо в год страшного неурожая закупал на свои средства зерно и раздавал людям. При нём велось активное строительство зданий, крепостей, дорог.

Жестокое, но гибкое правление царя обеспечивало определённую стабильность в самой Иудее, и одновременно, Ирод Великий поддерживал неплохие отношения с Римом.

Ситуация стала постепенно меняться после ухода царя из жизни в 749-м году.

Наследники царя не были столь мудрыми и жёсткими, как он. И медленно, от десятилетия к десятилетию Иудея и город Иерусалим скатывались к междоусобным распрям и кровавому хаосу.

И тогда стоял весенний месяц *Maïus*. Только в отличие от тёплой, но мягкой римской весны, здесь, в Иудее, безжалостное солнце буквально плавало своими лучами металл и скальную породу окружа-

ющих город холмов. Изматывали и частые, возникающие неожиданно, песчаные бури.

В общем, не могу назвать лёгким переход нашего легиона из Сирии к стенам Иерусалима. Долгий и мучительный – будет правильнее сказать.

Итак, 817-й год. Мне – двадцать восемь. К тому времени я успел повоевать в Британии и Дакии, трижды был ранен, отмечен наградами. Уже два года, как командовал смешанной манипулой XII-го Молниеносного легиона, имея в подчинении две пехотные центурии и четыре конные турмы, всего 300 отважных, опытных и проверенных воинов.

Сюда, в Иудею, нас переводили по просьбе нового Прокуратора – Гессия Флора. Он опасался беспорядков. К тому же было пора сменить римский гарнизон. А ещё по настоянию Гессия Флора Император Нерон поручил временное командование нашим легионом Юлию Тиберию Александру, бывшему Прокуратору Иудеи. Видимо, Гессий понимал, что стоит попробовать договориться обо всём мирно, а вести переговоры самостоятельно не умел. Здесь как раз и должен был пригодиться опыт и авторитет Тиберия.

Разместились мы в казармах военного поселения, выстроенного много лет назад за пределами городских стен Иерусалима, недалеко от Яффских ворот.

Даже снаружи город производил впечатление. Окружённый тремя рядами мощных крепостных стен с несколькими десятками башен, он выглядел неприступным. Не терпелось попасть внутрь, но, увы, времени на ознакомительную «вылазку» пока

не было. Не было его даже на отдых после утомительного перехода, ибо через три дня ожидался приезд самого Прокуратора.

Гессий Флор, как говорили, был человеком придирчивым, жестоким, скорым на расправу. Да и назначение его и визит в Иерусалим пришлись не на самые спокойные времена. Потому он не задержался в своей резиденции в Кесарии, а направился прямо в столицу Иудеи.

Так что подготовка к встрече Прокуратора должна была быть продумана до малейших деталей и организована на высочайшем уровне.

Тиберий отправил гонца к правителю Иудеи Агриппе Второму с просьбой о встрече на следующий день, и тут же собрал командиров манипул, где определил задачи каждому. Мне выпало сопровождать, с двумя турмами конницы, самого Тиберия во дворец правителя, и заодно, проведя разведку территории, продумать маршруты перемещения Прокуратора по городу, и систему безопасности.

Утром, к назначенному времени из лагеря к городу выдвинулась внушительная воинская колонна. Шестьдесят конников, по сути, элита легиона, в сверкающих панцирях и шлемах, на отдохнувших, свежих лошадях в парадной сбруе, конечно, производили впечатление, привлекая внимание, собрав толпы горожан. Впереди колонны, в парадных доспехах гарцевал сам Тиберий, Всадник-легат, командующий легионом римских войск.

Путь к дворцу я уже изучил по карте, он находился совсем недалеко, за Яффскими воротами,

почти у внутренних крепостных стен, поэтому проблемой с движением конвоя не было.

Агриппа принял римского посланника в тронном зале, в присутствии свиты, с почестями, соответствовавшими статусу высокого гостя.

Встреча была, по сути дела, протокольной, подготовительной, но, одновременно, очень важной, ибо предстояло обсудить все нюансы будущих переговоров с Прокуратором, выработать основу взаимоотношений Иудеи с метрополией, приемлемых для всех сторон, и, наконец, саму программу пребывания Гессия Флора в Иерусалиме.

Находясь, согласно правилам, за спиной Тиберия, сидящего в кресле, я обратил внимание, что в зале стояли два трона. Мне было известно, что сестра Агриппы, Береника, являлась формальной соправительницей Иудеи, ещё я знал, что когда-то она была замужем за братом Тиберия, но он давно умер. Сегодня, по неизвестной мне причине, второй трон был пуст.

После переговоров Агриппа пригласил гостей на обед. В отличие от римских традиций трапезничать полужёжа, в соседнем помещении, стены которого были украшены впечатляющей настенной живописью, был накрыт стол, ломившийся от изысканных яств. Местные сорта вин, подаваемых к еде, также оказались выше любых похвал.

Тиберий был очень доволен, он явно считал день удачным. Я же не мог позволить себе расслабиться. Сопроводив командующего в лагерь, я с небольшой группой всадников, сменивших парадные доспехи на повседневную форму, частично скрытую под лёгки-

ми плащами, отправился изучать город. Вернулись мы поздно вечером, обогащённые приличным объёмом знаний, необходимых для выработки мер по возможной защите прокуратора при посещении им города. Их предстояло ещё уточнить, конкретизировать детально, и завтра представить на утверждение Тиберию!

Прокуратор Иудеи Гессий Флор прибыл в Иерусалим, как и планировалось, на третий день, ранним утром. Очевидно, имея прекрасных проводников, Прокуратор, сопровождаемый небольшой свитой, и всего сотней отборных всадников, использовал ночные переходы, дабы защититься от изнуряющего дневного зноя.

Наш XII-й Молниеносный легион, а вернее, его пешие манипулы, был выстроен на плацу лагеря в форме каре. Конные же турмы, получив известие о приближении колонны Прокуратора, выступили, в парадных доспехах, под командованием Тиберия, навстречу.

Зная о подозрительности и осторожности Прокуратора, Тиберий предположил, что тот не примет приглашения Агриппы остановиться в его дворце в качестве личного гостя. Посему преториум, или временная резиденция Гессия Флора, был обустроен на территории лагеря, в самом внушительном и удобном, во всех смыслах, здании.

Следующий день, день первой встречи нового римского Прокуратора Иудеи с её правителями должен был стать знаковым, скорее даже решающим для дальнейшей судьбы провинции. Она, эта судьба, напрямую зависела от результатов самой встречи,

их успеха либо провала. Чувствовалось, что Гессия Флора беспокоит, нервирует неопределённость, мешавшая, судя по всему, выработать единственно правильную линию поведения и сформировать реальный и справедливый пакет условий, приемлемый и для другой стороны. Потому он несколько раз приглашал Тиберия в преториум и подолгу советовался с тем.

Знал бы я, что ждёт лично меня завтра, какой неожиданный поворот судьбы готовят Небеса?

Визит в столицу провинции самого Прокуратора предполагал более пышный ритуал встречи, нежели прошлый раз.

Задолго до выезда процессии, в город выдвинулись двадцать из тридцати пеших манипул легиона. Три тысячи римских легионеров, в парадных доспехах, выстроившись вдоль пути следования высокого гостя, с обеих сторон дороги, выглядели торжественно, внушительно, и очень живописно!

Агриппа объявил день приезда Гессия Флора – праздничным! И горожане, осведомлённые о прибытии Прокуратора, высыпали на улицы Иерусалима. В руках у женщин были букеты цветов, многие лица светились улыбками, хотя попадались и весьма угрюмые. И именно наличие в толпе подобных, явно недовольных людей, вызывало тревогу и волнение.

Но в целом, живописное, красочное зрелище соответствовало ощущению праздника, вселяя надежду на грядущие добрые перемены в жизни.

Внешне всё радовало глаз: ярко-красные плащи легионеров, позолоченные доспехи, сверкающие под ярким солнцем, раскрашенные щиты, и нарядные,

цветные одежды жителей Иерусалима. А вокруг, словно естественные декорации античного театра – постройки из белоснежного известняка, крепостные башни, дворцы.

Агриппа, в свою очередь, тщательно подготовился к встрече! Ему очень хотелось произвести впечатление на гостя. Выказывая высочайшее почтение своим вниманием и гостеприимством, правитель рассчитывал, возможно, задобрить того, сделать более мягким, и, в конечном итоге, сговорчивым!

Во внутреннем дворе резиденции в торжественном карауле стояли солдаты личной гвардии правителя в не менее впечатляющей, чем у римлян, яркой, немного экзотичной форме с римскими штандартами в руках. (И, как выяснилось, без боевого оружия, с муляжами мечей). Белые каменные плиты, которыми был выложен двор, оказались сплошь усыпанными лепестками роз.

За безопасность Прокуратора отвечал наш легион, единственный в Иерусалиме, и лично Тиберий. Но если употреблять фразу – отвечал головой – то касалась она скорее не Тиберия – патриция, Всадника, прославленного полководца, друга Тита Флавия. Его голова, скорее всего уцелела бы при любом развитии ситуации, а вот мы, командиры манипул и центурий легиона, ответили бы по всей строгости. Тем более, что в свои заместители из тридцати командиров манипул Тиберий выбрал двоих, баска Эредию и меня. О неблагоприятном исходе визита Прокуратора, правда, не хотелось думать, но и не думать было нельзя.

Гессий Флор, почитатель, как оказалось, ещё и театральных эффектов, потребовал колесницу для въезда в Иерусалим! Дело в том, что практически в каждом гарнизоне хранились бывшие боевые колесницы. Бывшие потому, что уже несколько десятилетий их перестали применять в сражениях, а использовали, в основном, в ритуальных, зрелищных целях. Для реконструкции сцен былых битв, гонок на ипподромах, красочных военных парадов.

Колесницу срочно подготовили: отмыли, отчистили, заменили детали из кожи, освежили краску, отполировали покрытые тонким слоем золота металлические части. Смазали колёса, и облачили в парадные попоны четвёрку лучших лошадей!

Так что зрелище въезда в столицу нового Прокуратора оказалось действительно впечатляющим. По крайней мере я запомнил его на всю оставшуюся жизнь! Представьте себе такую картину: – яркое солнечное утро, глубокое синее небо, редкие светлосерые, будто нарисованные неведомым художником облака, легко и грациозно плывущие над белым городом, его дворцами и храмами. Улицы, заполненные толпами горожан в разноцветных одеяниях, море цветов, золотые блики от панцирей и шлемов римских легионеров, образующих коридор, ведущий через городские ворота ко дворцу царя.

Внутри коридора – две группы всадников в таких же сверкающих доспехах, движущихся по направлению к городу на великолепных скакунах, а между ними, в центре – огромная колесница, запряжённая четвёркой лошадей, обтянутая красной кожей, украшенная объёмными золотыми эмблемами.

И в ней сам Гессий Флор, Прокуратор Иудеи, в бело-снежной тоге, в ярко-красной, развевающейся на ветру, накидке! Картина, достойная кисти лучшего живописца!

Тиберий и я со своими конниками входили в головную группу сопровождения, так что к дворцу Агриппы мы подъехали первыми.

Агриппа встречал гостя во дворе, у ступеней, ведущих во дворец, в парадном одеянии, с короной на голове. Рядом с ним, тоже в короне, стояла молодая женщина, нет, не женщина, а скорее, юная девушка! Сказать, что она была красива, значит не сказать ничего! О небеса, никогда в жизни не встречал я таких красивых женщин! Броская, вызывающая красота, не подпадающая ни под какие стандарты! Матовая кожа, чёрные локоны с синеватым отливом, струившиеся волнами из-под золотой короны на округлые плечи, тонкая талия, изящные, будто из-под рук скульптора, плавные линии бёдер, которые не могло скрыть шёлковое платье свободного покроя. Немного полноватые, но оттого ещё более манящие руки, открытые до локтя, чувственные, слегка пухлые губы...

Я не мог оторвать взгляда от незнакомки. Видимо, почувствовав его, девушка, не поворачивая головы, посмотрела мне прямо в глаза. Всего на секунду, но этого оказалось достаточно, чтобы я потерял голову! Сразу, окончательно и бесповоротно!

Теперь отошли на второй план все её прелести, которые я только что с таким восторгом беззвучно перечислял. Ибо ничего остальное ни шло в сравнение с её глазами. Я, задыхаясь от неожиданного

волнения, безнадежно пытался описать их, но не мог найти подходящие слова.

Но кто она?! Носить царскую корону имела право только одна женщина в Иудее – сестра Агриппы Второго, его соправительница Береника. Царицу я никогда, естественно, не видел, но мне был известен её возраст. Сестра Агриппы была минимум лет на десять старше меня, так что та девушка, которая стояла сейчас рядом с царём, не могла быть Береникой! Я путался в догадках, но ничего внятного, увы, не приходило в голову.

Сошедший с колесницы Прокуратор невольно разрешил мои сомнения. Ибо ему предстояло выслушать приветствие от народа Иудеи, а огласили его соправители провинции. Каждый свою часть в отдельности.

Так что девушка, чей взгляд так взволновал меня, действительно оказалась царицей Береникой! Этот факт явился толчком второй волны моего волнения, ведь напрашивался вроде бы простой, но важный вопрос: – как же сорокалетняя женщина умудрилась, практически без косметики на лице, выглядеть столь юной?!

Протокол первого дня был согласован заранее, он предполагал только торжественный приём в честь высокого гостя, и никакого официоза. Переговоры были перенесены на следующий день.

Пир, организованный Агриппой и его сестрой, заслуживал самой высокой похвалы. Небольшая свита Гессия Флора состояла из командующего легионом Юлия Тиберия и двух заместителей командующего, Эредии и меня.

Залы дворца, и так отличавшиеся изысканным декором, были заставлены напольными вазами с радующими глаз художественными композициями из живых цветов. Каменные полы сплошь устланы яркими коврами из тончайшей шерсти, привезёнными, скорее всего, из Сирии.

Для застолья на этот раз был избран традиционный римский стиль. Гости и хозяева устроились на специальных низких лежанках с удобными подушками вокруг декоративного фонтана. Заправленные маслом керамические светильники создавали зыбкий, немного загадочный уютный полумрак, в специальных чашах курились благовония, в сложном букете ароматов которых угадывались ладан и каннабис. Еду и напитки разносили, бесшумно передвигаясь между гостями, молодые, прекрасно сложенные рабыни в полупрозрачных одеяниях.

По поведению и выражению лица Прокуратора было трудно определить, доволен ли он приёмом, и как, в целом, настроен. Угощение, кажется, ему понравилось, молодых рабынь он провожал плотоядными взглядами, да и улыбался иногда сопровителям, особенно Беренике, поддерживая с ними разговор.

Так сложилось, что я оказался вблизи от царицы, нас разделял лишь Тиберий, а поскольку гости расположились полукругом у фонтана, Береника была очень хорошо видна мне. А если говорить точно, это я был прекрасно виден ей! Ибо именно она постоянно смотрела на меня. А когда её взгляд встречался с моим, порой возникало чувство, что в глубине чёрных, как уголь, зрачков царицы вспыхивает жёлтый

огонь, как в глазах пантеры или пумы, и тогда казалось, что две жёлтые молнии пронизывают меня, проникая куда-то внутрь меня, в сердце и душу.

И снова я испытывал величайшее волнение. Я чувствовал себя беззащитным, потерявшим силу воли юнцом, а не взрослым, опытным воином. Было что-то колдовское в необычной этой, загадочной женщине, подавляющее мою волю. К тому же выпитое вино и дымок каннабиса усугубляли волнительное состояние моей души, делая её покорной, лишая возможности противиться мистическим чарам Береники.

Было далеко за полночь, когда Гессий Флор наконец пресытился застольем, устал от общения, и откровенно зевая, показал Агриппе знаками, что пора бы закругляться.

Для отдыха Прокуратору была выделена часть помещений на втором этаже, куда, провожая его, направились Агриппа, его сестра и Тиберий. Я же, радуясь возможности хоть на время избавиться от настойчивых взглядов царицы, занялся, вместе с Эредией, организацией охраны Прокуратора.

Снаружи во дворец не проникла бы и мышь, столь плотным кольцом окружали его наши легионеры, во внутренние же покои мы отправили двенадцать воинов. Не думаю, что Гессию Флору что-либо угрожало во дворце, но правила безопасности оставались правилами, им необходимо было следовать. Пообещав сменить Эредию утром, я, совершенно обессиленный и внутренне опустошённый, отправился спать в лагерь.

Я искренне надеялся, что остаток ночи вкупе со сном рассеют, унесут мои беспокойные мысли, погасят душевное волнение, и всё вернётся на круги своя.

Как выяснилось, задобрить Прокуратора не удалось. Гессий Флор был груб, держался высокомерно, стучал кулаком по столу, постоянно переходя в разговоре на крик. Переговоры, которые вёл с ним Агриппа, по сути дела переговорами не являлись, скорее, царю Иудеи пришлось выслушивать ультиматум, жёсткий и неразумный. Ультиматум, принять который, а тем более выполнить, было совершенно нереально! Проблема состояла в огромной сумме платежей Риму, которую требовал Прокуратор!

Агриппа довольно робко пытался объяснить, что таких денег просто негде взять, просил отсрочки хотя бы на год, дабы навести порядок в беспокойных регионах провинции, на что тоже требовались средства.

И тогда Гессий Флор произнёс фразу, которая, как оказалось, предопределила, в недалёком будущем, трагическое развитие событий в Иудее. Он сказал: – Нет денег в казне, возьмите в Храме! Там несметные богатства. Или я возьму их сам, силой, но тогда я разрушу Храм! Даю вам три месяца!

На следующий день Прокуратор отбыл со своим отрядом в резиденцию в Кесарии.

Вечером того же дня дежурный командир центурии доложил, что ко мне прибыл гонец из дворца Агриппы. С какой миссией, почему ко мне, через голову Тиберия?! Я, конечно, предположил, кому именно я мог понадобиться, что и подтвердил по-

сланник: – он выполнял приказ царицы. Соправительница настоятельно и срочно просила меня прибыть во дворец.

Тиберий был удивлён, но приказал мне ехать. Накинув поверх доспехов тёмный плащ, без шлема, чтобы не привлекать излишнего внимания, я прибыл во дворец. Встретивший у входа начальник царской гвардии провёл меня в покои царицы, предложил сесть, попросил подождать, и вышел, плотно приотворив дверь.

В комнате никого не было. Я снял накидку, удобно устроился в одном из мягких кресел, и огляделся.

Убранство достаточно большого зала выдавало, что это женская половина дворца. Утончённый орнамент декора, большое количество шёлковых штор, драпировок, миниатюрная изысканная мебель из экзотических сортов деревьев, искусно расшитые подушки... Стены украшали прекрасно выполненные фрески с изображением откровенных любовных сцен. Отблески дрожащего пламени светильников и здесь создавали уютный волнующий полумрак, а в воздухе витали ароматы курившихся благовоний.

Бесшумно отворилась дверь, две рабыни молча внесли и поставили на низкий столик перед моим креслом серебряные подносы с фруктами и вином, и так же беззвучно удалились.

Я налил себе вина из кувшина. Это было местное вино, густое, ароматное, но слишком сладкое и крепкое. От нескольких глотков по телу разлилось тепло, стала понемногу отступать тревога, которая почему-то шевелилась внутри меня, хотя я и пытался держать себя в руках.

Я знал, кого я жду, но не мог пока представить, чего жду. Воспоминания же о приёме в честь Прокуратора, о неразгаданных до конца взглядах царицы снова взволновали меня, раскачивая эмоции от невольного страха перед неизвестностью до животной страсти, когда внутри тела и сознания разгорается пожар, который почти невозможно погасить, когда плоть становится неуправляемой, доминирующей во всех поступках.

Так что, пытаясь разобраться в происходящем внутри меня, я упустил момент, когда в зал вошла та, которая и являлась причиной моего смятения.

Береника медленно приближалась ко мне в ореоле загадочного сияния, будто паря над ковром, устилающем пол. С глазами, горящими жёлтым огнём, с улыбкой на прекрасном лице. И это не было привычной, нежной или страстной улыбкой женщины в момент любовного свидания. Нет, это была улыбка триумфатора, не женщины, но царицы, заполучившей в собственность раба, женщины, уверенной, что её желания, или капризы сбываются, причём всегда, и именно так, как хочется ей!

Короткая туника, «стола», из совершенно прозрачной ткани, не могла скрыть великолепие тела царицы, будто вылепленного руками талантливого скульптора, слегка полноватого, стройного, с идеальными линиями талии и бёдер, с крепкой, небольшой девичьей грудью. И ещё этот манящий тёмный треугольник внизу живота...

Эта женщина свела бы с ума любого! Любое возможное сопротивление её натиску было обречено на провал.

И ведь я не был желторотым прыщавым юнцом, девственником, подглядывающим за купающимися в море или озере женщинами, знающим о любви из рассказов более старших своих друзей, мечтающим о чём-то ещё неизведанном и желанном, и потому истекающим по ночам семенем от неясных картинок во сне.

К своим неполным тридцати годам, будучи к тому же неженатым, я познал огромное количество женщин. Ведь в любом захолустье империи, не говоря о больших городах, можно обнаружить самые различные заведения, призванные скрасить жизнь «озабоченных» мужчин: – дома свиданий, термы с девушками и мальчиками «под заказ», массажные «гостиные», где предлагаются самые-самые фантастические плотские приключения, на любой вкус, в зависимости от интересов гостей и количества золотых или серебряных монет – ауреусов, денариев и систерций – в их кошельках. Конечно, и мне приходилось эти заведения посещать, и нередко, надо сказать. И не нужно забывать, что хорошо сложенный, физически сильный молодой легионер представлял особый интерес для избалованных жизнью пресыщенных патрицианок.

Так что «техническая» подготовленность вкупе с мощной внутренней энергетикой и физической силой, как правило, гарантировала мне полный успех в любовных ристалищах. Только обычно, при встречах с женщинами, ход событий определялся мною.

Но, видимо, не сейчас, ибо я, как воробей, обездвиженный гипнотическим взглядом змеи, а вернее, большой красивой хищной кошки, будто расплавил-

ся в жёлтом пламени её глаз, растворив в нём свою волю и разум.

Когда-то, ещё на родине, в Апсилии, мальчишкой меня наняли помогать по хозяйству в небольшой римский гарнизон, стоявший вблизи тогдашней Диоскуриады. Я был смышлён, хорошо развит физически, владел основами джигитовки, и проявлял интерес к военному делу. Вечерами свободные от службы легионеры показывали мне приёмы владения мечом, копьём, или дротиком, приучали к тяжёлым римским доспехам. А заодно любознательный подросток впитывал в себя латынь.

Успехи были настолько значимыми, что примерно через полтора года командир гарнизона предложил моим родителям отправить меня на учёбу в метрополию. Посоветовавшись со старейшинами рода, отец дал согласие.

На корабле я, вместе с ещё восемнадцатью юношами приплыл в Византий, город «двух морей», как его называли. Здесь, в восточной части Римской империи, находилась одна из лучших военных школ. Собственно, это было учебное заведение, где помимо военных дисциплин слушателей обучали, как в элитных «Риторических школах»: ораторскому искусству, греческой и римской литературе, математике, геометрии, праву.

Ну и, конечно, нас до изнеможения муштровали основные наши наставники. Учебным плацем заведовал *campidoctor*. Боевому фехтованию обучал *doctor armorum*, верховой езде – *exercitator*. Кроме занятий в школе, на плацу, нас выводили на регулярные марши и учения на природе, в полевых условиях.

Программа обучения будущих воинов великой империи, как выяснилось, включала в себя такой экзотический предмет, как искусство любви. Раз в месяц молодых школяров возили в самый «злачный» район, у городского рынка, где в домах свиданий специально подготовленные рабыни делились с нами, подростками, премудростями древней своей профессии, обучая методам обольщения, способам и технике любви.

Это вызвало на первых порах сильнейший шок у нас, выходцев с Кавказа, ибо на родине нас воспитывали в соответствии со строгими нормами кодекса поведения, в котором порядочность, справедливость, мужество и высокая нравственность являлись доминирующими.

Но в метрополии, увы, всё было по-другому, здесь руководствовались иными принципами морали, встроенными в привычную систему воспитания, подготовки будущего гражданина Рима к жизни, а скорее, выживанию в реальных условиях. Так и выпустили нас из военной школы, полностью готовых к самостоятельной жизни, с десятью серебряными денариями в кошельке, холщовым мешочком, в котором по традиции лежали несколько луковиц, и направлением в один из многочисленных римских гарнизонов.

Так что, если позабыть об ускоренных «курсах» обучения технике любви тогда, в юности, то сегодня, в покоях царицы, впервые за всю мою сознательную взрослую жизнь, мною, говоря образно, овладела женщина. Уверенно, агрессивно, с таким напором, противиться которому не было никаких шансов.

О цели нашей встречи изначально догадаться было совсем несложно, но я, честно говоря, представлял себе любовное свидание с красавицей Береникой немного по-иному. Мне хотелось видеть его красивым, романтичным, более чувственным, наконец. Полноценным праздником любви для двоих! Немного загадочным, как и обстановка вокруг нас, в покоях царицы. Но, увы!

Что это было?! Тайфун, ураган, или другой подобный природный катаклизм?! Например – смерч! Сравнение подходит. Всё произошло стремительно! Единственное, что мне удалось запомнить, так это вкус поцелуев, а правильнее – вкус губ царицы, непохожий ни что в мире, немного ягодный, немного медовый, пьянящий, терпкий как вино! И кожа Береники, матовая, упругая, с едва заметным жемчужным отливом, как будто светящаяся в полумраке, источала непривычную, сложную смесь ароматов: Что-то от восточных пряностей, луговых трав и пчелиных сот.

Мы как бы оказались в эпицентре того самого смерча, смешавшего желание со страстью, вознёсшего два сплетённых тела высоко-высоко, к сияющим вершинам блаженства, откуда они, через некоторое время, обессиленные, рухнули вниз.

Такой мощный энергетический и эмоциональный взрыв должен был истощить каждого из нас. Тело и душа нуждались во времени на осмысление того, что произошло, а главное, как именно всё случилось, и в передышке, чтобы восстановить силы.

Я поднял глаза. Береника полулежала, откинувшись на подушки, напротив, и внимательно глядела на меня. О, Небеса! В её темных зрачках снова раз-

горалось уже знакомое мне жёлтое пламя. В них не было и намёка на нежность, не было и страсти, а только всепожирающий огонь безумного желания!

И лишь когда сквозь неплотно задёрнутые шторы в комнату стал проникать свет нового дня, я взмолился, пытаясь остановить эту ненасытную фурию! Я должен был принять участие в утреннем построении на плацу лагеря, иначе меня ждали серьёзные неприятности.

Законы римского военного права были жёсткими, а учитывая реальную ситуацию, невыход без уважительной причины на смотр мог быть признан изменой. Преступника в таком случае передавали для суда в совет трибунов, либо судьбу его решал легат легиона, командующий, или префект, второе лицо по старшинству.

К построению я успел, но заработал осуждающий взгляд командующего. Позже, вызвав к себе, Тиберий освободил меня от дежурства по лагерю, и отправил, в приказном порядке спать! Вопросов мне он не задавал, только посоветовал быть внимательным и осторожным. Добавив при этом, что по договорённости с Императором, его в ближайшее время должны заменить. Он, в принципе, догадывался о новом назначении, и официально объявил, что я нужен ему, и, следовательно, мы отбудем вместе.

Меня он знал много лет, мне довелось не раз сражаться с врагами под его руководством, к тому же командующий был старше, опытнее и мудрее, относился ко мне немного по-отечески, но главное, я думаю, Тиберий Александр, бывший в своё время Прокуратором Иудеи и родственником Береники,

знал гораздо больше, чем мог знать я, прекрасно понимал, что происходит, и пытался обезопасить меня.

Отпуская, царица, тоном, не терпящим возражений, объявила, что снова ждёт меня во дворце через два дня, вечером. Ждал и я!

Чувства восторга от ожидания новой встречи сменялись чувствами страха и тревоги, когда я вспоминал светящиеся глаза Береники, колдовской взгляд, проникающий в меня, и делающий меня беспомощным. Я мечтал о горячих, изысканных ласках, и нежных словах, обычно произносимых шёпотом, которые так и не услышал в первую ночь. Поражался опытности, изобретательности и неуёмности новой своей любовницы. Пытался представить, как возьму инициативу в свои руки...

Но главное, мне предстояло объявить царице о скором переводе из иерусалимского гарнизона. И, возможно, именно это могло стать самой-самой сложной задачей!

Так и оказалось. У меня не хватило мужества поделиться новостью сразу, и лишь утром, после очередной безумной ночи, я, собрав волю в кулак, и стараясь не глядеть в глаза Береники, произнёс, как мне казалось, торжественно, но с оттенком грусти:

– Царица, любовь моя, к сожалению, Небеса вмешиваются в наши судьбы, вчера меня уведомили о скором переводе из Иерусалима. Точно неизвестно, когда это произойдёт, но вопрос решён! Царица моя, ты позволишь мне видеть тебя, любить тебя, быть рядом, пока не наступит печальный день моего отъезда?

Тут я заставил себя посмотреть на лежащую рядом обнажённую Беренику. Наши взгляды встретились. Конечно, я предвидел негодование царицы, её искреннее либо изображённое переживание...

Возникла пауза. И в полной тишине я ощутил, как по моей коже, по всему телу будто забегали мурашки, а вернее, поползли отвратительные, невидимые для глаз существа: скорпионы, пауки, змеи. Да и в чёрных зрачках царицы что-то происходило, какое-то движение, напоминающее распутывающийся клубок мелких гадюк.

– Ты придумал это сам? Или, может, тебе подсказал идею кто-то более зрелый, более умный? – Странно, губы Береники были плотно сжаты, но я четко слышал каждое её слово. – Знай же! В этой жизни решения принимаю я! Все! И только я! Ты же захотел поступить по-своему, наперекор мне. Ты даже не набрался смелости сказать правду, а правда в том, что ты – мальчишка, юнец, ты ещё не мужчина, имеющий право на такую женщину, как я! И ты испугался, что естественно! Решил избавиться от меня, озвучив выдумку, первое, что пришло в голову, пытаясь убедить меня, что эти планы начертаны не тобой. Ну так вот! – Царица властно вскинула руку, как бы предупреждая любую мою попытку объясниться. – Ты недостойн меня! И ты – свободен. А судьба твоя в моих руках. И я уже решила: – ты многого достигнешь, поднимешься до таких высот, о каких и не мечтаешь, но ведь и падать с высоты обычно больно. Не волнуйся, тебе не придётся лететь вниз. Просто в один прекрасный день, ты, довольный жизнью, будешь смеяться, кутить с лучшими друзьями,

строить планы на будущее. И именно в этот день ты умрёшь! А сейчас покинь дворец!

Ничего другого мне и не оставалось. Откровенно говоря, за пределами дворца, на улице я вздохнул с облегчением, но, одновременно, что-то явно продолжало беспокоить меня. Очевидно, я представлял себе совсем не такой исход встречи, и явно не собирался расставаться с Береникой врагами. А предсказание судьбы, я это знал точно, не было пустой угрозой. Меня угнетали слова, звучащие до сих пор в моих ушах, и, одновременно было очень обидно, что царица несправедливо обвинила меня, воина, во лжи. Я был смущён и огорчён одновременно.

Но стоило на миг прикрыть глаза, как наяву возникали сцены двух, проведённых вместе ночей, царица в моих объятиях, огонь страсти в её глазах... Снова кровь закипала в жилах, снова затягивал в воронку смерч исступления, безумства и блаженства...

Говорят – время лечит любые раны! Я продолжал нести службу в ожидании прибытия нового командующего. Вскоре на замену Тиберию прибыл Цериал Квинт Петтилий.

Формальности передачи легиона не были долгими, и через три дня небольшой отряд Тиберия, в который входил я, оставил Иерусалим.

В Риме Император Нерон встретил Тиберия с огромными почестями. На приёме во дворце, где было обнародовано назначение Тиберия Юлия Александра Префектом Египта в статусе проконсула, Императору был представлен и я, в качестве Советника Префекта, командующего центурией лич-

ной его гвардии. Что явилось для меня приятной, но неожиданностью.

Служба в Египте могла показаться спокойной, даже комфортной, но только на первый взгляд. Постоянные набеги воинственных племён на границы провинции не добавляли стабильности, к тому же явно обострились отношения внутри Египта, между многочисленными греческими и еврейскими диаспорами, могущими вылиться в серьёзный вооружённый конфликт. Что и произошло, в конце концов.

Странно, но Тиберий, будучи евреем по происхождению, поддержал греков. И когда еврейская община восстала против римской власти, Тиберий, взяв на себя командование двумя легионами: Третьим Киренаикским, и Двадцать вторым легионом Дейотаров, жестоко подавил восстание, перебив около пятидесяти тысяч евреев.

К счастью, в обязанности моей центурии карательные действия не входили. Однако моей службой Префект был крайне доволен, ибо доверил мне, чуть позже, должность заместителя легата, то есть командующего Третьего Киренаикского легиона.

Ну вот – предсказания Иудейской царицы сбылись. Пока, во всяком случае. Карьера моя шла в гору. Саму Беренику я, конечно, не смог забыть, но время сглаживало воспоминания, делая их не такими реалистичными, эмоциональными и яркими, как раньше.

Картинки дальнейшей жизни пролетели в памяти, как один день. Хотя годы эти были насыщены самыми разными событиями: – порой радостными, порой драматичными и трагичными

В 819-м году, неожиданно, видимо, вспомнив былые свои угрозы, Прокуратор Иудеи Гессий Флор приказал ввести XII-й Молниеносный легион в Иерусалим, занять Храм, и изъять храмовые ценности. Иудеи встали на защиту Храма, тогда легионеры убили более трёх тысяч жителей Иерусалима, разграбили Храм, вывезли большое количество предметов, представлявших для иудеев огромную культовую, религиозную ценность.

Недовольство жителей Иерусалима быстро переросло в восстание, которое позже охватило всю провинцию.

Тиберий отправил в Иерусалим из Египта, на помощь Молниеносному легиону сборный отряд в тысячу пеших воинов под командованием Литерния Фронтоня, и двадцать турм конницы под моим началом. Город был в руках восставших, сформировавших Иудейское Временное Правительство. Судьбы Агриппы Второго и его сестры были неизвестны.

Сил легиона было явно недостаточно для штурма хорошо укрепленного города, да и приказ такой не поступал. Так что сражались мы с разрозненными отрядами Элеазара бен Анана в окрестностях города, и в других частях провинции, вплоть до Галилеи, где нам противостояли воины Иоанна Гисхальского.

Так продолжалось полтора года. За это время Император Нерон погасил несколько отвлекающих его силы конфликтов на окраинах империи, и двинул в Иудею огромное войско под командованием Веспасиана Флавия. Легатами, заместителями командующего, стали его сын Тит Флавий и Тиберий Александр.

Разорив Галилею, Веспасиан привёл свои легионы к Иерусалиму.

В Риме тем временем умер Император Нерон. Веспасиан же, являясь одним из претендентов на трон, отбыл в столицу империи, оставив во главе римского войска в Иудее своего сына Тита Флавия. Летом 823-го года Веспасиан стал Императором Рима.

Судя по всему, Тит Флавий пытался избежать кровопролития, не решаясь на штурм. При посредничестве учёного Иосифа Флавия, удалось договориться о встрече Тита с Симоном бар Гиорой, одним из лидеров повстанцев, который слыл человеком порядочным и разумным. Но в стане иудеев, не было, к сожалению, единства, и известие о встрече послужило для некоторых радикалов лишь поводом для начала своей игры.

Встреча была назначена в небольшом поселении в трёх римских милях к северу от Яффских ворот. Тит доверял устным гарантиям бар Гиоры, посему настоял на минимальном отряде сопровождения, возглавить который было доверено мне.

Вечером следующего дня Тит, в сопровождении Иосифа Флавия, меня и всего одной турмы всадников выступил в направлении Яффских ворот.

Проехав чуть больше половины пути наш отряд попал в засаду радикалов. Место было ими выбрано разумно, дорога в этом месте зажата между двух холмов, что резко ограничивало возможности конницы. К тому же тридцать моих конных легионеров оказались окружены примерно сотней прекрасно вооружённых пеших воинов.

Нам доводилось, однако, бывать и в более безнадёжных ситуациях, потому, единственное спонтанное решение могло стать только таким – дать бой, и прорываться.

Конечно, сражаться в таких условиях очень нелегко, но и легионеры, да и сам Тит бились так бесстрашно и искусно, что скоро нападавшие, частично рассеянные, частично напуганные, стали отступать. Мы потеряли несколько конников, был ранен Иосиф Флавий, но победа была уже на нашей стороне. И когда путь был почти расчищен, боковым зрением я увидел, вернее почувствовал копьё, летящее в спину Титу Флавию.

В бою обострены все чувства, и тело чаще поворачивается рефлекторным сигналам, нежели команде мозга. Как бы то ни было, всего одно резкое движение, и я закрыл своего Командующего собственным телом. Копьё попало мне в плечо, пробило доспехи, раздробив ключицу. Из раны хлынула кровь, я потерял сознание.

Наверное, мне повезло! А, может, просто не вышел ещё мой срок. Наш военный лекарь вытащил меня буквально с того света. А дальше был долгий путь к побережью, потом корабль в Сирию.

Выздоровление шло медленно, но шло. Иудейская война к тому времени закончилась долгой кровавой осадой и взятием Иерусалима. Тит, видимо не простивший измены, устроил в городе кровавую бойню, отдав его на разграбление легионерам. Но самое страшное – он приказал разрушить Храм, хотя ранее и он сам, и Тиберий были категорически против.

Затем Тит Флавий и Тиберий Александр триумфально вернулись в Рим, причём Тит Флавий – Императором.

Из Иудеи, помимо славы, Тит привёз, как выяснилось позже, только один личный трофей – царицу Беренику!

В Риме Тиберий получил, помимо всяческих наград и поощрений, должность Префекта Преторианской Гвардии, самой элитной, самой привилегированной части римского войска.

Спустя два месяца, достаточно окрепнув, я прибыл, по приказу Тиберия в Рим.

Тит Флавий, как оказалось, хорошо помнил тот ожесточённый бой у Яффских ворот Иерусалима.

Приём, оказанный мне во дворце, был пышным и торжественным. В присутствии патрициев, приближённых ко двору, сенаторов, известных, прославленных военачальников, Император объявил о введении меня в сословие Всадников с максимальными привилегиями, с правом ношения на шлеме родового знака, с набором наградных фалеров. Ещё я получал значительную сумму денег из бюджета, и небольшое имение в живописном месте, в сорока пяти римских милях от столицы.

А на следующий день Тиберий Александр предложил мне должность начальника Первой центурии Шестнадцатого Стойкого Флавиiego легиона, включённого в состав Преторианской Гвардии.

Со стороны моё назначение могло показаться понижением в должности, ведь ранее я был легатом легиона, а здесь всего лишь центурия! Но это только со стороны.

Структура Преторианской Гвардии отличалась от структуры обычных войск. Первая центурия являлась центурией личной охраны Императора, и состояла из трёхсот пеших воинов и ста пятидесяти конников, подчинявшихся лично Титу Флавию, хотя формальным префектом, командующим Гвардии, был Тиберий.

Центурионы, а, следовательно, и их командир, обладали широкими полномочиями и неограниченными правами. Пожалуй, даже большими, чем тайная служба, *Agentes in rebus*.

Такое предложение предполагало, помимо колоссальной ответственности, высочайшее доверие ко мне. Конечно, я с благодарностью принял его.

Император при каждой встрече, а они стали регулярными, одаривал меня дружескими улыбками, подчёркивая доброе своё отношение ко мне.

Но ни на территории дворца, в том числе в личных покоях, ни на публичных встречах, ни на различных торжествах, Береники рядом с Императором не было...

Непривычная тишина, воцарившаяся в амфитеатре, очевидно, вернула меня в реальность, преврав мои воспоминания.

Все зрители, включая Императора Тита Флавия внимательно смотрели на меня, вернее на мою правую руку с зажатым в ней белым платком.

Единственным человеком, не захваченным общим порывом, была она – бывшая царица Иудеи, бывшая моя любовница, красавица Береника. Она демонстративно смотрела в другую сторону, будто

её совершенно не касалось то, что должно было сейчас произойти.

Зрители хотели крови! Они жаждали кровавого зрелища!

Теперь я сделал глубокий вздох. И взмахнул платком!

Проходили дни, недели, месяцы! Служба забирала почти всё моё время. Хотя обстановка в стране была, в целом, спокойной и стабильной, безопасность Императора – дело весьма ответственное и щепетильное, ибо никуда не делась тяга римской знати к борьбе за власть, а значит к заговорам, переворотам, созданию тайных обществ.

Изредка мне удавалось выкраивать день-два. Я всерьёз занялся освоением подаренного мне имения, строительством дома, посадкой деревьев, обустройством территории.

Мой достаточно зрелый возраст диктовал создание семьи. С помощью своего покровителя Тиберия я посватался к дочери патриция из рода Сервилиев, и получил благословение родителей. Свадьбу мои друзья организовали на очень достойном уровне, но рассчитана она была на ограниченное количество гостей, ибо, пользуясь привилегиями сословия Всадников, я пригласил, в качестве почётного гостя, самого Императора.

Однако, к моему огорчению, Тит Флавий не пришёл. Позже, под влиянием выпитого вина – *in vino veritas* – Тиберий сообщил мне о странной реакции Императора на известие о моей женитьбе.

– Я полагал – слегка заплетающимся языком поведал мне Тиберий, – что император выразит своё одобрение хотя бы улыбкой! Но его лицо вдруг изказила неожиданная гримаса, будто он услышал нечто очень неприятное.

Да и сам я стал замечать, что Император словно избегает меня, а при редких наших встречах, улыбка моментально сходит с его лица.

Всё это выглядело странным и необъяснимым. Я терялся в догадках, но ничего понять или даже предположить не мог.

Как-то утром прибыл посольный от Тиберия. Префект предлагал мне явиться в полдень в его резиденцию. Прибыв на несколько минут раньше, я обнаружил в малой гостиной моего друга и земляка, алана Итаза, главу Центурии тайной службы, также вызванного на встречу.

Со слов Префекта, получено известие об антиправительственном заговоре на Сицилии. Известие очень встревожило Императора, он поручил направить на остров опытных, проверенных, ответственных преторианцев, и сам назвал имена – моё и Итаза.

Честно говоря, всё выглядело немного странно: во-первых, обстановка на острове уже много десятилетий выглядела более, чем спокойной. Конечно, иногда орудовали местные банды, порой многочисленные. Они грабили торговцев, зажиточных латифундистов, не брезговали и захватом небольших судов. Но чтобы выступить против римской власти – такого ни я, ни Итаз, да и сам Тиберий, никогда не слышали.

И, во-вторых, непонятно, чем диктовалась необходимость направить для расследования именно нас? Ведь для подобных миссий в Преторианской Гвардии служили специально подготовленные люди.

Но, как говорится, приказы не обсуждают!

Через двенадцать дней я, Итаз и шестеро преторианцев достигли городка Новары, где стоял небольшой римский гарнизон, один из немногих на Сицилии. Центурион, начальник гарнизона не был, как ни странно, удивлён нашему визиту. Дело в том, что ещё три дня назад из Рима прибыли четыре человека из obsługi императорского дворца: слуги, повар и виночерпий. Их прислали с простой целью – обеспечить бытовой комфорт столь высоким гостям на время нашего пребывания на острове.

Конечно, мне редко приходилось общаться с дворцовой прислугой, но и не знать их я не имел права по долгу службы, так что лица мужчин были мне знакомы. Одного – особенно.

Бывший раб, уроженец Крита, он уже многие годы служил у Флавиев, и пользовался, судя по всему, особым доверием. На глаза попадался редко, всегда опуская при случайной встрече взгляд. Был настолько немногословен, что его часто принимали за немого. Даже когда с ним разговаривал Император, а я был свидетелем такого разговора, отвечал односложно: – да или нет – не выказывая Титу необходимого почтения ни словами, ни позой.

Мы с Итазом переглянулись. Цепь странностей обрастала новыми звеньями, порождая кучу вопросов. Почему Тиберий не сказал нам об обслуживании? Может быть – не знал сам? Почему привлекли людей из

дворца Императора, а не кого-нибудь из персонала Гвардии? Странности, странности, странности!

Да и разговор с местным центурионом ничего не прояснил. Обстановка на острове действительно отличалась спокойствием. Мелкими преступлениями занимались местные власти, лишь изредка обращаясь за помощью к римлянам. Вот, к примеру, как рассказал центурион, недавно пришедшие бандиты ограбили и зарезали местного виноторговца. Староста попросил центуриона организовать погоню и поимку душегубов, ибо всадников под его началом не оказалось! Пяти конных легионеров хватило, чтобы догнать преступников, скрутить их, и доставить в Новару, где, по решению суда, их четвертовали за убийство человека.

Обсуждение темы заговора вообще вызвала у центуриона улыбку.

– Заговор против римской власти? Здесь, на острове? Вы что, серьезно? Единственное, что можно полусушутя притянуть за уши, так это выкрики пьяного новарского кузнеца: – «Долой римскую власть»! Он часто употребляет эту фразу. Дело в том, что кузнец – бывший моряк, когда-то, давно, женившийся, будучи нетрезвым, на сварливой, злой карге. Так вот она, его жена – уроженка Рима, и именно её «власть» он пытается периодически свергать, приняв для смелости пару фляг вина!

Ужин был накрыт в шатре в уютном уголке территории гарнизона. Присланная из Рима обслуга оказалась на высоте. Низкие столики были заставлены разнокалиберными блюдами, ароматы хорошо приготовленной пищи витали в воздухе, «подогре-

вая» аппетит. За вином, как выяснилось, к виноторговцам лично ездил молчун-критянин, оказавшийся виночерпием.

Многое в сложившейся ситуации настораживало нас, одни вопросы порождали другие, так же, как и первые, остававшиеся без ответа. Мы с Итазом решили дать небольшую передышку мозгам, слегка расслабиться, дабы завтра, прямо с утра приступить к расследованию.

Пока же мы, полулёжа, наслаждались видом открытых буйной растительностью окрестных холмов, изысканными блюдами, и прекрасным местным вином. Сицилийские вина славились и в Риме, но туда их поставляли в кондиции, требующей смешивания с водой. Здесь же необходимость разбавлять вино отсутствовала. К каждому блюду, согласно традиции, виночерпий наполнял наши кубки разными винами, подходящими к конкретному яству.

Время пролетело быстро, уже стемнело. После десерта местный центурион и шестеро сопровождавших нас легионеров-преторианцев отправились отдыхать, Итаз же и я, удобно устроившись на подушках, продолжали не спеша беседовать. Чтобы не смущать нас своим присутствием, виночерпий наполнил наши кубки из только что распечатанной керамической фляги, и удалился, словно растворившись в темноте.

Вино оказалось очень приятным на вкус, в меру сладким, но, одновременно, и терпким, с незнакомыми нотками букета, то ли цветочными, то ли травяными. Оно действительно расслабляло, делая нашу

беседу более неспешной, обстоятельной и достаточно спокойной.

Веки вдруг стали тяжёлыми, очень тяжёлыми. Видимо, сказывалась усталость, хотя спать вроде и не хотелось. С усилием открыв глаза, я посмотрел на Итаза. Голова моего друга, с закрытыми глазами, была как-то странно, неестественно откинута на подушку. Видимо, в конце концов, вино разморило его. Я попытался окликнуть Итаза, но из моих сомкнутых губ не вылетело ни звука. Решив подняться, с ужасом обнаружил, что не в состоянии управлять телом.

Но сознание подчинялось мне. Пока, возможно. Ибо я уже начал понимать, что происходит, а вернее, уже произошло с нами.

Я чётко, в деталях вспомнил последний свой разговор с Береникой, в моих ушах снова прозвучали слова её предсказания: – «В один прекрасный день, ты, довольный жизнью, будешь смеяться, кутить с лучшими друзьями, строить планы на будущее. И именно в этот день ты умрёшь»!

Но ведь прекрасная фурия, ведьма, не просто предсказала, но и сконструировала мою судьбу, став не только судьёй, но и палачом. Так вот почему вдруг отвернулся от меня Тит! Ну конечно, он так же стал жертвой чар Береники, игрушкой, а скорее, грозным, смертоносным оружием в её руках.

Я не знал, что конкретно внушила она Императору, но при её фантазии можно предположить что угодно: от моих попыток домогаться негласной жены Тита, вплоть до заговора с целью его убийства. А поскольку мой арест, и обязательное официальное следствие прибавило бы Императору головной боли,

скорее всего, она же и подсказала старый как мир, но опробованный и действенный способ решения вопроса – яд.

А заодно и возможность избавиться от опытного, умного и дотошного начальника тайной службы. Верный друг мой, Итаз, как же дорого обошлась тебе дружба со мной!

Сознание угасало, перед глазами возник недостроенный дом в имении, ряды высаженных моими руками крохотных оливковых деревьев, молодая жена, уже носившая под сердцем ребёнка, которого мне не было суждено дожидаться.

Потом я вдруг увидел синюю-синюю, уходящую за горизонт морскую гладь, невысокий горный каскад тёмно-зелёного цвета, над которым возвышались величественные заснеженные вершины, причал и дворцы Диоскуриады с колоннами из белого мрамора, искрящиеся под яркими лучами ласкового утреннего солнца!

Апс依ия! Родина моя любимая...

И тьма поглотила вселенную!

Джазовая мелодия то ли пробудила меня, то ли вернула в реальность из другого измерения. Но звучала она не из моего телефона.

Дождь уже закончился, вечерело, набирали яркость только что включённые фонари на набережной, а во дворе кто-то, невидимый мне, с упоением выводил на гитаре известную босса-нову бразильского композитора Жобима.

Тамга

Юрий Дмитриевич! Юра! Дорогой мой человек! Если бы ты знал, в какую историю «втравил» меня! Втравил в прямом и переносном смысле! Что твоё искреннее служение любимому делу, и глубочайшее уважение к истории нашего народа, в данном случае сделало заложником истории и меня, обывателя. Лишило сна, заставило всерьёз взяться за изучение доступных документов и фактов. А главное – изменило меня, дало возможность неожиданно почувствовать неопиcуемый восторг и гордость от прикосновения ко всему, что связано с долгим, славным и трагическим путём народа, с моими предками, на протяжении веков!

И тут не имеет значение, случилось ли то, о чём рассказал мне когда-то отец, на самом деле, либо это была просто красивая сказка!

Одно ясно – не важно, ждут ли меня цветные реалистичные, беспокойные сны, либо я снова получу право на регрессии в прошлое, своё, либо других людей, моих родственников, а может, и совсем незнакомых мне. Я уверен, я знаю, что не раз ещё увижу воочию сверкающий этот овал, родовую тамгу, на которой, как символ вечности, причудливо соединились три треугольника!

Об авторе

Делба Владимир Михайлович – прозаик, поэт, эссеист. Родился в 1946 г. в Абхазии. Секретарь Ассоциации писателей Абхазии, член Союза литераторов России, Союза писателей XXI века, Русского ПЕН-ЦЕНТРА. Сопредседатель литературного Совета Ассамблеи народов Евразии.

Публикуется в СМИ России, Абхазии, США, Израиля, Украины. Автор девяти книг: «Сухумский стереоскоп», 2012 г., «Амра, галеон юности моей», 2013 г., «Тетрис: синестезия в стиле стаккато-джаз», 2014 г., «Апсны, обитель души моей», 2015 г., «Девятое мая», 2016 г., «STARDUST, Звёздная пыль моих воспоминаний», 2019 г., «Рулетка судьбы», 2020 г., «Я счищу, как старую краску, печаль», 2020 г., «Мост в обитель души», 2022 г.

Дипломант 26-й Московской международной книжной выставки-ярмарки, 2013 г. Лауреат Международного конкурса «Живая связь времен», Первое место за книгу «Амра, галеон юности моей» в номинации «Творческий поиск», 2014 г. Государственный стипендиат 2015 года в номинации «Выдающийся деятель культуры и искусства России». Лауреат Международной Премии имени Леонардо да Винчи, 2016 г. «Серебряный» лауреат Литературного фестиваля «ЛиФФт», 2017 г. Лауреат Международной литературной премии имени Фазила Искандера, Первое место в номинации «Проза», 2019 г. Кавалер ордена Республики Абхазия «Ахьдз Апша» («Честь и Слава») III-й степени, за заслуги в укреплении культурных связей между Республикой Абхазия и Российской Федерацией.

СОДЕРЖАНИЕ

Между храмом, стадионом и парком	5
Игрок	43
Большой снег в преддверии нового, 1993 года	113
Девятое мая генерала Василенко.....	163
Тамга	259

Литературно-художественное издание

Делба Владимир Михайлович

**МЕЖДУ ХРАМОМ,
СТАДИОНОМ И ПАРКОМ**

Редактор Эльмара Фаустова
Дизайн, компьютерная верстка Марина Чайкина

18+